

~~634~~
~~ДД2~~
420
С1

В.П. ДАРКЕВИЧ

**АРГОНАВТЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Из истории мировой культуры»

В. П. ДАРКЕВИЧ
**АРГОНАВТЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

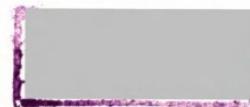
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1976

Книга рассказывает о путешествиях в VII—XIII вв., о трудностях дальних странствий и их преодолении, о стремлении людей той эпохи раздвинуть границы известного им мира. Средневековые землепроходцы переносили из страны в страну верования, моды, ремесленные традиции, произведения искусства и памятники письменности. Их деятельность способствовала взаимообогащению культур, созданию определенного единства средневековой культуры Евразии. Автор привлекает обширный материал из области литературы, археологии, истории искусства, который свидетельствует о тесных контактах различных народов и о той заметной роли, которую играли в этом процессе средневековые «аргонавты».

В. П. Даркевич — кандидат исторических наук, специалист по истории средневековой культуры, автор книг: «Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе» (М., 1966); «Путями средневековых мастеров» (М., 1972); «Светское искусство Византии» (М., 1975); «Художественный металл Востока» (М., 1976).

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Т. ПАШУТО

— 21670 —

На первой странице обложки миниатюра из рукописи
«История о Граале и другие рыцарские романы» (1280).
Национальная библиотека, Париж

Д 10602—059
054(02)—76 44—76НП

© Издательство «Наука», 1976 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Книга В. П. Даркевича — очень интересная. Огромный разноязычный исторический, литературный, агиографический, этнографический, искусствоведческий, археологический материал он умело связал в несколько прочных узлов — глав. Они раскрывают сложный процесс развития международных культурных связей народов на конкретных примерах деятельности таких категорий населения, как купцы на караванных путях между странами Европы и далекой Азии, между странами Азии и Севером, как паломники, разного рода умельцы и, наконец, бродячие актеры-скоморохи.

Традиционная, довольно бледная и статичная картина средневекового мира, обычно известная по примелькавшемуся набору фактов, ожила и засверкала пестротой нравов и обычаев, вер и суеверий, вкусов и пристрастий и, что особенно ценно, ясно обнаружила устойчивость, закономерность, системность разнообразных контактов между странами и народами, пусть еще и не столь большого, как наш нынешний, но все же изрядного мира; контактов, порожденных естественно-географическим разделением труда и неравномерностью исторического развития его отдельных регионов; контактов, ведших к синтезу и единству разноэтнических культур той эпохи.

Не прав тот, утверждает и доказывает В. П. Даркевич, кто считает раннесредневековый мир накрепко замкнутым в стенах городов, замков, башен, в оградах монастырей и храмов, в глухомани сел и деревень. Нет, люди этого мира деятельны, они ищут, странствуют, познают и передают по свету свои знания, навыки, вкусы.

Автор взглянул на далекую эпоху не свысока, а как доброжелательный современник, притом, однако, отлично сознающий социальную несправедливость общества, знающий, кто в нем носитель прогресса и добра, а кто — мракобесия и зла.

Эта книга принесет большую пользу не только читателям вообще, но и читателям-историкам.

В. Т. Пашуто

ВВЕДЕНИЕ

Путешествия избавляют от предрассудков», — гласит старое изречение. Когда средневековый человек пересекал границы своего мирка и устремлялся вдаль, оказывалось, что за глухими лесами и снежными горами, за бескрайними просторами морей и пустынь живут не чудовищные псоглавцы и четырехглазые эфиопы, которых рисовали на географических картах, а такие же люди, как он сам. Перед взором путника возникали новые страны, проходили разные племена и народы. При всем своем различии в чем-то главном они были понятны ему. У чужеземцев мог быть иной цвет кожи и разрез глаз, они могли говорить по-иному, молиться неведомым богам и рядиться в диковинные одежды, но, как и на родине пришельца, эти люди веселились на свадебных пирах и горевали о своих мертвых, растили детей, пахали землю и разводили скот. Их одолевали те же будничные заботы в непрестанной борьбе за существование. И по утрам, начиная трудовой день, они одинаково радовались яркому солнцу. Лицезрение далеких земель не только обогащало знаниями и расширяло кругозор — оно возвышало дух, приобщая к великой людской общности.

Однако в ту эпоху нелегко было преодолеть темные завесы подозрительности и вражды к «варварам», «язычникам», «неверным», которых издавна считали «нечистыми», «дикими», «вероломными». В сознании средневекового человека, резко расчленявшего мир на полярные противоположности, укоренились недоверие и предубеж-

денность ко всему «чужому» — чужому в национально-племенном, вероисповедном и языковом смысле. Деление мира на «свой» — праведный и «чужой» — греховный, враждебный чрезвычайно характерно для людей того времени. Даже о родственных племенах нередко отзывались с пренебрежением и чувством превосходства. Православные и католики взаимно хулили друг друга как схизматиков; и те, и другие со всех церковных амвонов обрушивались на «слуг сатаны» — нехристиан. Ненависть к иностранным, к врагам «истинной» веры, на которых не распространялись человеческие установления, приводила к бесчисленным кровавым столкновениям и обоядной жестокости. Возникавшие мирные контакты постоянно ставились под удар. И все же вопреки государственным границам, языковым барьерам, религиозной розни и войнам порой являлась мысль о единстве всего рода человеческого. При ближайшем знакомстве оказывалось, что каждый народ чем-то знаменит и славен, в чем-то превзошел других и внес свой дар в сокровищницу человеческих знаний.

Знай, в поэзии лучших наездников нет,
Чем арабы, а Греции древней сыны
Медицину избрали ареной своей,
В чаредействе индусские люди сильны.
Математика, музыка — римлян удел,
Власть Китая в искусстве рисунка тверда,
Но искусствей художников свет не видал,
Чем багдадские мастера, никогда¹.

Насир Хисроу

На мир начинали смотреть шире и объективнее. Когда в малоазийском городе Конье скончался проповедник и поэт Джалалидин Руми (1272), в последний путь певца «религии сердца» провожали мусульмане, христиане, иудеи, индузы, буддисты. При жизни почитаемый всеми наставник призывал людей к братству и дружбе:

Как часто бывает, что турок и индиец находят общий язык,
Как часто бывает, что два турка словно чужие.
Значит, язык единодушия — совсем иное дело:
Единодущие дороже единоязычия².

Близкие передовым мыслителям Востока идеи сближения народов, у каждого из которых есть чему поучить-

ся, не были чужды и европейцам. Недаром провансальский трубадур Пейре Карденаль (XIII в.) высказывал желание освоить словесность сарацин, позаимствовать тонкий ум у античных философов и мужество у татар.

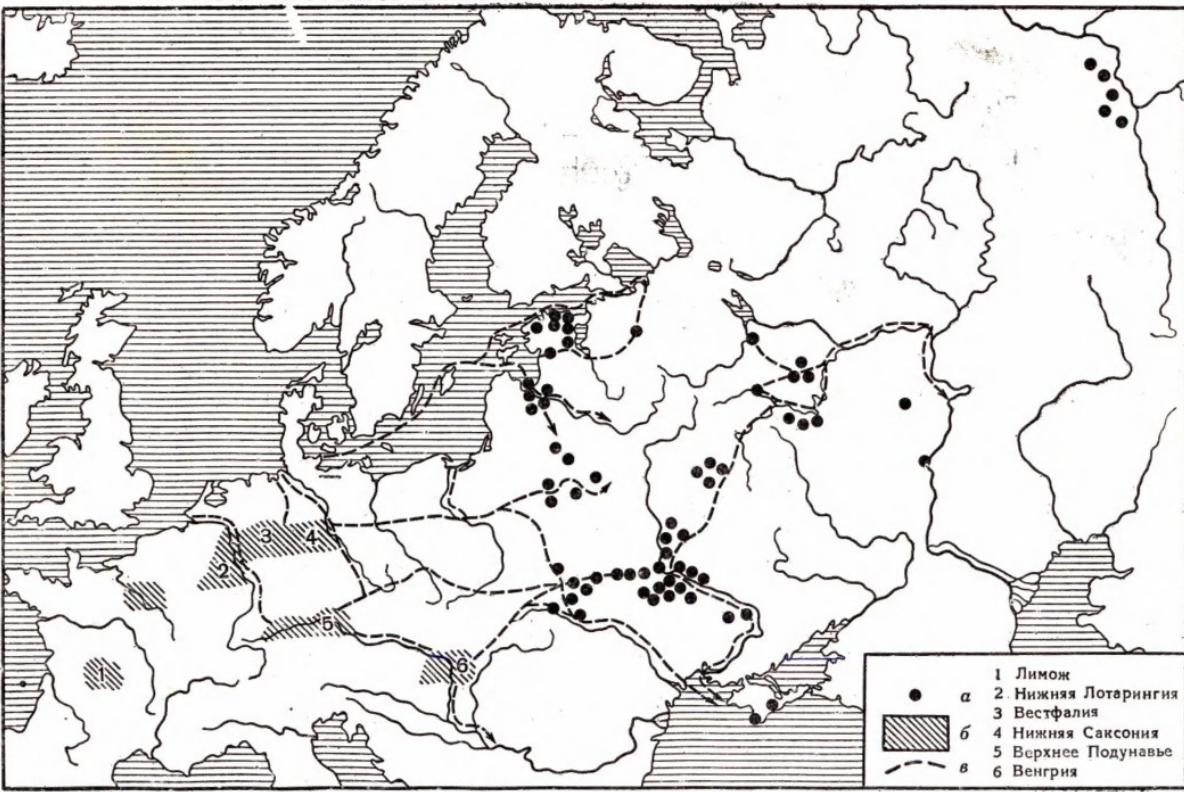
В неутолимом стремлении связать, примирить разобщенное и противоречивое человек Средневековья одолевал бесчисленные препятствия, воздвигаемые природой и самими людьми:

Часто, на камни ложась, из облаков свой шатер
Я мастерил и в глухи спал наподобье зверей.
Я по горам проходил выше высокой луны,
Спутником рыб по волнам несся я ветра быстрой.
То я блуждал по пескам жарче горячей золы,
То по стране, где зимой мрамора тверже ручей.
То между осыпей шел, то вдоль потоков седых,
То в бездорожье, в горах старого мира старей.
То пред верблюдами брел, тяжко веревку влача,
То, словно выючная тварь, с ношью — мимо дверей,
В город из города шел, всюду людей вопрошал,
К берегу дальних земель плыл я по шире морей³.

Носир Хисроу

Так усилиями путешествующих наводились «мосты» между народами и цивилизациями, так происходил взаимный обмен информацией — непременное условие развития общества. «Только от распространенности сношений зависит, теряются — или нет — для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения» (К. Маркс и Ф. Энгельс)⁴. Внешние воздействия способствовали прогрессу стран и областей, подготовленных к усвоению и реализации достигнутых другими успехов. На благодатную почву пересаживались целые культурные пласти, «и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменялись, приспособливались, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы»⁵. Из восприятия и переработки чужого рождалось свое, особое, неповторимое: в тигле местного творчества заимствованное сплавлялось со своим и обретало иное качество. Именно таким путем произошло приобщение феодализирующейся Руси к зрелой культуре византийского Средневековья.

На стыках различных культур возникали смешанные

Произведения романского прикладного искусства в Восточной Европе, XII—XIII вв.:

a — предметы импорта; *б* — районы их изготовления; *в* — пути сообщения

и оригинальные формы: благодаря диффузии и взаимодействию несхожих элементов она становилась более сложной, «гибридной». Такова блистательная культура Сицилии XII столетия, где после арабского и норманнского завоеваний сошлись Запад и Восток. В островной архитектуре органически слились черты византийской архитектуры, арабской и романской. Одни сицилийские церкви напоминают мечети, другие — христианские базилики. В импозантных интерьерах золотые византийские мозаики и резьба по цветному мрамору удивительно гармонируют со сталактитовыми потолками, расписанными египетскими художниками. Благодаря скрещению художественных принципов, порожденных разными традициями и восходящих к разным школам, развитие средневековой культуры предстает как единый, взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс.

По самой своей сути искусство того времени было коллективно и коммуникативно: художник, заботившийся не о внешнем правдоподобии, а о символическом, «горнем» смысле изображаемого, говорил на общесредневековом языке. При таком понимании творческих задач искусство приобретало надэтнический масштаб. В нем необычайно возрастала роль наиболее емких по содержанию композиций и сюжетов, которые с легкостью переходили из страны в страну, из мастерской в мастерскую. Параллелизм развития разных народов, единство теологической культуры и эстетики создавали благоприятную почву для переноса изобразительных формул — стереотипов. Их распространяли странствующие ремесленники или местные мастера, работавшие по чужеземным образцам. Средневековый художник стремился впитать опыт и знания своих зарубежных коллег, быть в курсе всего лучшего, что ими создано. Автор «Сочинения о различных искусствах» пресвитер Теофил (конец XI — начало XII в.) писал в предисловии:

«Коль скоро ты его с вниманием тщательно исследуешь, то увидишь, чего достигли в Греции в отношении различных видов красок и смесей, что знают в Тоскане об электре (твердом соединении серебра с золотом.— В. Д.) или о разнообразии черных красок, что знают, в отличие от других, арабы в области кузнечного дела и литья, каким разнообразием сосудов различной формы, изготовлением гемм или изделий из кости, украшенных золотом [и

серебром], славится Италия, как любят и ценят разнообразные оконные украшения во Франции, что хвалят в Германии из числа золотых, серебряных, бронзовых, железных, деревянных и каменных изделий»⁶.

Лишь немногие из путешественников Средневековья оставили записи о своих скитаниях в отдаленных и удивительных краях. Эти энергичные, сильные и решительные люди не вели путевых дневников и не писали подробных писем; безвозвратно канули в Лету сами их имена. О некоторых уцелели только скучные и отрывочные сведения, всесторонне изученные наукой. Чтобы рассказать о средневековых землепроходцах, современный исследователь обращается к археологии, нумизматике, истории искусства. Он заставляет «говорить» не только хроники, ученые трактаты, деловые документы, но и архитектурные памятники, и «мертвые» музейные экспонаты — безмолвных свидетелей некогда процветавшей торговли, многоструйных странствий «духовных ратоборцев»-пилигримов, парадных приемов иностранных послов. Он исходит из того, что между отдельными областями культуры не существовало жестких и неподвижных границ: обращение к литературе, эпосу, мифологии, истории религий открывает для него неожиданные перспективы. И тогда детали, которые вначале казались несущественными и случайными, превращаются в ключ к пониманию многообразных явлений. «Посторонние» факты, якобы независимые друг от друга, находят свое место в целостной картине. Раздробленное и само по себе мертвое, вписываясь в широкий контекст, преобразуется в яркую, многообразную и вечно живую историю.

Археолог обладает собственными методами исследования связей, изучая вещи и монеты, найденные вдали от их родины. Выявляемые предметы импорта он делит на две категории: предметы массового ввоза и предметы роскоши. Первые (монетное серебро, стеклянные и каменные бусы, дешевые металлические украшения, оружие) характеризуют как внешние связи, так и повседневный внутренний обмен. Они сначала поступали на городские рынки и ярмарки, оттуда купцы-коробейники разносили их по деревням. Эти иноземные изделия пользовались большим спросом у феодальной знати, в среде ремесленников и крестьян (у последних — за исключением ору-

жия). Предметы роскоши (произведения художественного ремесла из золота, серебра и драгоценных камней, шелковые ткани, поливная и стеклянная посуда) переносились на огромные расстояния в составе посольских и свадебных даров, паломниками, бродячими ремесленниками и эмигрантами, в числе военных трофеев. Драгоценная утварь быстро оседала в сокровищницах светской аристократии и ризницах монастырей, превращаясь в «недвижимое имущество». Изделия из серебра нередко переплавлялись в монеты или слитки и снова попадали в сферу обращения.

Определение происхождения импортных предметов позволяет установить те страны, между которыми вели обмен, и страны, расположенные на главных коммуникациях. Хронология вещей намечает периоды зарождения, расцвета и постепенного затухания связей с тем или иным районом, а их картографирование помогает реконструировать важнейшие пути сообщения. Концентрация находок выявляет основные торговые центры. Обстоятельства открытия предметов (в кладах, на территории замков, городских крепостей-детинцев или торгово-ремесленных посадов, среди утвари церквей, на сельских поселениях и в могильниках при них, в дружинных погребениях) содержат сведения о социальном составе участников обмена.

Так углубленное изучение памятников культуры помогает воссоздать историю «открытия земли», рассказать не об изолированной жизни, а о постоянном и плодотворном общении людей.

Глава 1

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Allons! кто бы ты ни был, выходи, и пойдем вдвоем!
Со мной никогда не устанешь в пути...
Allons! ни минуты не медля,
Пусть лавки набиты отличным товаром, пусть жилье
так уютно,
мы не можем оставаться,
Пусть гавань защищает от бурь, пусть воды спокойны, мы
не вправе бросить здесь якорь,
Пусть окружают нас горячим радушием, нам дозволено
предаться
ему лишь на самый короткий срок.

Уолт Уитмен

И а Востоке географию считали богоугодной наукой, а расширение географических горизонтов — благочестивым деянием. В средневековой же Европе существовало двойственное отношение к географическому пространству и идее движения. С одной стороны, боязнь дали, стремление к локальной обособленности и замкнутости в удобно обозреваемом микромире. Казалось, все удерживало от попыток покинуть отчий кров: бездорожье, опасности, на каждом шагу подстерегавшие путника, неосведомленность об отдаленных землях, где чужака могли ожидать скорая гибель и забвение. По самой своей природе феодальный строй тяготел к упорядоченности всех сторон бытия: каждому в зависимости от положения в иерархии был предуказан определенный круг обязанностей и соответствующее место в пространстве средневекового мира. Феодализм стремился изолировать сословную личность: приковать рыцаря к его замку, священника — к его приходу, ремесленника — к его мастерской, крестьянина — к его наделу. Кругозор человека замыкался зубчатой стеной леса вокруг распаханного поля, феодальным владением, монастырем или городской общиной. Людей разделяли социальные перегородки, территории дробились на множество разобщенных княжеств и графств. Христианство проповедовало необходимость самоуглубления и сосредоточенности, кото-

рым мешает смена впечатлений в путешествиях: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душа своей повредит?» (Евангелие от Матфея). К обращенности в себя призывал блаженный Августин: «Люди удивляются высоте гор, и огромным волнам моря, и величайшим водопадам, и безбрежности океана, и течению звезд, они же не обращают внимания на себя самих...»¹. Истинно верующему незачем ходить далеко. «Деревце, часто пересаживаемое, засыхает», — утверждали теоретики византийского монашеского аскетизма. Паломничество — это, бесспорно, богоугодное дело, но вместе с тем и опасное для благочестия: ведь пилигримы шли к чужим народам — еретикам и язычникам. Моралисты смотрели с недоверием на беспокойный бродячий люд.

С другой стороны, человеку Средневековья было свойственно ощущение «жизни в пути». Пребывание в сем бренном мире представлялось постепенным приближением (восхождением) к богу, который некогда воззвал: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за мною» (Евангелие от Луки). Сам Христос подавал пример ищущим святости тысячам пеших и конных, убогий скарб которых умещался в дорожной суме. «Все странствующие, без разбору, принимаются, точно Христос, ибо сказал он: „Я был странником, и вы приняли меня...“». С особым же тщанием принимать нищих и пилигримов, ибо в лице их более всего принимается Христос; ведь богатого чтут уже из боязни» (Монашеский устав Бенедикта)². Путникам покровительствовали и светские власти: «...Чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком,— то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым» («Получение» Владимира Мономаха)³.

Средневековое общество — общество оседлых людей, накрепко привязанных к своему клочку земли, якобы скованное в неизменных границах,— в действительности пребывало в непрерывном и всеобщем движении. Средневековые люди легко переходили от оседлости к жизни в пути: покидали издавна знакомый и докучный мирок и вырывались на просторы огромного христианского мира, а самые отважные проникали далеко за его пределы. «Вселенская» церковь не знала расстояний и государст-

венных границ. Между ее владениями, разбросанными по Западной Европе, поддерживались преемственные связи. Господствующая культура с ее тенденцией к идеологическому и организационному единству, к постоянному расширению своего влияния за счет обращения «нехристей» в «истинную веру», с ее универсальным латинским языком способствовала развитию коммуникаций. Путешествия побеждали косность повседневного уклада жизни, будоражили и встряхивали людей. На скандинавском Севере слово «домосед» служило синонимом слова «глупец». Славолюбивого Александра Македонского не только осуждали за суетное влечение к недостижимому — им и восхищались, ибо «слишком тесными он назвал пределы земные»:

...Землю своим непрестанным движеньем
Вождь Македонский терзает: своими смирил кораблями
Он Памфилийское море, сломил он Дария трижды,
Азию всю покорил, и Пор, ие терпевший доселе
Ни одного пораженья, служить ему должен. Востока
Мало, как видно, ему. Безумец, как молния, мчится
Он к Океану теперь: и если судьбы позволят,
Встерь ему благосклонный послав, он далекого Нила
Тайный источник найдет...⁴

Вальтер Шатильонский

В Средневековье постоянно сталкивались центростремительные и центробежные силы, элементы объединения и разобщения составляли нерасторжимое диалектическое единство. Сепаратизму и могущественному «духу местности» противостояла неуемная тяга в даль.

«Нечеловеческие лики чудовищных племен»

Провинциализм сказывался в непонимании реального пространства, смешении понятий «близкого» и «далекого». Классическим примером стал рассказ о том, как ополчения первого крестового похода принимали за Иерусалим приуднайские города Венгрии и Болгарии. Видели только передний план; земли других широт рисовались крайне смутно. Кругозор раннесредневекового хрониста, претендовавшего на охват всемирной истории человечества «от Адама», на деле ограничивался пределами его епархии,

в лучшем случае — его государства. Сведения по универсальной истории он черпал из Библии и других литературных источников, а при описании современных ему событий в отдаленных местах нередко руководствовался туманными слухами, приносившимися паломниками и купцами. Летописец, хорошо знавший свой «угол», резко менял тон описания, когда переходил к рассказу о соседней стране. Даже наиболее серьезные европейские писатели дают скучные и недостоверные сведения о скандинавском Севере. В «Песни о нибелунгах» автор — видимо, австриец — путается, говоря о Бургундии.

Географический горизонт средневекового книжника эквивалентен духовному горизонту христианства; географическое пространство являлось для него одновременно пространством сакральным, окрашенным в религиозно-моральные тона: земли он делил на праведные и греческие, еретические.

Представления об устройстве Вселенной вытекали из богословских идей, ориентированных на постижение все-вышнего. Средневековье унаследовало античную систему концентрических сфер с неподвижной Землей в центре мироздания. В удивительной для современного человека «интеллектуальной» географии и картографии реальные сведения причудливо смешивались с библейскими. Показательна карта мира XIII в., выполненная в аббатстве Сен-Дени под Парижем. До крайности схематичная, она воспроизводит не дошедший до нас римский образец. Плоская Земля изображена в форме круга: «Кругом земным (*orbis terrarum*) называется он по круглой своей форме, так как он вроде колеса»⁵. Три континента — Европа, Азия и Африка — расположены в виде буквы Т по сторонам Средиземного моря. В центре круга помещен Иерусалим — «пуп Земли», «священнейшая столица Иудеи». «Сей славнейший город является всему миру главою всех городов, ибо в нем спасение рода человеческого свершилось смертью и воскресением господа... Сам же великий град содержит гроб господень, куда с благочестивою алчностью устремляется весь мир»⁶. Верхний край карты, где вместо нашего севера находится восток, занимает земной рай — «место плодородное и примечательное всякими приятностями, но недосягаемое для человеков». В «земле обетованной» растет древо познания добра и зла, отсюда берут начало четыре райские реки:

Фисон (Ганг), Геон (Нил), Тигр и Евфрат. В пределах парадиза они скрыто текут под землей, выходя на поверхность вдали от чудесных истоков. Слева от рая картограф указал место, где Александр заточил мерзкие народы Гог и Магог. Города обозначены архитектурными символами. В Европе показаны Афины, Константинополь, Рим и Париж, в Азии — Иерусалим, Назарет, Дамаск, Антиохия, Троя, Мекка, Вавилон и Ниневия, в Египте — Александрия и Каир. Землю со всех сторон обтекает океан, четырем странам света соответствуют двенадцать ветров.

Средневековая космография была полна фантастических измышлений о землях, расположенных за пределами Европы и Средиземноморского бассейна. Она не знала четкой грани между выдумкой и истиной. Заимствованные у античных писателей рассказы о сказочных странах Азии и Африки воплощали утопические мечты бедного и замкнутого христианского мира. Верили, что где-то на Индийском океане лежат необычайно богатые острова и земли. Они изобилуют драгоценными металлами и самоцветами, благовонными деревьями, целительными кореньями и пряностями. Здесь произрастает древо жизни с дарующими бессмертие плодами. Дикиеaborигены стран вечного лета свободны от всяческих запретов, сам облик этих существ необычен.

Путешественник, рискнувший углубиться в азиатские пустыни или тропические дебри Африки, мог повстречать суровых амazonок, скачущих на диких конях, и антропофагов с лошадиными ногами, услышать собачий лай псоглавых людей-кинокефалов или попасть к совсем уж странным племенам, которые питаются лишь запахом яблок. Здесь муравьи величиной с собаку охраняют золотой песок, огромные змеи проглатывают оленей, а в реках плавает червь, который своими клешнями схватывает и топит слона. Чудесны человекообразные монстры Эфиопии: «А вот безлюдные пустыни и нечеловеческие лики чудовищных племен. Одни — без носа, все лицо их ровное и плоское. Вид их безобразен. У других уста срослись, и они через маленькую дырку сосут еду овсяным колосом» (надпись на полях карты, исполненной в Люнебурге около 1284 г.)⁷.

Средневековый человек с его любовью к парадоксальному доверчиво слушал побасенки, подкрепленные сви-

дательствами «очевидцев». В ту эпоху никто не проверял их подлинность, никто критически не сопоставлял различные версии. Так велика была власть чудесного над умами «в нездешнее влюбленных» людей, что даже великие путешественники, сами проникшие в легендарные края, не избежали всеобщих заблуждений. Правдивый и далеко не легковерный Марко Поло повторил небылицы о хвостатых людях в горах Суматры, а зондского носорога превратил в мифического единорога: «...Шерсть у них, как у буйвола, а ноги слона, посреди лба толстый и черный рог; кусают они, скажу вам, языком; на языке у них длинные колючки, языком они и кусают... С виду зверь безобразный...»⁸. Венецианский купец с доверием отнесся и к легенде о псоглавцах с Андаманских островов.

Но внешний мир знали гораздо лучше, чем можно судить по космографии, питавшейся традиционными предрассудками. Нелегко поставить под сомнение авторитет таких писателей-энциклопедистов, как Гай Юлий Солин или епископ Исидор Севильский. Однако теоретические домыслы отставали от жизненной практики. Плававшие за тридевять земель моряки и вездесущие пилигримы вместе с экзотическими товарами и священными реликвиями доставляли на родину и вполне реальные известия о далеких народах и государствах. Из этой сокровищницы народного опыта — правда, скрупультно — черпали сведения историографы и авторы «дорожников»-итinerариев.

Итальянские кормчие, основательно изучившие Средиземноморское побережье, давали достоверный материал составителям карт.

Люди на дорогах

Привыкшие к легкости и быстроте коммуникаций и совершенным средствам информации люди XX столетия склонны к преуменьшению роли контактов, которые имели место в прошлом. Однако огромное число фактов свидетельствует о динамизме средневекового общества. С насыщенных мест снимались целые категории людей, которых материальные интересы не задерживали дома. Между странами и областями происходил непрестанный демографический обмен.

Необычайно мобильна была не привязанная к земле родовая знать Скандинавии. Вступая в конфликт с королевской властью, «морские конунги»⁸ без сожаления покидали суровую родину. За ними в далекие походы из Дании, Норвегии, Швеции тянулись выходцы из разных социальных групп. «Легкие на подъем» вожди, жившие военной добычей, набирали дружины из молодых искателей славы и приключений, снаряжали ладьи и отправлялись в заморские экспедиции, основывая поселения на вновь открытых территориях.

Многие навсегда оседали в чужих странах или служили там военными наемниками. Викинги бороздили моря и реки от Ледовитого океана до Каспия, они колонизовали Исландию и за 500 лет до Колумба проложили путь в Америку по неисследованным водам Северной Атлантики. Недостаток в землях, пригодных для земледелия и скотоводства при избытке населения, рост могущества родовитых людей, жаждавших быстрого обогащения на чужбине, — вот причины широкой экспансии норманнов.

Примитивно обрабатываемая земля не могла прокормить все увеличивавшееся население Европы. Один из способов борьбы с перенаселенностью и земельным голодом — заселение окраин, интенсивное освоение новых пространств. Индивидуальная или массовая колонизация их привела к существенным демографическим сдвигам. Границы феодальных вотчин не являлись преградой: спасаясь от гнета, вилланы (крестьяне) покидали своих сеньоров и устремлялись из деревень в города или к непраспаханным пустошам. Внутренняя колонизация происходила в границах государства — из центра в его периферийные районы (занятие фланандцами болотистого побережья Фландрии), внешняя — уводила за его рубежи (возвращение западногерманских переселенцев в Трансильванию, восточных славян — в Верхнем Поволжье и Двинской земле).

Не сидели на месте обитатели феодальных замков. В случае нарушения присяги верности сюзерен мог отобрать у своего вассала пожалованный на условиях службы рыцарский феод или предоставить другой, вдалеке от предыдущего. При существовавшей системе единонаследия, когда отцовская «корона и владения» переходили к старшему сыну, младшим сыновьям не оставалось ничего

другого, как искать счастья на стороне. Из среднего и мелкого дворянства вербовались армии крестоносцев. Норманные завоеватели Англии, немецкие колонисты в Восточной Прибалтике, феодалы Иль де Франс, захватившие лены¹⁰ в Провансе после разгрома альбигойцев¹¹ или в Испании в ходе реконкисты¹², — вся многоплеменная масса рыцарства была чрезвычайно подвижна.

Типичная фигура на дороге — это видавший виды купец, «запыленная стопа», как его называли в Англии. «Искусный купец с сумой богатой» путешествует с товаром и мечом у седла, исправно платит пошлины на заставах, спешит, чтобы успеть заключить выгодную сделку. Целые месяцы он проводит вне дома, но в случае удачи возвращается из скитаний «веселый и счастливый». Караваны купеческих судов плывут по рекам и морям, по дорогам в сопровождении стражников едут тяжело нагруженные обозы.

Бы рыщете по волнам всех морей,
Бы посещаете края чужбины,
И вам, отцы вестей и новостей,
Краев земных все ведомы судьбины¹³.

Джеффри Чосер

Обычно купцы грамотны и умеют объясняться на языках стран, лежащих на их пути. Многие торговцы, которые в IX в. путешествовали из государства франков в Китай, могли изъясняться на франкском, греческом, персидском, арабском и славянском языках. Кочевой образ жизни, общность интересов и необходимость противостоять конкуренции заставляли купцов объединяться и приучали к взаимной поддержке. Так возникали купеческие корпорации — гильдии, или ганзы. «Купец был революционизирующим элементом этого общества...» (Ф. Энгельс)¹⁴

Крестьяне, рыцари и торговцы встречали на дорогах лиц духовного звания — епископов, аббатов, простых монахов. Одни из них ехали на церковный собор, другие — с докладом в Рим, третьи — читать лекции в университетский город. На верхнем Дунае основывали обители ирландские монахи-эмигранты. Подвижность духовенства, книжных людей, переводчиков типична для Средневековья. Общению южных и восточных славян в православных странах благоприятствовала единая церковная

организация и языковое родство. Усиленный взаимообмен культурными ценностями происходил в монастырях Афона, Константинополя, Иерусалима, Синая, Болгарии.

В пути и безместные клирики: священники, лишенные приходов, монахи, которые покинули свои монастыри из-за провинности или в стремлении к «правильному» уставу, неуживчивые еретические проповедники. Этих любителей бродячей жизни, которые «измышляют невиданное и свои слова выдают за божьи», безрезультатно бичуют в постановлениях соборов и синодов. Нерадивого клирика, «поющего песни в застолье», лишают духовного сана и выдают светским властям.

В поисках знаний из города в город, из одной соборной школы в другую странствуют пытливые и бесшабашные студенты — ваганты (само слово «вагант» означает «бродячий»). «Школьяры учатся благородным искусствам — в Париже, древним классикам — в Орлеане, судебным кодексам — в Болонье, медицинским припаркам — в Салерно, демонологии — в Толедо, а добрым нравам — нигде», — говорили о них¹⁵. Любознательную молодежь притягивали знаменитые университеты или прославленные молвой профессора. Многие энергичные молодые клирики, получив образование, не находили ни прихода, ни места в канцелярии, ни учительского места и были вынуждены кормиться случайным заработком, подаяниями духовных и светских сеньоров. Они могли написать латинское славословие или прошение, дать юридический совет, оказать медицинскую помощь. Жизнь вагантов превращалась в вечное скитальчество:

Человеку нужен дом,
словно камень прочный,
а меня судьба несла,
что ручей проточный,
влек меня бродяжий дух,
вольный дух порочный,
тинал, как гонит ураган
листик одинокный.
Как без кормчего ладья
в море ошеломлен,
я мотался день-деньской
по земным пределам¹⁶.

Архипицита Кельнский

Дружный бродячий «орден» вагантов, или голиардов, пополняли самые разные неприкаянные люди («в братии скитальческой все скитальцы — братья»). Среди них много неудовлетворенных мятежных натур:

Рады и монаху мы с выбритой макушкой,
Рады и пресвитеру с доброю подружкой;
Школьника с учителем, клирика со служкой
И студента праздного — всех встречаем кружкой...
Принимает всякого орден наш вагантский:
Чешский люд и швабский люд, фряжский и славянский,
Тут и карлик маленький и мужлан гигантский,
Кроткий нрав и буйственный, мирный и смутьянский¹⁷.

«Чин голиардский»

Эти умствующие острсловы-стихотворцы и озорные гуляки серьезно беспокоили церковные власти и благона-меренных бюргеров. «Поклонники Бахуса и Венеры» ночи напролет играли в кости (зернь), на велеречивой латыни сочиняли кощунственные песни об алчной римской курии, а при случае охотно брались за оружие, принимая участие в общественных смутах. В своих обличительных стихах они высмеивали невежество «люда под капюшонами», глумились над жирными прелатами, лицемерными постниками и кабинетными книжниками. «Проплаченные гульбою и прожорством» поэты-школьяры, слагатели «золотых строчек», в которых слышался гогот безудержного кабацкого веселья, не принадлежали к баловням фортуны:

Прервав над логикой усердный труд,
Студент оксфордский с нами рядом плелся,
Едва ль беднее вищий бы нашелся:
Не конь под пим, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой.
Он ни прихода не сумел добыть,
Ни службы канцелярской. Выносить
Пужду и голод приучился стойко.
Полено клал он в изголовье койки.
Ему милее двадцать книг иметь,
Чем платье дороже, лютню, снедь.

Он негу презирал сокровищ тленных,
Но Аристотель — кладезь мыслей ценных —
Не мог прибавить денег ни гроша,
И клерк их клянчил, грешная душа,
У всех друзей и тратил на ученье... ¹⁸

Джеффри Чосер

Дорога уводила вдаль людей разных классов и состояний. Одни искали чужие края ради «дел святых», другие бежали от врага, голода или моровой язвы. Когда в 1128 г. в Новгороде «люте бяше», голодавшие, спасаясь от «казней божьих», «разидашася по чюжим землям». По словам летописца, дорожевизна и «мор силен» приводили к массовому исходу за рубежи. «И разидася град нашъ и го́лость наша, и полны быша чюжии гради и страны братъи нашей и сестр, а останок почаша изъмирати».

Опальные изгои спасались от политических и религиозных преследований. Душевный разлад влек на Восток одержимых любовью рыцарей-трубадуров. Цели путешествий переплетались: подчас трудно отличить обворванного монаха или «углубленного в божественное» паломника от расчетливого дипломатического агента.

В числе странников — удрученные печалью и обездоленные, которым нечего терять. В скитаниях по белу свету отверженные находили пропитание и нечто вроде утешения:

Среди этих нищих больше несчастных людей,
Чем среди других всякого звания людей, которые странствуют
по этой земле.

И те, которые живут такой жизнью, могут проигнать день,
Когда они родились, когда им придется уходить отсюда.
Но старые люди и седые, бессильные и беспомощные,
И женщины с детьми, которые не могут работать,
Слепые и больные со сломанными членами,
Которые переносят это несчастье с кротостью, как и
прокаженные и другие,

Получат такое же полное прощение, как и сам Пакарь ¹⁹.

Уильям Ленгленд

На средневековых дорогах так много убогих и калек, что Т-образный посох, на который опирался старец-пустынник, сгорбленный нищий, слепец, стал символом всех странствующих.

Дороги нигде не кончаются

Дремучие леса, разделявшие заселенные участки, занимали огромные пространства Европы. Таинственная чаща со всей ее загадочностью вплотную подступала к жилью и пахотным угодьям, вынуждая к упорной борьбе с ней. Человек Средневековья нередко жил на лесной опушке — в деревушке или на обособленном хуторе. По почам он слышал тявканье лисицы, крик совы, а утром обнаруживал на снегу свежие следы волка. Девственные леса с их тополями, сырьими мхами и буреломом простирались на много дней пути:

Он едет несколько недель!
Все мох да мох, все ель да ель,
И лесу нет предела...²⁰

Вольфрам фон Эшенбах

В средней полосе и на севере Руси лесные массивы были столь обширны, что однажды два враждебных войска разминулись без сражения, запутавшись в чащобах. Одно из них шло из Москвы, другое из Владимира (1175 г.).

Реки-то озера ко Новгороду,
Мхи-то болота ко Белоозеры,
Широки раздолья ко Опскому,
Темные леса ко Смоленскому...²¹

Лес давал людям топливо, дерево для построек и инвентаря, мясо на зиму, дикие плоды, ягоды и мед диких пчел. Но вместе с тем он внушал тревогу и суеверный трепет. В этой зачарованной глухи находили убежище не только безобидные отшельники и бледные влюбленные рыцари куртуазных романов. Здесь скрывались убийцы, разбойники, все злодеи, поставленные вне закона. Отчужденность между человеком и лесом превратила лес в средоточие страшных поверий. В угрюмых чащах христианские миссионеры безуспешно искореняли языческих божков. По временам из сумрачных глубин выходили огнедышащие драконы и люди-волки, вурдалаки. Великаны, волшебники и феи обитали бок о бок с тиграми, львами, леопардами. На заросшей лесной тропе Илья Муромец повстречал как-то сидящего на девяти дубах Соловья-раз-

бойника. Безграничный бор, полный зasad, символизировал духовную слепоту и мирские обольщения.

Только «дорога прямоеезжая» сквозь лес могла внуть уверенность человеку. Кое-где еще сохранялись мощенные гладкими плитами римские дороги. Некогда по ним маршировали когорты легионеров, по служебным или коммерческим делам торопились чиновники и негосцианты. Но эти прямые шоссе с перекипутыми через ущелья акведуками и туннелями сквозь скалы были мало пригодны для людей, которые, перевозя свой багаж на спинах выночных животных, особенно не спешили, часто сворачивали в сторону, чтобы миновать замок рыцаря-разбойника или посетить какое-нибудь святое место. Больше ходили проселками, вьющимися полевыми тропинками, межевыми тропами или корявыми булыжными трактами. Сливаясь друг с другом, они приходили к местам паломничества, бродам, мостам, перевалам. Дороги нигде не кончались, они могли улечь далеко-далеко, за каждым поворотом и каждым извивом реки открывались новые дали. «...Движение не сосредоточивалось в нескольких крупных артериях, но прихотливо растекалось по множеству мелких сосудов. Обитатели любого замка, села или монастыря, даже самого отдаленного, могли рассчитывать, что их время от времени будут посещать странники, эта живая связь с большим миром»²².

При дорогах стояли кресты и распятия, у которых путник отдыхал и молился. Кресты отмечали высшую точку местности, откуда открывалась широкая панорама, предупреждали о речных перекатах и скрытых под водой отмелях, но чаще ставились на перекрестках. По этим дорожным вехам путешественник выверял свой маршрут.

Изредка власти пытались чинить старые или прокладывать новые дороги из дерева и камня, по непролазным топям мостить бревенчатые настилы-гати. Эти благие начинания обычно вызывались военными действиями или походом за данью. В целом состояние дорог было плачевным:

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Ай по той ли по дорожке прямоезжю
Да ѹ пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал...²³

На таких дорогах легко увязали в грязи; управление четырехколесной повозкой требовало профессиональной споровки. Среди археологических находок в Польше известны тележные колеса со спицами, сделанные из дуба и осины. Основной тягловой силой служили лошади. Легко пробирались по бездорожью волы, ослы, мулы. Скорость передвижения была невелика: в зависимости от условий местности дневные этапы составляли от 25 до 60 км. Из Болоньи до Авиньона добирались две недели, с Шампаяской ярмарки в Ним — 22 дня, из Флоренции в Неаполь — 12 дней. Три недели шли по сухопутью товары из Курска в Киев. Зимой ездили на санях и лыжах (в Скандинавии и России), но сугробы и лютые морозы часто обращали вспять обозы и рати. Археологи обнаружили в Новгороде высоко изогнутые санные полозья и древнейшую скоростную лыжу, похожую на современную (в слое XIII в.).

Там, где у водной преграды сходились важные пути, строили мосты: через небольшие горные потоки — висячие, через широкие реки — на сваях, вбитых в дно. С XII в. в городах Западной Европы стали сооружать каменные мосты. Возвведение мостов прославляли как богоугодное, полезное для всех дело. Стройке предшествовали «чудеса»: они помогали организовать сбор пожертвований. С Авиньоном связана история молодого пастуха Бенезета, которому сам Христос повелел выстроить мост на Роне. Юноша убедил епископа и земского судью, собрал тысячи рабочих, нашел в римских руинах необходимые материалы и к 1189 г. мост завершили. Впоследствии Бенезета похоронили в часовне на мосту и канонизировали. Приношения святым и мостовая пошлина с проезжающих шли на ремонт мостов. Монастырские гостилицы по соседству с ними принимали путников «всякого рода и звания».

Сухопутные дороги примыкали к речным системам — главным путям сообщения того времени. Речные трассы, более многоводные, чем теперь, считались относительно более безопасными, и передвижение по ним обходилось дешевле. По рекам плавали на долбленах челнах и крупных ладьях — «однодеревках», т. е. сделанных из цельного ствола. К корпусу ладьи дубовыми гвоздями-«нагелями» и животным kleem прикрепляли обшивку, а поверх однодеревной основы насаживали дощатые борта (древнерус-

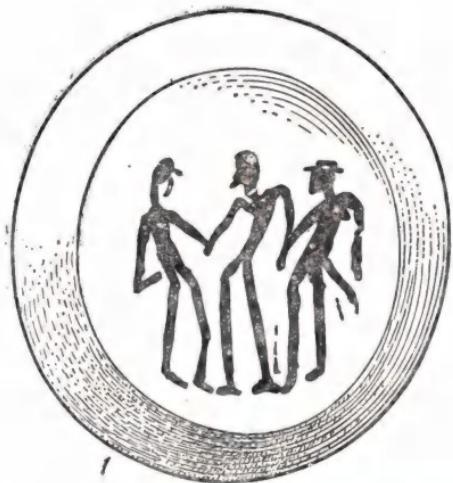
ские «насады»), корпус укрепляли распорками-шпангоутами. Мачту с парусом фиксировали канатами, протянутыми к носу и корме. Остатки такой лодки XI в. (длиной около 7 м) найдены при раскопках в Новгороде. Сложность многосоставной конструкции этого быстрого и подвижного судна — свидетельство высокого кораблестроительного искусства. На ладьях с набойными бортами, вмещавших до 40 «мужей», плавали не только по спокойным рекам, соединенным волоками, но и выходили в открытое море. Чтобы предохранить гребцов от стрел, корабль перекрывали палубным настилом.

В судостроении VIII—XI вв. не имели соперников викинги — создатели маневренного и устойчивого морского корабля с сильно развитым килем. Тяжелые грузоподъемные суда торгового назначения (кнагт) оснащали веслами и мачтой с большим четырехугольным парусом. Их обслуживала немногочисленная команда в 15—20 человек. Под парусами и на веслах ходили военные «длинные корабли» (langskip) или «драконы» (dreki). Конунги строили и огромные по тем временам суда с 30 и более парами весел при максимальной длине около 50 м (экипаж выше 100 человек). «Драконы моря», «Большие змеи» несли на штевни резную голову дракона — она устрашала врагов и наделяла корабль магической силой. Корабли, сходные «звериным» декором со скандинавскими, упоминают русские былины:

Приказал Садко-купец богатый:
«Ай же вы, слуги мои прикащики,
А и стройте-ка тридцать три корабля.
Нос, корму сводите по-звериному,
Бока-то сводите по-змениному,
Вместо очей вставьте по яхонту...»²⁴

При плавании в открытом море ориентировались по солнцу и звездам, с XIII в. — по компасу. Никогда не заходящая Полярная звезда — «звезда мореходов» — надежно путеводила морякам.

Все сухопутные и водные трассы рано или поздно приводили к укрепленным городам, окруженным открытыми поселениями. Они притягивали с магнитической силой, ибо, как утверждали тогда, «городской воздух делает человека свободным». Гордясь добытыми в борьбе привилегиями и сознавая собственную значимость, горожане

1

2

Геммы-амулеты с изображением волхвов — покровителей путников, IX—X вв.

1 — из раскопок в Смоленске; 2 — из Ливерена (Нидерланды)

изображали на своих печатях зубчатые стены, отделявшие их от остального мира. Другим воплощением города был кафедральный собор, паривший над хаосом человеческих жилищ. Для путника он знаменовал конечную цель путешествия. Приближаясь к Шартру, стоящему на плоской равнине, путешественник еще не видел самого города с его старинными двухэтажными домами под черепицей, но уже издалека замечал стрельчатый силуэт знаменитого готического храма. При появлении этого ориентира, к которому стягивались дороги и тропы, приободренные странники ускоряли шаг.

«...Он попял, что башня овладела всей округой, преобразила ее и господствует над ней, одним своим существованием изменяя лик земли повсюду, откуда она видна. Он окинул взглядом горизонт и убедился, сколь истинным было его видение. Повсюду возникали новые дороги, люди кучками прокладывали себе путь меж кустов и вереска. Округа покорно обретала иной вид. Вскоре город, подняв кверху огромный палец, будет похож на ступицу колеса, появление которого предопределено, непреложно. Новая улица, Новая гостиница, Новая пристань, Новый мост; и вот по новым дорогам уже идут новые люди» (Уильям Голдинг) ²⁵.

Путешествия по средневековым дорогам требовали большого мужества и выдержки. Следовало всегда быть готовым к неприятным встречам и волнующим происшествиям. Из замков, похожих на орлиные гнезда, на проезжих неожиданно нападали рыцари-разбойники, в лесах укрывались грабившие купцов бродяги и всякие лихие люди, на морях хозяинчили пираты. На «великие опасности» обрекал себя доверившийся морской стихии и утлому судну. Море грозило бурями, могучими приливами и отливами, периодами полного безветрия, когда на затерянном в безбрежных просторах корабле иссякали запасы провианта и пресной воды. Человека, который подвергал такому риску чужое имущество или собственную отягощенную грехами душу, считали до предела безрассудным, искушающим бога. Излюбленный литературный стереотип — кораблекрушение во время шторма — наполняли живым чувством пережитого:

Вот я всхожу на корабль, судьбу доверяю теченьям,
Ветер надул паруса, весла ударили в лад.
Пристань уже далека; вдруг Австр, налетающий с юга,
Жарким дыханьем дохнул, взрыл бороздами валы,
Буря сильней, вихрь крутит ладью, разверзаются бездны,
Парус под ливнем намок, в почь обращается день.
Ветер, море, скала — порывом, волненьем, ударом
В ужас ввергают пловца, небо огнями страшит.
Словно на утлыи челнок обрушилось все мирозданье:
Всюду, куда ни помчит, злая стихия грозит.
И наконец, уже в самый разгар свирепеющей бури,
В миг, как был я готов рыбам добычею стать,
Хищный бурун, до самых небес взметнувшийся гребнем,
Судно, уже без кормы, выбросил вдруг на песок²⁶.

Хильдеберт Лаварденский

По глубоко укоренившемуся «береговому праву» владельцы прибрежной полосы присваивали себе все достояние потерпевших кораблекрушение, а по ночам заманивали суда в ловушку сигнальными огнями.

Недаром ждущие ежедневно молились о тех, кто в дороге, и о тех, кто в море. Путники, испытавшие «добroe и злое между людьми», просили милосердия у своих святых заступников. «Звезда морей» — благодатная Мария хранила корабли в бурю, «мудрый угодник» Никола и могучий Христофор (по преданию он перенес младенца

Иисуса через опасный брод) покровительствовали всем скитальцам. Верили, что святые патроны направляли бегущие по волнам ладьи, утихомиривали ураганы, воскрешали потерпевших кораблекрушение. В чужедальних краях они защищали воинов от меча и стрел, отпугивали грабителей, предотвращали лихорадки и спасали от демонов. Статуи и иконы покровителей странников ставили на кораблях и перекрестках дорог. Маленькие образки-обереги и иконы-складни с их изображениями повсюду возили с собой.

Открытие мира

Средневековая цивилизация — это цивилизация развивающаяся. Интенсивность передвижений, их влияние на экономику и культуру Европы неодинаковы в разные периоды, здесь можно наметить несколько этапов.

Разобщенные группы населения раннесредневековой Европы VI—IX вв. жили в относительной изоляции. Гедкие, замкнутые очаги культуры тяготели к княжеским дворам, монастырям, епископским резиденциям. При господстве натурального хозяйства каждое поместье или село обеспечивало себя всем необходимым. Не предназначалась для рынка и продукция квалифицированных ремесленников, которые выполняли заказы королей, прелатов и вельмож. В этих условиях преобладала дальняя торговля. Из-за рубежа ввозили драгоценную утварь, шелка, пряности. Их обменивали на продукты, собирающиеся в виде оброка с зависимого населения. Заморские экспедиции затрагивали только верхушку феодализирующегося общества.

Огромна протяженность трансконтинентальных рейсов тех времен. На праздниках в Орлеане слышалась сирийская речь, в Марсель присыпали египетский папирус, а в Арле продавали индийскую слоновую кость. В IX в. европейские купцы из портов Испании и Южной Франции добирались до стран ал-Хинд (Индия) и ал-Син (Китай). Купленные на Дальнем Востоке мускус, алоэ, камфору, корицу они сбывали византийцам или королю франков. Эти купцы так досконально изучили сухопутные и морские маршруты в области Арабского халифата, Среднюю Азию, Индию и Китай, что им поручали со-

проводить послов на Восток. Религиозные цели вдохновляли пилигримов и миссионеров. Уже с IV в. галльские adeptы христианской веры совершали паломничества в Палестину, а в VI в. некий Феодор проник к индийским христианам, поведав об этом епископу Григорию Турскому.

X столетие — «век крови и огня» — не благоприятствовало путешествиям. Дороги и переправы во власти разбойниччьего рыцарства. Набеги дикой конницы венгров с востока, скандинавских пиратов с запада, арабских флотов в Средиземноморье, голод и вспышки эпидемий — вся грозная действительность того времени порождала тревожную эмоциональную атмосферу близости «конца времен». Полное невзгод будущее рисовалось в тумане.

Перелом наступил в XI в. На Западе доминируют Священная Римская империя германской нации и Французское королевство, обуздавшее феодальную анархию. Арабы отброшены, и Средиземное море вновь стало «латинским озером». В Испании продолжается реконкиста. Стабилизация общественной жизни, основание многочисленных монастырей и клунийская реформа²⁷ привели к бурному созидальному движению. «По прошествии трех лет после тысячного года почти по всей земле, и особенно в Галлии и в Италии, стали перестраивать церкви. Говорили, что мир, скинув с себя рубища старости, оделся белым покровом церквей», — писал бургундский монах Рауль Глабер²⁸. Возрождались старые и основывались новые города — центры ремесла и торговли. Относительная безопасность дорог обусловливала рост паломничества.

XII—XIII вв.— период бурного расцвета средневековой культуры. Меняются стиль и ритм жизни. Во всем ощущается кипение мысли и свежей творческой энергии. Европа «выходит из своих путей»: крестоносное движение и появление на востоке Азии великих монгольских империй пробуждают повышенный интерес к географическому познанию мира. Индивидуальные странствия теряются на фоне коллективных предприятий огромного размаха — завоевательных крестовых походов. Вслед за воинами в «землю обетованную» устремляются купцы и пилигримы, попутно устанавливаются коммерческие связи, организуются новые рынки сбыта. Европейцы входят в соприкосновение с иными культурами иных континентов. В Византии и Сирии основывают латинские колонии, Средиземное

море бороздят флоты итальянских республик. Профессиональное купечество Венеции, Генуи, Пизы монополизирует торговлю с Левантом. «Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинона — каждая „пация“ в своем собственном Fondaco (гостином дворе.— В. Д.), состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой,— составляли законченные торговые товарищества; они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д.» (Ф. Энгельс) ²⁹.

Молодое и полное сил бюргерство с его рационалистическим складом ума создает первые автономные коммуны, преобразуя всю структуру средневекового общества. Ремесло становится доходным и почетным занятием, переходя из монастырей в руки светских ремесленников. Углубляется его специализация, совершенствуется техника, расширяется ассортимент изделий. От работы на заказ организованные в цехи мастера переходят к производству на рынок. Города уже не молчаливы и угрюмы, как в раннее Средневековье. На кривых узких уличках возле мастерских-лавок под пестрыми вывесками, у лотков и тяжелых телег с тюками товаров всегда многолюдно, повсюду кипит бойкий торг:

Зашел в торговый он квартал:
Столы банкиров и менял
Блестят, монетами покрыты,
Народом улицы забиты,
Ремесленников много тут;
Торопится рабочий люд:
Ружейники куют мечи,
Там — сукновалы, здесь — ткачи,
А золотых дел мастера
Из золота и серебра
Чеканят чаши, кубки. Дале
Лежат изделия из эмали,
Застежки, кольца, пояса —
Куда ни гляпешь — чудеса! ³⁰

Кретьен де Труа

Крепнут связи между странами и областями. Международная торговля переходит в руки могущественных купеческих союзов типа балтийской Ганзы. Усложняется система коммуникаций и совершенствуется транспорт. По очищенным от леса землям прокладывают новые пути. Прославленные ярмарки в Шампани собирают французов из Бретани, Прованса и Гаскони, немцев из южных и прирейнских областей Германии, фламандцев, итальянцев, испанцев, англичан. Множество купцов привлекают такие портовые «города-космополиты», как нидерландский Брюгге.

XII—XIII вв.—эпоха духовного пробуждения Европы. Вертикализм готических соборов, совместивших высокую духовность и трезвый инженерный расчет,— знамение революционного взлета всей культуры. Возникают светские школы и университеты. В ожесточенных спорах передовые мыслители предпринимают попытки рационализировать иррациональное. В философии — противопоставить логику слепой вере, в естественных науках — на место авторитета выдвинуть эксперимент. Возрастает интерес к интеллектуальным сокровищам античности. Трубадуры и миннезингеры воспевают «долгие майские дни» и изысканную любовь. В их звонких кантонахвшняя радость «открытия мира» бросает вызов хмурому аскетизму. Благоухающая весна с ее цветущими садами, сочной зеленью лугов и трелями соловья в темной роще — не только дань поэтическому трафарету: это и весна человеческого восприятия.

Люблю на жаворонка взлет
В лучах полуденных глядеть:
Все ввысь и ввысь — и вдруг падет,
Не в силах свой восторг стерпеть.
Ах, как завидую ему,
Когда гляжу под облака!
Как тесно сердцу моему,
Как эта грудь ему узка! ³¹

Бернарт де Вентадорн

Уже не обходит родную природу и готический скульптор, который видит в прелести земного выражение духовного совершенства. Красота окружающего — это красота божьего творения. Достойный восхищения мате-

риальный мир предстает уже не только символом потустороннего и идеального, он приобретает самостоятельную ценность. В декоративной фауне и флоре готических соборов сквозит неподдельная любовь к природе. Кажется, что скульпторы XIII в. смотрят на все глазами впечатительного ребенка, который впервые увидел мир и способен всему удивляться. Рядом с фантастическими тварями появляются звери, птицы и растения, как будто извянные с натуры. Мастера живо чувствуют красоту знакомых с детства розы, шиповника и маргариток, с документальной точностью вырезают листья клена, боярышника, папоротника и плюща. Фрукты и ягоды клюют птицы, по веткам снуют юркие ящерицы. Ваятели хорошо знают повадки своих «братьев меньших» — обитателей окрестных полей и лесов. В маленьких медальонах портала собора в Лионе наблюдательный анималист изобразил белку, резвящуюся в ветвях орешника, ворона на мертвом кролике, птицу-рыболова с угрем в клюве и голову кабана среди дубовых листьев.

Новое отношение к природе влияет и на самих людей: растет сознание глубокой внутренней значимости, неповторимости личности. Готические скульпторы идут по пути более полного раскрытия сложного духовного мира человека. Лучшим их творениям присущи тонкий психологизм и возвышенная одухотворенность.

Само время, ищущее и бесспокойное, порождало людей нового типа. Это предприниматели, купцы, путешественники, авантюристы — люди с тревожным и неукротимым духом. С человеком эпохи Возрождения их роднят непоседливость, боязнь губительного для души однообразия, ненасытная жажда знания. Порыв ввысь (готика) неотделим от стремления вдаль. Пристальное внимание к окружающему миру обостряет интерес к неведомым землям. Пытливый дух исследования, воплощенный Данте в образе Улисса, ведет в заманчивую ширь океанов. Утлая ладья Одиссея вырывается на просторы Атлантики — туда, где за Геркулесовыми столпами лежит область неизведенного и запретного:

«О братья,— так сказал я,— на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скучный

Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанию рождены»³³.

Дантес

Пионер, первооткрыватель, настолько опьяненный своим могуществом, что готов бросить вызов всесильному року,— идеал человека нового исторического периода. В середине XIII в. берет начало цепь длительных и опасных предприятий. Посланные к великому хану монголов францисканские миссии Плано Карпини и Гильома Рубрука проникают в самое сердце Азии. Вслед за монахами-дипломатами на караванные дороги Востока устремляются итальянские купцы — люди острого ума, дерзкие и волевые. 26 лет длится второе трансазиатское путешествие венецианских торговцев Поло, долго проживших в «Катае» на службе у хана Хубилая. «Умный и благородный гражданин Венеции» Марко Поло объездил Южный Китай и Тибет. В его время в предместьях ханской столицы Ханбалыка (Пекина) специальные гостиницы давали приют ломбардским, немецким, французским купцам — путешествия Поло не были явлением исключительным. Обратный путь венецианцы проделали на китайских торговых кораблях по Индийскому океану. Они посетили Суматру, Цейлон (Шри Ланка), Индию, принеся на полу забытую родину вести о разных народах, «разнообразии стран света» и о «великих диковинах» мира.

«Просторы чужие, чужие края»

В IX—XIII вв. географическая осведомленность мусульман простиралась от Андалузии до Китая, от Абиссинии (Эфиопии) и страны зинджеев (Занзибар) до Скандинавии. Общность арабоязычной культуры, паломничества в Мекку, успехи международной торговли определили грандиозный размах путешествий уже с первых веков мусульманского летосчисления — хиджры. «Я так далеко заходил на Восток, что совершенно забывал о Западе; я настолько углублялся в страны Запада, что даже забывал название Востока»³³, — говорит арабский путешественник и географ ал-Масуди.

Плот из надутых бычьих шкур — бурдюков — на реке Кызылсу (Таджикистан). Этот способ переправы описан Ибн-Фадланом

Ислам предписывал властителям быть «гостелюбивыми» к чужеземцам, разносящим добрую славу: не запирать двери перед купцами и дервишами, очищать пути от грабителей. Иначе неминуем ущерб и казне, и царству. Странствия, поощряемые Кораном,— это и путь к постижению красоты мироздания, и средство самопознания:

Лишь в странствиях себя мы познаем —
Мы, как в тюрьму, заточены в свой дом:
Пока таится в раковине жемчуг,
Ему цены мы верной не найдем ³⁴.

Сабир Термези

Любовь к путешествиям считали на Востоке неотделимой от благородной тяги к знаниям: прикованный к своему углу невежда не похож на истинного мужа.

Живешь в этом мире, тебе незнакомом,
Расстаться не можешь ни с краем, ни с домом.
Просторы чужие, чужие края —
Скажи мне — зовут ли, манят ли тебя?
Ты дома сидишь, весь заах, лик твой бледен!
Не знаешь ты мир — оттого-то и беден... ³⁵

Ахеди Мераги

«Путешествуя, радуешь сердце, извлекаешь выгоды, видишь разные диковины, слышишь о чудесах, осматриваешь города, беседуешь с друзьями, расширяешь образование и познания, умножаешь богатство и состояние, знакомишься с людьми и испытываешь судьбу»³⁶. Так писал и так жил «усладительнейший» поэт, шейх Муслихиддин Саади из Шираза (начало XIII в.— 1292 г.). Он употребил 30 лет на изучение наук, 30 — на путешествия и 30 лет, избрав путь «мужа истины», — на размышления, созерцание и творчество. Поэт и странник исходил множество дорог от Кашгара и Индии до Азербайджана и Магриба. С места на место его гнала не только судьба бродячего дервиша — проповедника, который добывал пропитание своими наставлениями, но и ненасытная любовнательность. То вместе с паломниками он разделяет радости и горести пути в Мекку, то на дороге из Балха в Бамиян подвергается нападению разбойников, то держит речь перед «изнуренными, с огрубевшими сердцами» людьми в мечети Баальбека. Он вступает в диспуты с богословами Дамаска; на острове Киш в Персидском заливе коротает время в обществе купца, который владел складами в Туркестане и товарами в Хиндустане и собирался в Александрию, что на «Западном море»; в Басре слушает занятные истории о приключениях арабского ювелира, а в Диарбакыре гостит у какого-то полоумного старого богача. Покинув своих дамасских друзей, поэт «дружит со зверями» в иерусалимской пустыне. Там его захватывают в плен крестоносцы и отправляют рыть рвы в Триполи. Вельможа из Алеппо (Халеб) выкупает пленника за десять динаров и соединяет брачными узами со своей дочерью — женщиной «скверной, сварливой, непослушной и строптивой». В Йемене Саади хоронит единственного сына, в индийском городе Сомнатхе разоблачает уловки храмовых жрецов и спасается бегством.

На караванных путях «четырех частей обитаемого света» Саади встречает тысячи таких же вечных скитальцев, как он сам. Среди них ученые и законоведы. В поисках знаний, правды и справедливости они едут из Андалузии в Бухару, из Багдада в Кордову. Им везде воздают почет благодаря «сладким беседам ... красноречия победам и достоинствам ума».

Из конца в конец Евразии кочуют бездомные бродяги, воспетые арабскими поэтами:

Им принадлежит Хорасан и Касан вплоть до Индии,
Вплоть до страны ромеев, до негров, булгар и Синда.
Когда путники и воины находят дороги трудными
Из страха перед бедуинами и курдами,
То мы, приплясывая, проходим по ним без меча и ножен ³⁷.

Иатима

Особенно хорошо знали свет мусульманские торговцы — люди с авантюристической жилкой. «Живущие сладко» купцы устанавливают цены на товары и получают тысячекратные прибыли. В дороге их сопровождают рабы, невольницы, расторопные конюхи. «Они наслаждаются мирскими благами каждый день в новом городе, каждую ночь в новой обители, каждую минуту в новом отрадном уголке» (Саади) ³⁸. Купец нигде не чувствовал себя чужестранцем, разнося по свету «множество драгоценностей и диковинок мира», «избранные и прекрасные одежды». Даже потомки древней знати не гнушаются этим необходимым обществу ремеслом. Купец с острова Киши говорил Саади: «Я хочу повезти в Китай персидскую пемзу,— я слышал, она там в высокой цене, а оттуда повезу китайский фарфор в Рум, румийский шелк — в Индию, индийскую сталь — в Алеппо, алеппское стекло — в Йемен, а йеменские ткани — в Персию» ³⁹. Вот каковы масштабы арабской торговли! По выражению швейцарского востоковеда Адама Меца, ей «была свойственна горделивая осанка». Недаром в восточной поэзии неотвязно звучит мотив уходящего в дальнюю даль каравана — символа разлуки с возлюбленной или смертного часа.

Советы купцам, почерпнутые из дидактических сочинений восточных авторов, помогают представить их полную превратностей жизнь. Купцы должны привыкнуть к холоду и жаре, голоду и жажде. Не позволять себе излишеств на отдыхе, чтобы в трудные времена легче переносить нужду. Перед дорогой необходимо запастись провиантом, летом не выезжать без зимней одежды. В путь нельзя пускаться без верного спутника. Следует дружелюбно приветствовать встречных, не обманывать сборщиков податей, щедро одаривать погонщика. «В караване останавливайся в людном месте и товары клади в людном месте. К вооруженным не ходи и с ними не сиди, ибо грабители прежде всего нападают на вооруженных. Если он

идет пешком, пусть к конному не присоединяется. У чужих людей дороги пусть не спрашивает, разве что у праведного мужа...» («Кабус-намэ») ⁴⁰.

Великие опасности подстерегали «меняющих твердь берегов на палубный зыбкий настил». Но баснословные прибыли по-царски вознаграждали смелых мореплавателей. Море прочно вошло в повседневную жизнь арабов. «Во власть вашу он [бог] отдал море, чтобы из него питались вы свежим мясом, из него доставали себе украшения, какие на вашей одежде. Видишь, как корабли с шумом рассекают его... Горные вершины вместе со звездами указывают вам прямые пути» (Коран).

В IX—X вв. арабские военные корабли господствовали на лазурных просторах Средиземноморья. Безвестные кормчие освоили судовождение по Индийскому океану, этому беспокойному «Зеленому морю». Попутные летние муссоны гнали флотилии «плавающих, как горы», купеческих судов от восточных берегов Африки (Мозамбик, Мадагаскар) к Западной Индии и Цейлону, где их ожидали древние индийские гавани. Отсюда «львы моря» плыли в Сиам (Таиланд), страну Кхмер (Кампучию), Индонезию и Южный Китай. В этих местах моряки опасались тайфунов. Их называли «рух», что значит «ветер», и в сказках южных морей олицетворяли в образе гигантской птицы Рох, похищающей корабли. На западном побережье Индии (Малабарский берег) и в Южном Китае обосновались арабские и персидские купцы со своим представителем — консулом, судьей — кади и проповедником соборной мечети — хатибом. Многолюдная колония в Кантоне, уничтоженная в 878 г., даже угрожала безопасности края.

Благодаря Тигру «между нами и Китаем не существует преград», — заявил основатель Багдада, халиф ал-Мансур (754—775). Трудно переоценить роль столицы халифата в сухопутной торговле и в коммерческой навигации по Индийскому океану. Вместе со своей гаванью Басрой, городом Сирафом на побережье Персидского залива и оманскими портами она притягивала «диковины Индии, Синда и Китая», которые расходились отсюда по всему мусульманскому миру. Африка присыпала черных невольников и золото, слоновую и носорожью кость, цветные панцири черепах и кожи гиппопотамов, шкуры жирафов и леопардов, страусовые перья и серую амбру. Ин-

дия, Цейлон и острова Индонезии экспортировали жемчуг и драгоценные камни, пряности, сахарный тростник, железо и сталь, стволы тика для кораблестроения, сандаловое и эбеновое дерево. Из Китая вывозили шелк, фарфор, мускус, из Сиама — олово в слитках.

Саади превосходно знал стяжавшие всемирную славу старые гавани Персидского залива, где царила атмосфера дальних странствий, моряцкой дерзости, рывка в незнаемое, где сочиняли романтические новеллы о приключениях Синдбада Морехода.

На портовых улицах перед глазами скитальца проходил весь многоязычный Восток:

На пристань в Омане я вышел; в свой взор
Впивал и земной я и водный простор.
Мне тюрк и румиец, араб и таджик
Встречались... ⁴¹

Саади

Уже в X в. расцветают эти города, которые отправляют свои корабли в Юго-Восточную Азию и Китай. Склады и магазины в них так забиты всевозможными товарами, что трудно повернуться. Тесно примыкают друг к другу многоэтажные дома, нижние этажи которых выстроены из камня и кирпича, верхние — из дорогого тикового дерева. О богатстве их обитателей говорит и прихотливая обстановка апартаментов. Эти дома принадлежат купцам — экспортёрам и импортерам редкостных товаров, подлинным торговым магнатам своего века. Они заключают самые крупные в мире сделки, обладают капиталом в несколько миллионов динаров, имеют свои счета у банкиров и на базарах расплачиваются не деньгами, но чеками. Во владении этих негоциантов множество кораблей, уходящих в рейсы на месяцы, а иногда и годы. Недаром в портовых кабачках в ходу анекдот о человеке, который 40 лет переходил с корабля на корабль, так и не ступив ни разу на твердую землю.

Корабли водили потомственные лоцманы и капитаны дальнего плавания, которые знали все секреты судоходства по Индийскому океану, передавая их из поколения в поколение. Из гаваней Омана, Сирафа, Басры выходили и легкие быстрые суда с пассажирами и «китайские» корабли для перевозки товаров. Последние обладали сложной па-

русностью и вызывали удивление своей величиной: они были так высоки, что для подъема на палубу служили лестницы около десяти футов длиной. Вместе с экипажем эти «джонки» могли забрать 1500 человек. Внутри они имели около сотни кают, несколько магазинов и подобие базара с бакалейной лавкой, трактиром и палаткой брадобрея. Команда состояла из опытных моряков, водолазов и солдат для защиты от пиратов. Ныряли водолазы без масок, с открытыми глазами и, если во время плавания в корпусе судна обнаруживали течь, спускались под воду и залепляли пробоину воском.

В оживленных портах и центрах караванной торговли перед отправлением в дорогу собирали запасы полезных сведений. У арабских, персидских и индийских купцов, морских капитанов, рыбаков, работогоровцев и пиратов — всяких людей почтенных и малопочтенных занятий — узнавали о попутных ветрах и течении рек, о религии и обычаях далеких племен, о способах меновой торговли и предосторожностях, какие следует принять. Попутно можно было услышать и об удивительных существах, живущих на краю ойкумены, о дереве в дальневосточной стране Вак-Вак с плодами в виде прекрасных девушек или о магнитных горах на дне океана, которые, притягивая гвозди, разрывают на части корабли.

Рассказы бывалых людей использовали создатели «классической школы» арабской географии, писавшие на универсальном языке восточной науки. Авторы географических трактатов с астрономическими и математическими выкладками, словарей и карт, практических справочников с обстоятельным перечислением населенных пунктов не только компилировали труды предшественников и опрашивали пришельцев из дальних мест, они и сами собственными стопами неустанно мерили землю, годами с риском для жизни блуждали в пустынях и морях. «Исходил я добroе число морей, побывал на Китайском, Румском, Хазарском, Красном и Арабском морях и испытал там неисчислимые ужасы, но ничего более страшного, чем Африканское море, мне встречать не доводилось» (ал-Масуди) ⁴². В своих «научных экспедициях» арабоязычные географы накопили огромную информацию по физической географии, экономике, истории и этнографии всех стран от Испании до устья Инда и верховий Енисея. Они изучили юго-восточное побережье Азии вплоть до

Кореи и располагали достоверными материалами о Центральной Африке.

Расцвет торговли и землеведения в мусульманском мире был подготовлен задолго до арабских завоеваний и исламизации покоренных народов в VII—VIII вв. Археологические открытия последних десятилетий свидетельствуют о том, что, войдя в соприкосновение с высокими цивилизациями Ближнего Востока, Ирана и Средней Азии, арабы унаследовали уже сложившуюся систему коммуникаций на огромных территориях от Византии до Китая.

Глава 2

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Верблюдов отборных с ним тысяча шла,
И не было грузам богатым числа.
Сто рыжих верблюдов с дирхемами шли,
А сорок верблюдов динары везли...
С выюками, где мускус и лучший аloy,
С шелками, дивящими взоры красой,—
Их Чин поставляет, и Мыср, и Иран —
Шел в тридцать верблюдов еще караван.

Фирдоуси

В предгорьях Главного Кавказского хребта, в ущелье притока Кубани — Лабы, где в средние века обитали адыго-аланские племена, расположен монгольник Мощевая Балка. В сухих пещерных склепах, тянувшихся вдоль обреза балки, найдены предметы из дерева и кожи, полотняные одежды, украшенные шелком. Особое внимание археологов привлекла группа китайских вещей времени династии Тан (618—907): обрывки картины на шелке, фрагменты переплета и рукописей. Судя по документу с приходо-расходными записями: «...120 монет... 10-й месяц 4-й день... продал...», — вещи эти принадлежали китайскому купцу.

В 1965 г. в недрах безжизненного Афрасиаба — города древнего Самарканда — археологи обнаружили росписи VII в. Они украшали парадный зал дворца самарканского правителя Вархумана. Монументальные композиции на глинобитных стенах поясняются согдийскими надписями. Перед глазами зрителей, сидевших вдоль стен на низкой скамье-суфе, развертывался блестящий «парад» азиатских народов во всем своеобразии их этнического облика, украшений и оружия, одежд и орнамента шелковых тканей. Вот посольство от владетеля Чаганиана — области в долине Сурхандары. Под перезвон колокольчиков мерно шествует слон с паланкином, в котором везут принцессу. Ее сопровождают знатные всадницы и вельможи с булавами в руках, едущие на верблюдах. Другие участники процессии гонят священных белых птиц и табуны коней. Не свадебный ли это кортеж: иноземная невеста

со свитой прибывает ко двору царственного жениха? На западной стене зала — тюркские воины с длинными черными косами и китайские дароносцы с рулонами тканей, шелковой пряжей, плодами. Китайцы в шелковых халатах с широкими рукавами, их волосы собраны в пучок на макушке; у корейских посланников круглые шапочки с перьями. На северной стене — споны охоты на леопардов и катания на лодке китайской принцессы с придворными дамами. Как удалось создателю живописи Афрасиаба так досконально изучить моды и обычай народов, живших на бескрайних пространствах от Великой китайской стены до утонувшего в садах Самарканда?

Посольство Маниаха

На четвертом году правления византийского императора Юстина II (565—578) в Константинополь из Согдианы — крупного оазиса в Средней Азии в бассейне Зеравшана и Каракадары — прибыло посольство от тюркского кагана Дизибула. Его возглавлял знатный согдиец Маниах. Греческий историк Менандр повествует: миссия преследовала цель заключить соглашение с ромеями о торговле шелком в обход сасанидского Ирана, правители которого, борясь с Византией, облагали товары чужеземных купцов высокими пошлинами. Шахиншаху «было совсем нежелательно, чтобы согдийцы могли безнаказанно переходить границы его страны». Поэтому посольство избрало кружной путь через Северный Кавказ. Караван Маниаха, оставив позади снежные горы, равнины и леса, болота и реки, Кавказский хребет, наконец, достиг Византии. Император благосклонно встретил прибывших и отправил к тюркам ответное посольство во главе со стратигом¹ восточных провинций Зимархом. Можно восстановить маршрут длительного путешествия Зимарха со спутниками: от Трапезунта к реке Риони и через Кавказский хребет к реке Кубани, далее вдоль северных берегов Каспийского и Аральского морей к Сырдарье. Из страны согдийцев послы отправились к горе Эктеле (Золотой), как называли Алтай. Там, в котловине, окруженной горами, они посетили резиденцию Дизибула — властителя громадной степной державы. Привыкших к тяжелой византийской пыш-

ности ромеев все же поразило богатство правителя тюрок. В палатке, где состоялась аудиенция, под позолоченными деревянными колоннами они увидели золотое ложе, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. На площади общественных собраний, на расставленных повозках лежала серебряная утварь и золотые изваяния животных, не уступавшие произведениям греческих мастеров. Дружественно принятый тюрками Зимарх вернулся в Византию тем же путем — через страну аланов и Трапезунт. Так установились непосредственные контакты между Константинополем и ставкой тюркского кагана.

То было время, когда после 500-летнего перерыва возобновились сухопутные связи между западом и востоком Азии. От Чина до Рума протянулся Великий шелковый путь. По нему везли самый желанный и ходкий товар: шелк-сырец и шелковые ткани. В быту аристократии матери из шелка приобрели большую популярность, спрос на них возрос необычайно. Как золото или драгоценная утварь, шелк превратился в международную валюту: им уплачивали подати и государственные долги, одаривали царей, храмы и иностранных послов, им вознаграждали наемных воинов. Недаром выписаны с такой скрупулезностью шелковые ткани на среднеазиатских настенных росписях VII—VIII вв.: передан не только узор, служивший знаком ранга, но даже структура материи и швы. Запечатленные на фресках царственные охотники и их приближенные одеты в шелк. В шелковые одежды облачались гордые мелкопоместные рыцари — дихкане перед прибытием на пир, торжественный прием во дворце или обрядовое празднество, купцы и послы, спешившие из-за дальних рубежей. Прочный и легкий, яркий и блестящий шелк шел на кафтаны вельмож, шатры царей и балдахины над их тронами. Поэты подробно и со вкусом описывают ткани и ковры, «которые украшены парными рисунками великолепного шитья: там куры, там львы в засаде, всяких вещей там можно видеть изображения...»².

Окольный шелковый путь в Средиземноморье, мимуя сасанидские заслоны, проходил через согдийские центры Синьцзяна и Средней Азии, затем через Хорезм и низовья Волги, дальше в северокавказскую Аланию и за Санчарским, Марухским или Клухорским перевалами спускался в Абхазию. Из черноморских портов — Фазиса и Трапезунта — купцы плыли в Константинополь.

О важности этого ответвления шелкового пути, не забытого и при арабах, свидетельствуют ткани, найденные на Северном Кавказе (могильники Мощевая Балка, Хасаут), среди которых преобладают согдийские, китайские и византийские. Кусками шелка отделяли одежду, головные уборы, обувь, подголовные валики, футляры для гребней и мешочки для реликвий. Местный аланский вождь облачался в длиннополый кафтан на меху, крытый такой же материей, как у самого шахиншаха Ирана. На ней вытканы сенмурвы — существа с собачьей мордой, птичьими крыльями и рыбьим хвостом — одно из воплощений Хварны, божества царской славы и удачи. Сенмурв служил эмблемой носителя верховной власти.

«Искусные в торговле»

Отважный Маниах, который проделал изнурительный путь, чтобы предстать перед священной особой василевса, как мы уже говорили, был выходцем из Согдианы. Наверное, он принадлежал к тем «искусным в торговле и корыстолюбивым» согдийцам, коммерческая активность которых, умение «извлекать большую прибыль» поражали китайских хронистов. Они рассказывали о том, что в Самарканде новорожденным мальчикам намазывали язык медом, «чтоб он был сладкоречив», а ладонь — kleem, чтобы она «крепко держала денежку», а также о том, что «мужчина, достигший двадцати лет, уезжает в соседние владения и везде побывает, где только предвидит выгоды» («Тан-шу»)³. По словам китайского паломника Сюань Цзана, торговлю вела половина жителей Согда — области на перекрестке главных караванных путей.

Открытие согдийской надписи на ткани VIII в. из собора города Юи в Бельгии позволило определить родину многочисленных шелков из хранилищ Европы и Америки. Сходные по сюжетам и стилю изображений, технике и красочной гамме они назывались «занданечи» — по имени селения Зандана близ Бухары, где работали знаменные ткацкие мастерские. Шелка Зандана находили широкий сбыт на мировом рынке. В «замурованной пещере» Монастыря тысячи будд близ Дунъхуана из мелких фрагментов ткани сделаны вотивные (посвященные богам)

флажки. Ее орнамент из оленей в медальонах повторяет узор шелка из Юи. Бухарские материи вывозили в Сирию, Египет и византийские города, сообщает историк Бухары Наршахи, а европейские князья покупали ткани-занданечи по той же цене, что и парчу. Полуистлевшие согдийские шелка можно видеть до сих пор в ризницах, раках христианских святых и королей, в монастырских библиотеках Франции, Бельгии и других стран.

Расцвет ремесла и торговли Согда наступает с середины VII в., когда создается государство самарканских царей-ихшидов. Купцы из дальних земель посещают Самарканд, Пайкенд, Бухару, где прилавки ломятся от массы иноземных товаров. Предприимчивые согдийцы основывают города и поселения в Семиречье, Восточном Туркестане, Монголии и Туве. Колонизация идет по караванным трассам. В Китай отправляются караваны в несколько сот человек, груженные коврами и войлоком, лекарственными и красящими веществами, изделиями из самоцветов. В их выюках шелковые и полотняные ткани, нашатырь и благовония, золото и белый жемчуг. Посольства из Самарканда доставляют властителю «Поднебесной империи» редкостные дары: «В начале правления Хайюань (713) прислали двору кольчугу, кубок из восточного хрустала, агатовый кувшин, яйца верблюда-птицы, юенинского карлика и тюркистанских танцовщиц» («Таншу»)⁴.

В столице Срединной империи Чанъане живут тысячи выходцев из «Западного края», в который, по представлениям китайцев, входили Синьцзян, Средняя Азия, Афганистан и Северная Индия.

В 60 км восточнее Самарканда находится городище Пенджикент — столица согдийского княжества, погибшего в бурное время арабских завоеваний. Многолетние раскопки Пенджикента также свидетельствуют о разветвленной торговле Согда. Открыты десятки мастерских-лавок. Они шли вдоль оживленных улиц, примыкая к богатым домам: их сдавали в аренду ремесленникам и мелким торговцам городские землевладельцы. Драгоценным источником по истории культуры и быта Согдианы служат стенные росписи в храмах и частных жилищах горожан Пенджикента. Интересна одна из сцен в большом доме у базара: пирующие одеты в шелковые кафтаны с точно переданными рисунками тканей, в руках держат золотые со-

суды с вином, а к наборным поясам их подвешены кошельки, вооружены они только кинжалами. Художник создал «групповой портрет» хозяина дома и его семьи — тех богатых согдийских купцов, караваны которых встречались на всем протяжении шелкового пути. «Людей с Запада» — согдийцев, иранцев, сирийцев — изображают и некоторые погребальные танские статуэтки.

Купцы, разбогатевшие на дальней торговле, как и рыцари-дихкане, владели обширными поместьями и обитали в укрепленных усадьбах-замках.

«Кто из алчности с востока едет на запад...»

Профессиональное купечество Востока не утратило своих позиций и тогда, когда полчища фанатичных мусульман в VII — VIII вв. сокрушили и империю Сасанидов, и мелких правителей Средней Азии, пронеся знамена с полумесицем до берегов Сырдарьи. Иранский заградительный барьер пал — установились непосредственные связи между танским Китаем и Арабским халифатом. Вслед за завоевателями двинулись купцы — греки и евреи, сирийцы и персы, нелегкую миссию которых мусульмане чрезвычайно ценили. Дух дальней торговли продолжал владеть этим обществом: «...Кто из алчности с востока едет на запад, по горам и морям, и подвергает опасности жизнь, и тело, и имущество, не страшится разбойников, и бродяг, и пожирающих людей хищников, и небезопасных путей, людям [Запада] доставляет блага Востока, а людям Востока доставляет блага Запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это — не кто иной, как купец»⁵. Особенno благодородной и прибыльной считали торговлю предметами роскоши: дорогими тканями, ювелирными и парфюмерными изделиями, посудой из золота, серебра и стекла.

В пределах мусульманского мира под центральной властью Аббасидов шел постоянный обмен товарами. «...Едва ли в нашем городе [Серахсе] недостает чего-нибудь [из товаров], так как если прекращают приходить караваны с одной стороны, приходят они к нему [Серахсу] с другой» (Мукаддаси)⁶. Арабские и иранские купцы по-прежнему проникали во внутренние области Китая. Их путь лежал через моря Индийского океана или по

сухопутной «дороге шелка». Масуди встретил в Балхе старика «с умом и пониманием», который много раз ходил в Китай. В Хорасане он встречал немало бывалых людей: они путешествовали из Согда через «Нашатырные горы» (Тянь-Шань) в Тибет и Китай. Вело их не любопытство и не жажда географических открытий, а купеческая корысть.

О громадных прибылях торгового патрициата дает представление рассказ Ибн-Хаукаля: мусульманский купец Рамешт, проживший около 20 лет в Китае, вывез оттуда товаров на 500 тыс. динаров. По возвращении он на свои средства заменил серебряную облицовку бассейна для омовения в Мекке золотой.

Издревле на Востоке вели караванную торговлю: одиночка не мог справиться с дорожными опасностями и громадными путевыми расходами. «Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был в сущности общинником, как и все его современники» (Ф. Энгельс)⁷. Купцы закупали товары и комплектовали крупные караваны из сотен людей и выночных животных — верблюдов, лошадей, мулов. Когда из лагеря, в котором находился буддийский паломник Сюань Цзан, ушло несколько десятков человек со своими товарами, этого даже не заметили. Посольство халифа Муктадира из Багдада в Волжскую Булгарию насчитывало 5 тыс. купцов, ремесленников и духовных лиц и 3 тыс. выночных животных. Ездили и небольшими партиями: арабские купцы отправлялись к берегам Енисея всего с двадцатью верблюдами. Во главе караванов стояли должностные лица из богатых купцов. Их обслуживал целый штат приказчиков, писцов, нотариусов. Большинство людей в караване составляли слуги и военная охрана. На границе с неспокойной кочевой степью каравану придавали дополнительный конвой. Вместе с торговыми людьми ехали послы, паломники, учёные, ремесленники — так было безопаснее. Правители городов и областей часто давали дипломатические поручения и самим купцам.

Караван снаряжали долго и тщательно как в исходной точке маршрута, так и на промежуточных перевалочных пунктах. У крупных поставщиков закупали верблюдов, приспособленных к преодолению пустынных пространств, и мулов для передвижения по горам и областям с влажным климатом. Товары упаковывали по-разному.

Жидкие продукты: мед, масло, смолу, нефть перевозили в кожаных бурдюках; дерево, хлопок, шерсть — в крепко перевязанных тюках, а сено и солому — в сетках. Соль и хлеб везли в сумах, а ткани и ценности — в специальных мешках из разноцветных материй. Дыни и виноград бережно складывали в глубокие ивовые корзины.

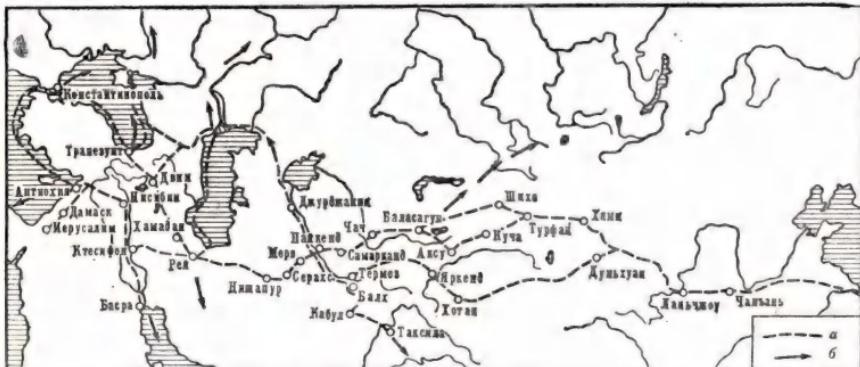
В дальний путь обычно пускались весной. Когда в феврале 922 г. халифское посольство решило отправиться из Хорезма к волжским булгарам, купили тюрских верблюдов, сделали дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, на три месяца запаслись хлебом, просом, сущеным мясом. Жители Джурджании снабдили отъезжающих теплой одеждой для путешествия зимой и ранней весной через степи («так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нем», — писал секретарь посольства Ибн-Фадлан). Наняли проводника из жителей Джурджании. Приготовления оказались не напрасными: в приаральских степях стояли сильные холода, мели беспрерывные метели, верблюды увязали по колено в снегу.

Нелегок был и «шелковый путь» по Иранскому нагорью, через Среднюю Азию и Восточный Туркестан, где шли и шли караваны с драгоценным грузом:

И ныне привел караван я. Гружен
Коврами, одеждами, тканями он.
Алмазы везем, благовонья, венцы —
Ведь здесь покупатели, мы же — продавцы³.

Фирдоуси

Основная магистраль протянулась от Средиземного моря через Нисибин, Хамадан, Рей, Нишапур, Мерв, Бухару, Самарканд, Чач, Тараз (Талас), Баласагун, оазисы Восточного Туркестана к танской столице Чанъань. Самые трудные участки трассы старательно поддерживали в хорошем состоянии. В солончаковой пустыне Центрального Ирана через каждые 15 км встречалась куполообразная постройка над прудом с водой. Для ориентировки служили деревянные шесты или похожие на минареты башни. Через реки перекидывали изогнутые дугой мосты на стрельчатых арках. «Если двигаться прямым путем, то считают, что от Красного моря до Китая около 200 станций, или дневных переходов. Отдельные расстояния следующие: от Красного моря через пустыню до Ирака около

Великий шелковый путь:

а — основная трасса; *б* — ее ответвления

2 месяцев, из Ирака до Балха около 2 месяцев, от Балха до границ ислама в стране Фергане немногим более 20 переходов, от Ферганы через Страну карлуков до домов Тагазгаза немногим более 1 месяца, от жителей Тагазгаза до моря, омывающего берега Китая, около 2 месяцев» (Абуль-Фида, XIV в.)⁹. Срок, указанный этим поздним географом, можно считать рекордом скорости. Практически путешествие в Китай растягивалось года на три ввиду длительных остановок на отдых, зимовок, ожиданий благоприятной погоды и т. д. По пути лежали главные торгово-ремесленные города Востока, центры притяжения людей и товаров.

Нишапур — «место торговли обеих сторон (Востока и Запада), его товары вывозятся во все страны, у него ткани слава и блеск, в него наряжаются жители Египта и Ирака. Там собираются плоды и туда ездят ради наук и торговли. Он — ярмарка Фарса, Синда и Кермана, складочное место Хорезма, Рея и Джурджана» (Мукаидаси)¹⁰. Благосостояние таких городов, как Нишапур, было неразрывно связано с интересами дальней торговли. Их население пополняли пришельцы из разных мест.

Между цветущими оазисами лежали обширные незаселенные зоны — знайные пустыни с зыбучими песками и посещаемые только кочевниками степи. «Пески расстилаются на необозримое пространство; по прихоти ветра они то нагромождаются в одном месте, то вновь разметаются. Путники не находят там никаких следов человека,

и многие из них сбиваются с дороги... Поэтому странники отмечают дорогу, собирая в кучи кости животных. Там нет нигде ни воды, ни растительности и часто дуют жгучие ветры. Когда поднимаются эти ветры, люди и животные падают в изнеможении и заболевают. Временами слышатся то пение и свист, то болезненные стоны, но если прислушиваться к этим звукам, то сознание помутится и потеряешь способность передвигаться. Вот почему там часто гибнут путники. Эти миражи — наваждение демонов» (Сюань Цзан) ¹¹.

«Караван пришел, товары нам везет!»

Движение каравана подчинялось постоянному, несколько монотонному ритму. Традиция закрепляла его обычай и распорядок жизни. Странствие совершалось неспешно, а стоянки были долгими. В безводной пустыне и степях, где отсутствовала дорожная служба, караванщики сами устраивали себе привалы:

Караванщики своим путем идут.
Мерно за верблюдом шествует верблюд.
Жвачку на ходу животные жуют,
На горбах тюки с товарами несут...
Ночь идет за днем, за ночью день идет,—
Караванный путь не близок и не скор.

Хотя правители, через владения которых проходил торговый путь, прилагали все усилия для обеспечения его безопасности, нередко на караван нападали грабители; их ватаги достигали нескольких тысяч человек. Иногда они брали выкуп с купцов. Караван могли обобрать не только кочевники: во времена междоусобных войн и смут становились небезопасными и районы оседлого населения.

Переваливая через столько гор,
Люди на дорогу устремляют взор:
Может ведь нагрянуть и разбойник-вор,
Станут на привале — выставят дозор.
Где им питьевая встретится вода,
Там и отдыкать стараются всегда...
Хоть еще конца дороги не видать,
Дай бог быть живыми и товар продать,
Любят уж заране прибыли считать,,,

Если ночевать в пути решат они,
Чем ни есть себя вооружат они.
Если близко звери, разведут огни,
А с рассветом снова в путь спешат они...
Сколько им терпеть приходится невзгод!
Дни идут за днями, месяцы идут,
Караванщики в страну Байсун бредут.
Вот уже пред ними край родной простерт,
Сладко пахнет дымом соплеменных юрт,
Соплеменников они встречают тут.

Приход каравана из незнакомых мест воспринимали как большое событие:

Видя их, народ на перекрестках ждет,
Весть об их прибытии впереди идет:
«Караван пришел, товары нам везет!»
Каждый встречный им поклоны отдает...
Эти люди тоже все — и стар, и он —
На базар идут в тот самый град Байсун.
Будет каравану — люди говорят —
В этот день базарный очень рад Байсун.

И вот караван, минуя предместья-рабады, вступал на узкие улицы восточного города, где едва-едва могли разъехаться две арбы. С трудом пробираясь сквозь разноязычную толпу, он шел по лабиринту базарных переулков, кое-где перекрытых сводами или циновками, проходил под купольными зданиями на перекрестках главных улиц, где вели бойкую торговлю, минуя сотни маленьких мастерских-лавок, в которых под навесами-айванами ремесленники продавали свои изделия. На глазах у прохожих работали кузнецы, ткачи, кожевники, гончары, деревообделочники, оружейники, медники, ножевщики, переплетчики, ювелиры, изготовители сладостей, духов и лекарств, мясники и пекари. Здесь же на улице клиентов обслуживали брадобреи и сапожники, прямо на земле раскладывали свои товары старьевщики, назойливые гадальщики предлагали свои услуги, крикливы оборванные нищие хватали за полы прохожих. Рядом под одобрительные возгласы зрителей давали представление бродячие фокусники. Этот оглушающий цветастый базар выплескивался далеко за пределы тима — крытого рынка на берегу речки или канала, где каждый ряд был закреплен за

Караван-сарай

определенным товаром. Мечети и медресе¹² на рыночных площадях приводили в изумление странников затейливостью своего убранства.

Караванщики приходят в Байсун-град,
Заворачивают в караван-сарай,
Здесь расположившись, попивают чай.
Будь благословен отцов священный край!¹³

Наконец-то, после долгого утомительного пути можно отдохнуть среди соплеменников! Люди одной национальности и веры останавливались в одной части города. Окруженные стеной с башнями вместительные караван-сарай у городских ворот или при оптовых рынках гостеприимно принимали путников. Внутри этих «крепостей» находился обширный двор с несколькими деревьями и водонапорной башней. В зданиях по сторонам двора в два или три этажа размещались небольшие жилые комнаты-худжры с выходом на террасу. На подворье разгружали товары, люди за плату получали постель и еду, ставили на отдых вычурных животных. Здесь узнавали последние торговые новости и заключали выгодные сделки. Под сводчатыми воротами караван-сарай гнездилось множество лавочек; там прода-

вали коренья, хозяйственные товары, фонари и другие вещи, необходимые путнику. В городах караван-сараи сдержались товариществами купцов, в деревнях — сельскими общинами. Складские помещения при подворьях охраняла наемная стража, при приближении каравана она открывала запертые на ночь ворота.

Птица счастья

В VII—X вв. искусство Византии, Ирана, Средней Азии и Китая, соединенных оживленной караванной магистралью, вступило в период особенно тесного взаимодействия. В его сферу было вовлечено и население лесной полосы и степей Сибири. Торговые люди, чиновники и пилигримы везли с собой художественные вещи, которые вдохновляли мастеров в разных концах Евразии. С запада на восток и с востока на запад дипломатические миссии доставляли необычайные подарки. Могучий шахиншах Ирана Хосров I Ануширван получил от владельца Китая «сделанную из жемчуга лошадь со всадником, а глаза той и другого были из красного яхонта, и китайское платье ушари, на лазоревом поле которого был изображен царь в короне и украшениях и в своих царских одеждах, а слуги стояли перед ним; несла это платье невольница с [распущенными] волосами, которые скрывали ее целиком... [другие] платья находились в золотом сундуке»¹⁴. Турфандский правитель послал «сыну неба» собачку из Фолини (Рима) и добытые где-то на севере меха черно-бурых лисиц.

Когда арабы ворвались в сокровищницу правителя согдийского города Кеша, они нашли там украшенные рисунками позолоченные сосуды, седла, атлас и другие «китайские диковинки». На склоне лет Бируни вспоминал: «Был у меня в Рее друг из купцов Исфахана, в доме которого я гостил. И видел я, что вся посуда у него — миски, уксусницы, солонки, тарелки, кувшины, чаши и даже сосуды для нагревания, тазы, банки, фонарики, светильники и прочая домашняя утварь — были из китайского фарфора»¹⁵. Фарфор и селадоны¹⁶ Китая обнаружены археологами в Ани — древней столице Армении, в халифской резиденции Самарре (недалеко от Багдада) и в Фустате — Старом Каире. Купцы Срединной империи везли картины на шелке, бумагу, изделия из лака, бронзовые зеркала.

Серебряный сосуд из-под
Красноярска. Китай, VIII—
IX вв.

От Тараза и городов Восточного Туркестана отходили пути на Иртыш и к хакасам Верхнего Енисея, которые в VI в. создали сильное государство. Китайские авторы утверждают: хакасы поддерживали связи с Даши (арабами?), тибетцами и карлуками Семиречья. Каждые три года из Даши к ним направлялся караван верблюдов с узорчатыми шелками. По дороге, в земле карлуков, купцы получали военный конвой. В обмен на пушину к хакасам Минусинской котловины — создателям своеобразного степного искусства — поступали такие диковинки, как произведения танских ювелиров. В курган близ Красноярска попал металлический сосуд, о котором упомянул Ф. Страненберг в своем труде «Историческое и географическое описание полуночной восточной части Европы и Азии», изданном в Любеке в 1730 г. (автор сочинения — шведский подполковник, участник похода Карла XII на Россию, взятый в плен под Полтавой, долго жил в Сибири). Выгравированные на сосуде охотничьи сцены и окружающий их ландшафт характерны для танской утвари.

При посредстве коммерсантов халифата китайский фарфор, шелка и художественные изделия из металла достигали Византии. В Трапезунте и сирийских портах восточные товары грузили на корабли «румов». Византийская серебряная кружка X в., найденная в кладе на острове Готланд, украшена крылатыми львами и фениксами (похожие сказочные птицы вырезаны на византийском костяном ларце из собора Труа в Шампани).

Облик феников близок древнему описанию этой птицы счастья и бессмертия: у нее голова петуха, змеиная шея, грудка ласточки, спина черепахи и рыбий хвост. Феников, стоящих на лотосе, изображали на китайских головных уборах и серебряных сосудах, на свадебных зеркалах, ларцах и косметических коробочках. Верили, что фениксы-фэнхуаны приносят счастье в браке. Символизируя новобрачных, они входили в круг благопожелательных свадебных эмблем:

Среди пернатых только фэнхуану
Назначено бессмертной птицей быть.
Но потеряет самка-феникс друга —
Тоска три года застит бедной свет.
Вокруг нее летают птицы стаей,
А пары ей, печальнице, все нет¹⁷.

В свою очередь на Дальний Восток везли изделия мастеров «Западного края». В числе предметов обмена восточных тюрок с Китаем упоминаются вещи из хотанской яшмы и чаши с семью драгоценными камнями. В Китае обнаружены агатовый ритон и среднеазиатские серебряные сосуды с тюркскими надписями. Из сасанидского Ирана ко двору японских императоров попала ложчатая чаша из золота (хранится в храмовой сокровищнице Сёсона в Наре).

Трансконтинентальные связи способствовали взаимодействию религий, культур и искусств разных народов, что ярко отразилось на орнаменте шелковых тканей. В VII—IX вв. полихромные материи с фигурами охотников, животных и птиц в медальонах — сенмуртов, львов, крылатых коней, оленей, кабанов, уток с повязкой почета в клюве — ткали не только персы, но и жители городов Восточного Средиземноморья, Согда и Синьцзяна (Хотан). В двух последних районах шелкоткачества некоторые исследователи видят страну шелка — «Серинду» Прокопия Кесарийского. По словам этого хрониста, какие-то монахи тайно доставили из Серинды в Византию грены шелкопряда. Сходство рисунков тканей, представленных на скальных рельефах Так-и-Бустана (Иран), в среднеазиатской стенной живописи, резьбе и росписях буддийских храмов Центральной Азии (в «сасанидских» шелках здесь щеголяют бодхисаттвы¹⁸ и небожители), свидетель-

ствует не только об экспорте тканей на огромные расстояния, но и о взаимовлиянии разных центров шелкоткачества. Согдийскую благопожелательную эмблему — олень в медальоне — заимствуют ткачи Дальнего Востока. В византийский текстиль проникают изображения слонов, популярные на восточных материалах. Вот эпиграмма неизвестного поэта на одну модную даму, переданная ал-Джакилем:

Захотелось ей раз комнату, в которой были бы у нее
изображения.

Но когда она увидела занавеску, с обеих сторон которой
были рисунки:

Там изображен слон, а хобот у него длинный,—

То сказала: «Уберите занавеску, как бы меня не съел слон»¹⁹.

Многоцветные шелка — «подвижные распространители» декоративных композиций от Тихого до Атлантического океана.

По следам Диониса Индийского

По «шелковому пути» происходил взаимообмен не только товарами и посольскими дарами, но и духовными ценностями. Вдоль и поперек «земного круга» кочевали идеи, мифы, обычаи.

В 1932 г. на берегу Камы, неподалеку от села Афанасьево Кировской области, был выкопан клад. Вместе с другими среднеазиатскими серебряными сосудами VIII в. в нем обнаружили литую кружку с рельефными фигурами на позолоченном фоне. На тулове по сторонам пальметт²⁰ — изображения лежащих оленей и джейранов, типичных обитателей полупустынь и пустынь Средней Азии, Ирана, Закаспия. В кольцевом ободке поддона — мужская голова в профиль. Ручка кружки оформлена в виде лица лысого старца Силена с двумя головами слонов по сторонам.

Образ вечно хмельного, веселого и добродушного Сиlena говорит о стойкости античных традиций в раннесредневековом искусстве Ирана и Средней Азии. Сиlena почитали как покровителя источников и гения плодородия, способного прорицать будущее и обладающего знанием сокровенной природы вещей. В шестой эклоге «Бу-

«колик» Вергилия Силен развивает космогонические идеи эпикурейской философии:

Ты увидал бы тогда, как пляшут фавны и звери
В лад, непреклонные, как качают верхушками дубы.
Даже и Фебу не так веселятся Парнаса утесы,
Даже и Исмар с Родопой не так дивятся Орфею.
Ибо запел он о том, как собраны в бездне глубокой
Были зачатки земель и тверди воздушной, и моря,
Жидкого также огня; как все из этих первейших
Произошло и как сам стал юный мир разрастаться... ²¹

Вергилий

Культ воспитателя Диониса, участника его оргий, любителя музыки и пения, был популярен в Египетском царстве Птолемеев. Затем он распространился в Западном Средиземноморье, оказав влияние на римскую литературу и искусство. Позднеантичные металлические изделия с изображением Силенов знали в самых отдаленных уголках эллинистического мира на Востоке. Александрийский бронзовый светильник с маской этого божества найден в Сиаме. Медальон от греко-римского серебряного блюда с Силеном в венке из виноградных гроздей обнаружен при раскопках индийского города Таксилы в Пенджабе.

Согласно античному мифу, Силен принимал участие в походе Диониса, который победоносно прошел по Элладе, Сирии, Азии, вплоть до Индии, и через Фракию вернулся в Европу.

Покинув пашни Лидии златой,
И Фригию, и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и у мидян
Изведав холод зимний, я арабов
Счастливых посетил и обошел
Всю Азию, что по прибрежью моря
Соленого простерлась: в городах
Красиво высится стенные башни,
И вместе грек там с варваром живет.
Всех закружил я в пляске вдохновенной
И в таинства их посвятил свои,
Чтоб быть мне явным божеством для смертных ²².

Еврипид

По пути Дионис учил людей виноделию и творил чудеса: то преображался в козла, льва, пантеру, то заставлял бить из-под земли фонтаны вина, молока и меда. В шумном экстатическом шествии бога растительности участвовали женщины-вакханки, менады в венках из плюща, одетые в шкуры диких животных, с тирсами — жезлами, увитыми виноградными листьями,— в руках. Римляне полагали, что Дионис познакомил варварские народы с достижениями передовой культуры.

Триумф Диониса — покорителя Индии — излюбленная тема в искусстве императорского Рима. Триумфатора в колеснице, запряженной слонами, пантерами или кентаврами, среди пляшущих сатиров и вакханок видим на римских саркофагах и мозаиках, на коптских тканях IV—V вв.

Свое особое место в вакхическом кортеже занимал толстобрюхий хмельной Силен, сопровождающий бога вина. Иногда его изображали с ланью или слонами. По Лукиану, в индийском походе у Диониса было два помощника: Пан и «приземистый старик, несколько тучный, пузатый, курносый, с большими торчащими кверху ушами, с неверной походкой, опирающийся на дроковую трость и почти все время верхом на осле разъезжающий». Он «в плаще шафранного цвета и, по-видимому, как военачальник пользуется чрезвычайным доверием верхового вождя»²³. Во время битвы с индийцами Силен командовал правым крылом войска. Во главе отдельных отрядов стояли сатиры. Этим сюжетом, видимо, навеяна композиция «Силен со слонами» на кружке из Афанасьева, в орнаменте которой органически сплавлены греко-римские и азиатские мотивы. Возможно, на ее дне представлен сам Дионис, которого в Бактрии и Индии изображали бородатым («индийский Дионис»).

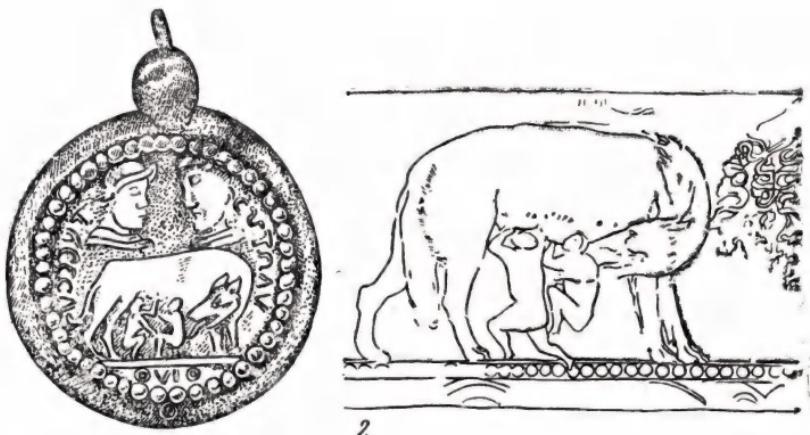
О дионасийских культурах в Иране и Средней Азии в эпоху Греко-Бактрии, Великих Кушан и Парфии появляется все больше археологических данных. Но у земледельческих народов Азии эти культуры возникли задолго до походов Александра Македонского, распространивших греческий язык и культуру далеко на восток. Греческие божества слились со своими восточными «двойниками», а не были искусственно привнесены извне. Триумфальное шествие Диониса от «пашен Лидии златой» до Бактрии и склонов Гиндукуша подготовили родственные локаль-

ные культуры. Представления о боге, который, уничтожая все дисциплинирующие ограничения, одновременно предстает носителем достижений цивилизации, издавна бытовали в Иране, Бактрии, Согде, Фергане, Хорезме. Здесь отмечали свой цикл «дионисийских» праздников, посвященных созреванию винограда и изготовлению вина.

В раннесредневековом искусстве Ирана и Средней Азии античные сюжеты возродились под влиянием оживления связей по «шелковому пути», когда купеческие рейсы отодвигали все дальше на восток пределы византийского «земного круга». В сасанидской и среднеазиатской торевтике²⁴ вакхические мотивы — Вакх с пантерой, его победоносное шествие, Силен с винным мехом, танцы менад, виноградные лозы — получают развитие благодаря знакомству с так называемым византийским антиком. Это серебряные сосуды со сценами из античной мифологии — произведения ювелиров эпохи Юстиниана I и его преемников. Как и придворные стихотворцы, мастера по металлу ориентировались на академическое подражание древним образцам. Они отразили вкусы высшего общества Восточноимперии, которое считало себя наследником языческих цезарей Рима. Перевозимые по дорогам «шелковой дипломатии» (с 568 по 576 г. Среднюю Азию посетило семь византийских посольств) произведения торевтов Рума в короткий срок достигали Согда и Фергана, оседая в сокровищницах местных владетелей. Недалеко от Кунгура на Урале найдено блюдо времени Юстиниана I со сценой посещения Венерой Анхиза — чье-то воспоминание о путешествии на Запад или просто дорогая вещь, купленная согдийским любителем редкостей. На блюде вырезана согдийская надпись с именем бухарского государя.

«Капитолийская волчица» Уструшаны

С 1965 по 1972 г. в Северном Таджикистане проводились раскопки дворца афшинов (царей) раннесредневекового государства Уструшаны. Когда-то он возвышался в цитадели городища, которое отождествляют с Бунджикатом — столицей Уструшаны. Дворец поражал своими размерами и великолепием убранства интерьеров — затейливой резь-

«Капитолийская волчица»:

1 — итальянский золотой медальон из Ахангарана, VI в.; 2 — роспись во дворце Уструшаны

бой на деревянных балках, панно и фризах, скульптурными фигурами людей и птиц. Стены парадных помещений — трехъярусного зала с тронной лоджией, малого приемного зала, храма и широких коридоров между ними — были покрыты многокрасочной живописью. В конце IX в. «правоверный» Исмаил Самани присоединил Уструшану к мусульманскому миру. Он не только положил конец афшинской династии, но и не пощадил ее резиденцию: дворец ограбили и сожгли дотла. Его развалины перекрыты толстыми слоями горелого дерева и обожженной глины, стены докрасна прокалены.

При расчистке центрального коридора археологи обнаружили композицию, уникальную для Средней Азии. Контурыми киноварными линиями на стене нарисована большая волчица и два обнаженных младенца, припавшие к ее соскам. От снежных вершин Туркестанского хребта этот «древнеримский» сюжет уводит нас на берега Тибра, ко временам сложения легенды об основании «вечного города»: мифическая волчица выкармливает двух царственных близнецов — Ромула и Рема.

Согласно созданному в Италии мифу, Ромул и Рем были сыновьями бога войны Марса и Реи Сильвии — дочери Нумитора, царя латинского города Альбы Лонги. Нумито-

ра сверг с престола его младший брат Амулий, повелевший бросить младенцев в Тибр. Но река вынесла детей на берег, и посланная Марсом волчица выкормила найденную им своим молоком. Когда братья выросли, они, убив Амулия, вернули власть деду и основали город на том месте, где их отыскала волчица. С тех пор как версия о чудесном спасении основателей «вечного города» получила официальное признание, композиция «Волчица с младенцами» надолго стала эмблемой Рима на памятниках искусства, монетах, печатях. С трофеейных значков, отобранных персами у пленных римских легионеров, она перекочевала на сасанидские геммы²⁵.

Но каким образом этот сюжет стал достоянием среднеазиатского художника? Вероятно, промежуточным звеном послужила Византия — преемница античного Рима. При Юстиниане I в Риме чеканили медные монеты с волчицей, кормящей Ромула и Рема. Подобные монеты и оттиснутые с них монетовидные подвески-брактеаты попадали в Среднюю Азию. При ремонте дороги возле древнего поселения на территории средневековой области Илак (Ахангаран) в Узбекистане нашли золотой медальон с припаянным ушком. На его лицевой стороне отчеканен бюст императора в тиароподобном шлеме, кирасе, с копьем и щитом. Образцом для изображения послужили золотые монеты — солиды Юстина I и его преемника — Юстиниана I. Обрамляющую бюст надпись можно расшифровать так: «Наш повелитель Юстиниан, пожизненный Август». Обратная сторона подвески тождественна росписи Бунджиката: волчица и два сидящих на корточках младенца, которые тянутся к ее соскам. Образцы, подобные этому итальянскому медальону, вдохновляли среднеазиатских художников, которые расписывали царские чертоги и замки дихкан.

В искусстве Уструшаны пришлый сюжет переосмыслили. Возможно, он служил иллюстрацией к мифической родословной местных владетелей. Как и на Западе, на Востоке издревле слагали легенды о родовитых царских подкидыshaх, вскормленных животными и воспитанными пастухами. В тотемистических представлениях тюрksких и монгольских племен волка почитали как прародителя. В «Истории династии Тан» записано предание о том, что от волчицы произошло тюркское племя тукюесцев, предки которых обитали у «Западного моря» (Арала или Каспия).

Каждый из десяти рожденных ею мальчиков положил начало особому роду. В память о своем происхождении один из потомков волчицы — государь Ашина — вывесил над входом в свою ставку знамя с волчьей головой. Так, осваивая ценности чужих культур, местные мастера наполняли традиционные темы новым,озвучным им содержанием.

Стела из Чанъаня

«В то время как светлейший император Тайцзун во славе и блеске начал свое счастливое царствование, просвещая свой народ и мудро управляя им, в царстве Великий Цинь [Сирия] жил человек высокой добродетели, по имени Олопен; прорицая по светлым областям, он принес сюда священные рукописи и, наблюдая за гармонией ветров, преодолел трудности и опасности [путешествия].

В 9-й год Чжэн-гуань [636 г.н.э.] Олопен прибыл в Чанъань. Император послал своего министра-военачальника Фан Сюань-лина во главе эскорта в западное предместье, чтобы встретить и сопровождать гостя. Его рукописи были переведены в библиотеке. После того как в [императорских] частных покоях учения эти были проверены, император признал их справедливыми и истинными и приказал проповедовать их и распространять»²⁶.

Эта надпись на сирийском и китайском языках вырезана на каменной стеле высотой выше 2 м, которую в 1625 г. нашел китайский кули при постройке дома близ Чанъаня. Стелу, датированную 781 г., когда Адам был «священником, епископом и законоведом Цинистана (Китая)», обнаружили как раз вовремя: в Китай, казалось бы, никогда не знакомый с христианством, проникли миссионеры-иезуиты. Вот почему расшифровка текста «Несторианской стелы», из которого Европа узнала о широком распространении своего вероучения в Китае VII—VIII вв., стала неслыханной сенсацией. Немало лет памятник считали подлогом иезуитов, одним из «благочестивых мошенничеств», как писал Вольтер. Только к середине прошлого века подлинность надписи была доказана: сирийский миссионер Олопен действительно достиг Срединной империи незадолго до разгрома арабами иранской державы Сасанидов.

Как видим, вместе с торговыми караванами по Великому шелковому пути двигались монахи и проповедники

различных религий — зороастризма²⁷, буддизма, манихейства²⁸, христианского сектантства. Духовные миссии способствовали развитию географических знаний. Крупную роль в освоении бескрайних пространств внутренней Азии сыграли несториане — представители самой влиятельной на Востоке христианской секты, которая вела происхождение от константинопольского патриарха Нестория. После низложения Нестория и признания его учения еретическим (431) начался массовый исход несториан из Византии на Восток. Первоначально взгляды ересиарха встретили поддержку у населения Сирии, затем у персидских христиан, во главе которых встал патриарх Ктесифона. Враждебным Византийской империи несторианским общинам Ирана покровительствовали сасанидские цари. Процветание несторианского клира в Китае продолжалось целых 200 лет со времени знаменитого танского императора Тайцзуна, оказавшего столь почетный прием Олопену.

В различных провинциях Срединной империи воздвигали церкви. Отличаясь особой религиозной сплоченностью, общины последователей Нестория появились на громадных пространствах от Сирии до Китая и от Монголии до Индии и Цейлона.

Из среды несториан выходили великие путешественники Средневековья. По-видимому, к христианам несторианского толка принадлежал бесстрашныйalexандрийский мореплаватель Косьма Индиоплов, посетивший Индию и Цейлон. При составлении своей «Христианской топографии» (около 550 г.) он пользовался сведениями своих единоверцев — сирийских и персидских купцов и священников, которых встречал во время странствий. По словам Косьмы, христианская церковь преуспевала на Цейлоне и Малабарском берегу Индостана. Епископ, «получивший посвящение из Персиды», возглавлял небольшую христианскую общину на острове Сокотра в Аравийском море.

Несторианство в Восточной Азии пережило века. Марко Поло встречал несториан в Кашгаре и Яркенде: «У них свои церкви и свой закон»²⁹. Распространение этого учения среди народов Азии (в частности, у восточно-туркского племени кереитов) породило неясные, но упорные слухи, которые около середины XII в. взволновали всю христианскую Европу. Из уст в уста передавали, что

где-то «на крайнем Востоке» раскинулась держава могучего «царя-священника Иоанна». Этот правитель, ведущий свой род от евангельских волхвов, окружен сказочной роскошью: ежедневно за его столом пируют 30 тыс. человек, которым вручают подарки из царской сокровищницы. Четыре аметистовые колонны поддерживают смарганный стол. Дворец сложен из драгоценных камней на чистом золоте, сама собой открывается и закрывается хрустальная дверь чертогов. От имени «пресвитера Иоанна» какой-то европеец направил подложные письма папе, византийскому императору Мануилу Комину и Фридриху Барбароссе: «Я, пресвiter Иоанн, властелин над всеми властелинами... 72 царя платят нам дань... Наше Великолепие властвует над тремя Индиями, и земли наши просятся до потусторонней Индии, где покоятся тело святого апостола Фомы... В одну сторону государство наше простирается на четыре месяца пути; на какое расстояние наша власть распространяется в другую сторону, никому неизвестно»³⁰. В Иоанне, который якобы обратил в бегство мусульман и готовился идти на Иерусалим, Западная Европа усмотрела желанного союзника крестоносцев. В 1177 г. папа Александр III, поверивший в мистификацию, предложил союз и дружбу «блестательному и великолепному царю индийцев». Доставить послание папы поручили врачу Филиппу — «человеку достойному, мудрому и благоразумному». Отправившись с директивами Рима в «дорогу в никуда», посол бесследно исчез где-то на Востоке. Ни Рубруку, ни Марко Поло не удалось обнаружить мнимое царство. Несмотря на это, еще четыре века европейцы считали легендарного «царя-священника» реальным историческим лицом и связывали с ним различные политические иллюзии. Но надежды найти его таинственную страну, питаемые тягой людей Средневековья к необычному, оказались тщетными.

Несториане в Средней Азии

Несторианские миссионеры проповедовали свое учение прежде всего среди населения крупных центров международной торговли. «Несметное количество монахов и епископов есть... в Бактрии, в Стране гуннов, в Персиде... у персидских армян, мидян, эламитов..» (Косьма Индикоп-

лов)³¹. О широком распространении несторианства в Средней Азии свидетельствуют и письменные источники, и археологические открытия последних десятилетий. К крупнейшим очагам несторианской культуры принадлежал Мерв, который «чистотою, красотою расположения, планировкою зданий и кварталов между каналов и древесных насаждений, обособленностью разных ремесленников на базарах превосходит прочие города Хорасана» (Истахри)³². В Мерве и его окрестностях раскопаны руины церкви и монастыря. В VIII—X вв. христианство приняли некоторые тюркские кочевые племена: несторианский клир Семиречья обратил в свою веру царя карлуков, правивших в этой стране. Была образована особая карлукская митрополия. Во время наступления мусульман христианские церкви семиреченских городов превращали в мечети. Фундаменты одного из таких храмов исследованы археологами на городище Ак-Бешим в северной Киргизии.

О несторианах Семиречья многое может рассказать цельнолитое серебряное блюдо-дискос IX—X вв. с евангельскими сценами и сирийскими надписями. Оно найдено у села Григоровское Пермской области. Изображения на блюде выполнены в плоском рельефе и детализированы гравировкой. Фон и отдельные части фигур позолочены. В трех переплетающихся медальонах представлены «Вознесение», «Жены у гроба» и «Распятие», в промежутках — «Даниил во рву львином», «Отречение Петра» и стражи гроба господня.

Некоторые композиции на блюде отражают особенности несторианской доктрины. Так, отсутствие Богоматери среди апостолов в сцене Вознесения для православной иконографии необычно, но согласуется с центральным пунктом ереси несториан: они считали Марию не матерью бога, но только матерью Христа-человека. В распятии опущены орудия страданий спасителя: отсутствует крест, ноги не пригвождены, а стоят на подножной доске, копье сотника Лонгина превратилось в короткий обрубок. «...Армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным к кресту», — отмечал Рубрук³³. Влиянием несторианских обычай можно объяснить странное положение рук Даниила и рук апостолов в сцене Вознесения. Не изображена ли специфическая культовая поза средне- и центральноазиатских несториан? Как сообщал Рубрук,

под влиянием «идолопоклонников» (буддистов) они «не соединяют рук для молитвы, а молятся, протянув руки перед грудью»³⁴. Крест в центре блюда имеет четыре расширяющихся конца с маленькими кружками и удлиненную нижнюю ветвь — форму, особенно характерную для несторианских памятников (стела из Чанъана, семиреченские надгробия тюрков-несториан). Наконец, несторианскую принадлежность блюда подтверждают и надписи: официальным языком несториан, на котором шла литургия³⁵, был сирийский. Вместе с тем палеографический анализ надписей показал отсутствие у мастера прочных навыков в сирийском письме. Здесь снова уместно вспомнить слова Рубрука о том, что китайские несториане «произносят свою службу и имеют священные книги на сирийском языке, которого не знают, отсюда они поют, как у нас монахи, совершенно не знающие грамоты...»³⁶.

В основе композиций на блюде лежит сиро-палестинская иконография тех евангельских событий, которые были отнесены церковью к наиболее чтимым. Именно их чаще всего изображали на культовых предметах паломников в «святую землю»: ампулах для хранения масла и святой воды, бронзовых кадилах и ларцах, кольцах, браслетах и амулетах. Из Сирии и Палестины эти скромные сувениры пилигримов распространялись по всему христианскому миру. Их находят в Египте и Италии, Крыму и Закавказье. Литургическая утварь «святой земли» поступала и в несторианские монастыри Средней Азии. В Ургуте близ Самарканда обнаружено сирийское бронзовое кадило с эпизодами из Нового завета, в Пенджикенте найден сирийский стеклянный сосудик. Благоговейное отношение к палестинским реликвиям сохранялось на востоке Азии в течение всего Средневековья. Рубрук описал серебряный крест с пятью жемчужинами, принесенный одним армянином из Иерусалима в Монголию.

Сирийские мастера работали и за пределами своей страны, распространяя технические приемы и стиль, созданные в сиро-палестинском искусстве. Не исключено, что прототип блюда из Григоровского был исполнен в кругах несториан Ирана, где целые корпорации сирийских мастеров занимались художественной обработкой металла. Отсюда заметное влияние сасанидской торевтики: условная передача Голгофы в духе сасанидских «скал», близость ангелов в сюжете «Вознесение» зороастрийским

крылатым гениям — покровителям шахиншахов и т. д. Несториане Средней Азии постоянно поддерживали связи со своими единоверцами на иранской территории.

Скрепление и взаимодействие различных художественных принципов в одном произведении — свидетельство сложности исторической и духовной жизни эпохи. В Семиречье, где встречались Запад и Восток Азии и где на великой караванной трассе лежали крупные торговые города, создалась благоприятная почва для взаимопроникновения элементов непохожих культур. Оседлое согдийско-туркское население с его культурным синкретизмом — вот та среда, откуда вышло несторианское блюдо.

Глава 3

К «МОРИЮ МРАКОВ»

«Если бы не было торговцев, путешествующих по вселенной, то когда одевались бы в одежду с подкладкой из черного соболя?»

«Кутадгу билиг»

651 г. последний сасанидский царь царей Иездигерд III погиб в окрестностях Мерва — завоевание Ирана арабами завершилось.

Огни погасли в храмах оскверненных,
Все смолкло в городах опустошенных.

И диво — не осталось ни зубца
На гордых башнях царского дворца¹.

Фирдоуси

Под копытами легкой мусульманской конницы пало государство, мастера которого славились во всем мире. Они возвели монументальные дворцы и храмы, украсили их штуковыми² панелями и фресками, на отвесных скалах высекли колоссальные рельефы, выткали многоцветные ковры и шелковые ткани, покрыли тончайшей резьбой геммы из самоцветов. Яркая придворная культура ушедших в небытие шахиншахов еще долго оставалась живой для последующих поколений: при халифском дворе в Багдаде сохраняются моды и праздники Сасанидов, с пехлеви³ на арабский язык переводят сасанидские хроники и научные трактаты, аббасидские дворцы расписывают художники Персии. В рыцарских замках, затерянных в горах, по-прежнему пользуются успехом «рассказчики историй о персах и их днях». Поэтам, воспевшим вино и чувственные радости, Иран прошлого рисуется средоточием беззаботной и веселой жизни.

Ичезнувшие сокровища Хосроев

Особой известностью пользовались сасанидские художники по металлу. Даже после того, как «стих Корана зазвучал с мимбара»⁴, подражать их произведениям не считали кощунством. Поэт Абу Нувас обстоятельно описал золотую чашу для питья, «которую одарила разными изображениями Персия»: «...на дне у нее Хосрой, а по сторонам антилопы, которых выслеживают с луками всадники». Чашу с Хосроем и его войском он вспоминал в другом стихотворении:

И развязал он бурдюк над чашей, края и дно которой
разукрашены.

Изображено на ней войско Хосроя и Хосрой на дне кубка,
а главы войска у стремени Хосроя, с булавами,
в коротких кафтанах⁵.

Пиры в средневековой общественной жизни играли огромную роль, и потому питьевая посуда из драгоценных металлов стала знаком высокого социального положения. Ею похвалялись, выставляя напоказ на торжественных приемах, ее дарили почетным гостям, а при военном поражении ею приходилось откупаться от удачливого победителя. Стремясь укрепить свой престиж, зависевший от количества накопленного добра, даже второстепенные правители собирали в своих сокровищницах громадное число золотых и серебряных блюд и чаш, кружек и кувшинов.

«Однажды ... один хорасанский царевич приехал к испах-беду [правителю] Табаристана с многочисленными дарами... Он попросил серебряные блюда и подносы, чтобы расположить на них дары. Слуги принесли ему ... 500 серебряных подносов. Хорасанец попросил еще. Тогда ... послали к главной жене испахбеда и принесли от нее еще 500 подносов из серебра. Испахбед получил дары из Хорасана на этих 1000 подносах и в ответ послал царевичу 2000 подносов, наполненных подарками»⁶.

Поистине несметными богатствами владели влиятельные вельможи, храмы и сами шахиншахи. Предания о судьбе царских сокровищ после арабского нашествия передавали из поколения в поколение; этот «золотой мираж» владел умами несколько столетий. Географ Ибн ал Факих (начало X в.) называл место Так в горах Таба-

ристана, где со времен мифического Менучехра хранились драгоценности персидских монархов. Мимо этой увлекательной темы не прошел и всеведущий Бируни. Согласно его рассказу, Сасаниды во время бегства из Ирака в Мерв оставили на хранение у царей Джабала — горного округа между Реем и Табаристаном — самые дорогие самоцветы и наиболее легкие вещи из своих богатств. Арабский полководец Халид Ибн-Бармак, осаждавший испахбедов Джабала в одной из горных крепостей, после сдачи твердыни захватил казнохранилище с «сокровищами Хосроев». Собственность одного из шахиншахов — пальму, отлитую из золота, якобы нашел правитель Хорасана. Между ее ветвями, «подобно зеленым и спелым финикам», были нанизаны драгоценные камни.

Большая часть этих неисчислимых ценностей развеялась, как пыль на ветру. В Иране и прилегающих областях сасанидское серебро находят очень редко. Виной тому религиозный фанатизм последователей Аллаха, а главное — нужда в сырье для монетного чекана. С течением времени десятки тысяч художественных изделий из золота и серебра уничтожили в плавильных печах. По словам Бируни, когда «благополучие превращается в свою противоположность», появляется необходимость переплавки сосудов для чеканки из них дирхемов и динаров. Уже омейядский наместник Ирака ал Хаджгадж приказал разломать в странах ислама золотые и серебряные сосуды и настрого запретил пить из них. Эта мера могла быть вызвана как борьбой с изнеживающей роскошью, так и неприемлемой для мусульманского ортодокса зороастрийской тематикой изображений на вещах.

Примечательные страницы истории культуры Ирана и Средней Азии были бы безвозвратно утрачены, если бы не ... уральские клады.

Уральские клады

В междууречье Камы и Вятки, среди лесов, болот и невысоких холмов-увалов затерялась деревня Турушева. Летом 1927 г. здесь был найден один из многих кладов «восточного серебра». Мальчик, пасший стадо на опушке леса, неожиданно провалился в яму. Нашупав в ней какой-то твердый и гладкий предмет, он стал выгребать

землю то руками, то кнутовищем. Несколько минут работы — и на поверхности показалось очень тяжелое ведерко из серебра. Когда пастушок перевернул ведерко, из него выпали серебряные блюда, светильники, витые шейные обручи-грифы.

«Восточные клады» на Урале крестьяне обнаруживали при распашке целины или огорода, под выкорчеванными пнями. Иногда их находили в густой чаще леса или на склонах террас, размытых вешними водами.

Самая древняя вещь в турушевском кладе — иранское блюдо IV в. со сценой охоты Шапура II. Резко обернувшись назад, коронованный всадник посыпает стрелу во вздыбленного льва. Под копытами коня распространяется уже смертельно раненный зверь. На блюде, изготовленном византийским ювелиром три века спустя, — черненый крест в венке из плюща. Светильники из Средней Азии относятся к VIII в. На дне одного выгравирован слон — священное животное буддистов, изображения на другом восходят к доисламским земледельческим культурам. Здесь гранатовые деревья: обильный семенами гранат означал надежду семьи на многочисленное потомство. На ручке сосуда свернулась пантера — непременная спутница Диониса-Вакха. В медальоны на тулове вписаны двугорбый верблюд, олицетворение сакральных сил плодородия; конь, связанный с почитанием животворных вод; олень, способный продлить человеческую жизнь благодаря целебности лекарства из своих рогов. Позднесасанидское блюдо из Турушевой сохранило популярный эпический сюжет: охота царевича Бахрам Гура (он же — сасанидский царь Варахран V, 421—439):

Однажды с музыкантшою, без свиты,
Помчался в степь охотник именитый.
Его румийку звали Азада,
Он с нею время проводил всегда...
Лишь на верблюде ездил он верхом,
Что был покрыт атласным чепраком...
Чета газелей мчалась по холмам.
Сказал, смеясь, красавице Бахрам:
«Луна моя! Сейчас начну я ловлю.
Как только лук могучий изготовлю,—
Кого сначала мне сразить тогда:
Самец — в годах, а самка — молода».

«О лев,— сказала Азада,— ужели
Гордится муж, что он сильней газели?
Чтоб заслужить прозванье храбреца,
Стрелою самку преврати в самца...»
В колчане у охотника была
Особая двуостроя стрела.
Самец взметнулся на равнине пестрой,—
Бахрам тотчас подсек стрелой двуострой
Его рога, подсек на всём скаку.
И подивилась Азада стрелку.
Едва самец своих рогов лишился,
Он сразу как бы в самку превратился.
А в самку две стрелы всадил Бахрам,
Чтоб уподобились они рогам ?.

Фирдоуси

На блюде точно переданы все детали этого эпизода, подробно пересказанного Фирдоуси, но, как видим, восходящего к домусульманской эпической традиции.

В уральских кладах преобладает пиршественная утварь из обихода светской знати, встречены и украшения костюма — поясные накладки, медальоны. Сложная ювелирная техника обнаруживает руку придворных мастеров высшей квалификации, в совершенстве владевших приемами литья, чеканки, гравировки, золочения, черни.

«Восточное серебро» Урала вводит нас в «затерянный мир» архаических представлений о мироздании, красочно повествует об охотничьих триумфах царей и героев.

За соболиными мехами

Сасанидское серебро на Урале впервые привлекло внимание в 1750 г., когда в прикамском имении Строгановых был обнаружен серебряный кувшин, изготовленный иранскими мастерами. С тех пор в этих краях зарегистрировано свыше сотни «восточных кладов». Кроме того, известно, что многие дореволюционные находки скопщики серебра сумели переплавить. Чем же объясняется столь массовая «миграция» вещей? Почему драгоценную утварь Среднего Востока вывозили далеко за пределы тогдашнего культурного мира, к таежным охотникам Урала — предкам коми-пермяков?

Большая ее часть попала на Урал не ранее IX в. Это доказали археологи, которые выявили топографическую связь кладов с древними поселениями и проанализировали их состав. Оказалось, что начало северной торговли Багдадского халифата приходится на первое столетие господства Аббасидов, когда провинциальная ограниченность арабской культуры уходит в прошлое, когда она подвергается влиянию эллинизма и сасанидской «классики». Именно тогда устанавливаются коммерческие связи с Восточной Европой и Дальним Востоком, с Индией и Черной Африкой. В поисках рынков сбыта и источников сырья купцы стран ислама устремляются в «неведомые земли» Севера.

В IX—X вв. в восточноевропейской торговле с Азией главное место занимало серебро. «Серебро легче перевозить, чем те необходимые предметы, которые на него можно купить», — писал Бируни⁸. Серебро везли в виде монет и вещей. Охотно принимали в обмен серебряные сосуды: их материальная и художественная ценность не вызывала сомнений.

Во время завоевания арабами Ирана и Средней Азии в их руки попала громадная добыча, в том числе металлическая утварь. Мир ее образов, связанных с доисламским эпосом и мифологией, уже не отвечал требованиям новой религии. С крушением Сасанидского государства и официальной зороастрийской церкви стали недействительны каноны прокламативного искусства, призванного возвеличивать царя царей. Сасанидские, среднеазиатские, византийские сосуды, которые еще не успели переплавить, переходили в руки купцов. Они скапали по дешевым ценам вышедшую из употребления посуду, которая активно вступала в сферу меновой торговли. Что же получали взамен?

В то время в кругах знати от Испании до Китая чрезвычайно увеличился спрос на драгоценную пушнину. Соболи, куницы, горностаевые, бобровые, беличьи меха шли на отделку головных уборов, кафтанов, шуб. Особенно ценили шкурки соболей и черно-бурых лисиц. Недаром в поэме Низами «Искендер-намэ» так любовно и со знанием дела перечислены меха, захваченные Александром Македонским в лагере русов:

И огромный воздвигли носильщики вал,
Груды цениой добычи принеся на привал.

Будто жадными тепась людскими сердцами,
Раскрывались, блестая, ларцы за ларцами...
Соболей самых темных несли отовсюду
И бобров серебристых за грудою груду.
Горностая, прекраснее белых шелков,
Было сложено сотни и сотни тюков.
Серых векш — без числа! Лис без счета багровых
И мехов жеребячих, для носки готовых.
Много родинок тьмы с бледным светом слились:
Это мех почивален; дает его рысь...
Царь взглянул: нет очам прихотливей утех!
Как в Иране весна — многокрасочный мех ⁹.

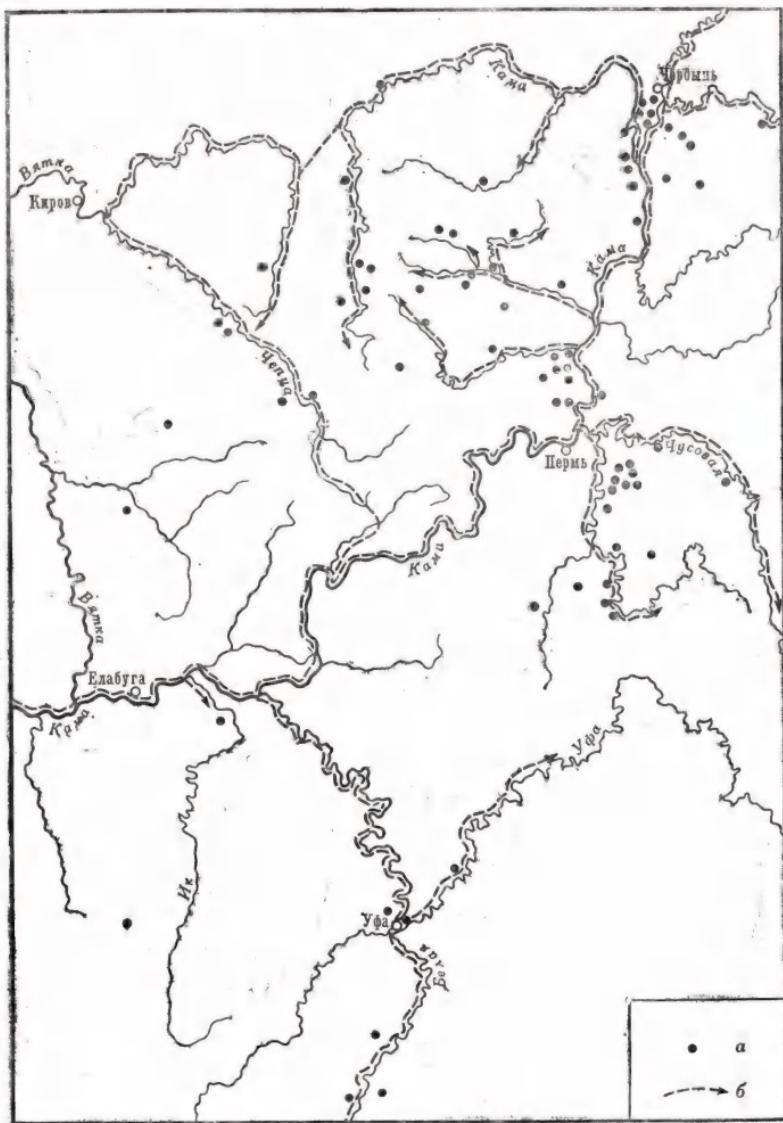
Низами

Торговцы халифата устремились в области, богатые пушниной. На урало-приобском Севере, где соболь водился в великом изобилии, уже в XVI—XVII вв. промысел пушного зверя занимал видное место в хозяйстве аборигенных племен. Кроме отборных мехов, отсюда вывозили мамонтову кость и клыки моржей («рыбий зуб»), из которых искусные хорезмийские резчики изготавливали шкатулки и гребни. Обмен вели по принципу «товар за товар». «Больших и прекрасных соболей» меняли на серебряную посуду полуденных стран, лисьи шкурки — на железные клинки.

Торговля шла через Волжскую Булгарию — огромный рынок по продаже мехов на среднем участке волжской магистрали. «...Все те, кто обитает на обоих берегах этой реки, привозят к ним [булгарам] свои товары, как-то: соболей, горностаев, белок и другое», — свидетельствовал географ Ибн-Русте ¹⁰.

От арабоязычных географов мы узнаем о прибытии в столичный город Булгар караванов мусульманских купеческих судов, о продолжительности плавания между ним и Итилем, столицей Хазарии и устье Волги, о десятине, которую взимал булгарский царь с хазарских товаров. Проникновение ислама в Булгарское царство и установление прямых связей с Багдадом способствовали расцвету волжско-каспийской навигации.

Уже открыли и степной путь из Хорезма восточнее Волги через пустынное каменистое плато Устюрт — «ворота народов». Этим маршрутом проследовало посольство Ибн-Фадлана. «Караваны постоянно ходят от них [бул-

«Восточное серебро» на Урале:

а — клады; *б* — пути сообщения

гар] в Хорезм, что в хорасанской земле, а из Хорезма к ним, но дорога пересекает [кочевья] других тюрок, и караваны [должны] охраняться от них», — писал Масуди¹¹. Сухопутное путешествие из Булгарии в Хорезм длилось три месяца. На Устюрте при дорогах в Нижнее

Поволжье построили караван-сараи с колодцами, надежно укрытыми от летучего песка, пограничные крепости и сторожевые башни. Караван-сараи располагались друг от друга на расстоянии дневного перехода каравана (20—30 км).

Но даже весьма предприимчивые арабские купцы дальше Булгара предпочитали не ездить: риск был слишком велик, а преувеличенные слухи об опасностях, подстерегавших путников в «Стране мрака», отпугивали самых неустранных. Меновую торговлю с таежным Прикамьем вели сами булгары. О далеких скитаниях булгарских скопщиков пушнины свидетельствуют серебряные украшения из их страны — браслеты, подвески-лунницы, шейные цепи, собранные археологами на Чепце, верхней Каме, Вычегде и Тоболе. Вверх по Чусовой «восточное серебро» проникало на Средний Урал и в Зауралье. Булгары достигли и земель Йуры (югры русских летописей) — предков хантов (остяков) и манси (вогулов), живших по обоим склонам Северного Урала и в низовьях Оби.

Находки сабель в Прикамье и севернее подтверждают сообщение Абу Хамида ал-Гарнати, арабского путешественника родом из Гранады, побывавшего в Булгаре и русских землях (XII в.): в области Йура, что на «Море мраков», «привозят люди мечи из стран ислаама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфахане, в виде клинов, не приделывая рукоять и без украшений... И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч за нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон. И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру... И привозят к ним купцы эти мечи..., а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль»¹². На Приполярном Урале геологи недавно нашли армянскую саблю XII в. с именем мастера Хачатура.

На лыжах и собачьих упряжках

Не исключено, что некоторые купцы — персы, хорезмийцы, арабы — на свой страх и риск добирались до неприютной Балтики и Ледовитого океана. Страсть к

красивым мехам вела их все дальше и дальше — за Северный полярный круг, в край вечной мерзлоты. Бируни, знаяший о Балтийском море («Море варенков» — варягов), слышал об одном мореплавателе, который так далеко проник на север, что попал в края, где летом солнце светит круглые сутки. Абу-л-Фида упомянул о «некотором путешественнике, достигшем северного моря».

Со слов очевидцев арабские географы детально рассказали о стране «дикого народа» Йура, о «немой» торговле с ее обитателями и способах передвижения на Крайнем Севере.

«Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной... И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары... А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни выночных животных — только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят... А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их... Перед и конец такой доски приподняты над землей, посередине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам. А обе эти доски, которые на ногах, соединены длинным ремнем вроде лошадиных поводьев, его держат в левой руке, а в правой руке — палку длиной в рост человека. А внизу этой палки нечто вроде шара из ткани, набитого большим количеством шерсти, он величиной с человеческую голову, но легкий. Этой палкой упираются в снег и отталкиваются палкой позади, как делают моряки на корабле, и быстро двигаются по снегу. И если бы не эта выдумка, то никто не мог бы там ходить, потому что спег на земле вроде песка, не слеживается совсем» (ал-Гарнати) ¹³.

Документальное описание древних лыж делает честь наблюдательности путешественника, очевидно, встречавшего лыжников на заснеженных просторах.

Булгарские торговцы в страну Йура отправлялись зимой, когда тундру и болота сковывал мороз. Люди шли

на лыжах, а товары — одежду, соль и другие вещи — везли на санях, которые по сугробам тащили собаки.

«Путешествие туда совершается не иначе как на маленьких повозках, которые везут большие собаки, ибо в этой пустыне [везде] лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти, и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки. Путеводитель в этой земле — собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до 1000 динаров и около того. Повозка прикрепляется к ее шее; вместе с нею прикрепляются [еще] три собаки. Это авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Такую собаку хозяин ее не бьет, не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном же случае собака злится, убегает и оставляет хозяина своего на погибель» (Иби-Баттута) ¹⁴.

К северу от Йуры по соседству с легендарными народами Гог и Магог, по представлениям арабских географов, начинались безлюдные «мраки» — земли между устьями Печоры и Оби, Полярный Урал и Ямал. В описаниях этой области реальные сведения причудливо переплетены с баснословными. Купцы, побывавшие на севере, рассказывали доверчивым слушателям: люди народа Йура ходят туда с факелами, чтобы освещать дорогу в вечной тьме. Там растет дерево, огромное, как селение; на нем обитает большое животное («говорят, что это птица»). Севернее югорских земель нет поселений. Только большая башня, построенная Искендером (Александром Македонским), возвышается, как маяк, на границе обитаемого мира. Позади нее нет пути, а простираются только «мраки»: под суровым небом лежат горы и пустыни, «которых не покидают снег и мороз»; солнце не восходит над ними, растения в них не растут, и нет никаких животных. «Мраки» тянутся до «Черного моря», где нескончаем дождь и густой туман. «Черное море», т. е. Северный Ледовитый океан, арабские авторы чаще именовали «Морем мраков». В его темных и мрачных глубинах плавает рыба вроде огромной горы (кит), из ее уха может неожиданно выйти прекрасная девушка. Из клыков другой «рыбы» (моржа) вырезают рукоятки для кинжалов и мечей. Следуя к полюсу, путешественник достигает об-

ласти, где солнце, подобно мельничному жернову, шесть месяцев движется по окружности горизонта, и в году бывает один день и одна ночь.

«За Югру и за Самоядь»

Кто явился первооткрывателем труднодоступных земель Йуры? Не позднее XI в. в высокие широты Поморья проникли новгородские искатели добычи. Этим отважным людям, пересекавшим на плоскодонных ладьях-ушкуях весь европейский Север, не могли помешать ни упорное и коварное сопротивление природы, ни глухая отчужденность местных племен.

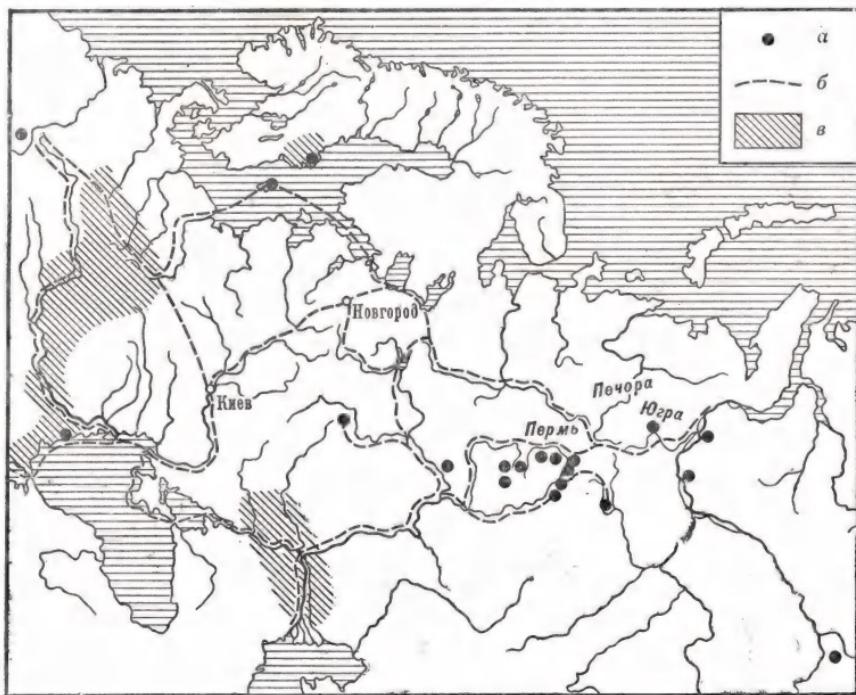
Под 1096 г. в «Повести временных лет» передан любопытный рассказ новгородца Гюрги Роговича:

«Послал я отрока своего в Печору, к людям, дающим дань Новгороду. И, когда пришел отрок мой к ним, то от них пошел он в землю Югорскую. Югра же это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с Самоядью в северных краях». Югра же сказала отроку моему: «Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше, а идет этому уже третий год; есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотою как до неба, и в горах тех стоит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желая высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками, прося железа; и если кто даст им нож ли, или секиру, они в обмен дают меха. Путь же к тем горам непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не доходим до них никогда; этот путь идет и дальше на север»¹⁵.

Русский летописец усмотрел в людях, запертых в скалах, «нечистые народы», «заклепанные» Александром Македонским,— параллель «башне Искендер» арабских авторов. Полуфантастические данные о меновой торговле железом перекликаются с известиями о ввозе мечей в Йуру.

«Господин Великий Новгород» сосредоточил в своих руках «заморскую» торговлю — «гостьбу» всей Северной Руси.

Отправлялись купцы новгородские
Торговать за сине море.
Торговали за синим за славным морюшком¹⁶.

Распространение европейских сосудов IX—X вв.:

а — находки сосудов; *б* — пути сообщения; *в* — предполагаемые области изготовления вещей

Былинный Садко, богатый гость,— колоритная фигура многое повидавшего купца, одного из тех, которые «по морю плавают, а по земле гостьбы деют, беря богатство».

Повыкушил товар весь из Нова-города...
 Повыгрузил товары в черлены корабли,
 Пошел-то Садко да на черлены корабли,
 Со всей своей дружинушкой хороbroю,
 Обирали-то сходенки дубовые,
 Вынимали-то якори булатные,
 Подымали тонки парусы полотнены,
 За синее море торговатъ пошли ¹⁷.

Новгородских гостей — обитателей «палат белокаменных», людей с трезвым, практическим умом и всевидящим глазом, можно было встретить на улицах Владимира и Киева, Чернигова и Галича. Одни из них — «штеппцы» — торговали с польским Поморьем, другие — «чу-

динцы» — с Прибалтикой, трети — «обонежцы», «югорщина» — прокладывали пути на Север. Их суда заходили в константинопольский Золотой Рог, в гавани Дании и острова Готланда.

А й как стал ездить Садко торговать да по всем местам,
А й по прочим городам да он по дальнним,
А й как стал получать барыши да он великие¹⁸.

Новгородцы стали основными посредниками в меховой торговле Западной Европы с племенами Урала, монополизировав вывоз пушнины на западные рынки. Около 1114 г. ладожский посадник Павел и ладожане поведали летописцу: «Еще мужи старии ходили за Югру и за Самоильдью». В полуночных странах они присутствовали при удивительном явлении: «...спаде туча и в тои тучи спаде веверица [белка] млада аки топерво рожена и возрастоши и расходится по земли». Поездки русских торговово-промышленных людей на Урал и в Зауралье участились в XII в. Новгородские сборщики дани и воины-«кмети» нередко погибали вдали от родины в вооруженных стычках с аборигенами. Под 1187 г. Новгородская первая летопись бесстрастно констатирует: «изъбиени быша Печерскии и Югорскии даньницы». В 1193 г. в поход на Югру отправились отряды ушкуйников: «В то же лето идоша из Новагорода в Югру ратью с воеводою Ядреиком; и приидоша в Югру и взяша город, и приидоша к другому городу, и затвориша в граде, и стояша под городом 5 недель; и посылаху из города к ним с листивою речью, ркуще тако: яко „сбираем сребро, и соболе, и иная узорочия, а вы не губите нас, своих смердов и своеи дани...”»¹⁹.

О новгородцах на Урале напоминает близость славянских украшений из Прикамья инвентарю сельских курганов Приильменья и находки новгородских денежных слитков. Из Березова на нижней Оби происходит взятайская серебряная чаша с процаррапанной русской надписью, близкой по почерку берестяным грамотам. Вероятно, новгородские землепроходцы занесли в Прикамье и на нижнюю Обь серебряные сосуды IX—X вв., исполненные в областях Карпато-Дунайского бассейна и Балкан. На Оби найдена украшенная чернью чаша со спиральными борьбы людей с крылатыми драконами — изделие

ювелиров Лиможа в герцогстве Аквитания. Как и «восточным серебром», европейской утварью расплачивались за меха.

Система рек и озер соединяла Великий Новгород с далеким северо-востоком. Два речных пути связывали его с Северным Уралом и Зауральем. Северный вел по Сухоне и Вычегде в бассейн Печоры, а из Печоры по ее притоку Усе, через северные отроги «Земного Пояса» (Уральского хребта) в Собь — приток Оби. Другой путь из Печоры на Обь (через Щугорь — приток Печоры и по Северной Сосьве) выводил южнее — к Березову.

Вторая трасса вела из Новгорода по Мсте и Тверце на Верхнюю Волгу, затем по Нерли, Клязьме и Оке к волжским булгарам. Отсюда вверх по Каме или Вятке плыли к северу. «Повесть о стране Вятской» сообщает: в 1174 г. по этому маршруту прошли новгородские «самовластцы с дружиною своею», «пленяюще остяцкие жилища». Их путь проходил по Волге и Каме, где они построили торговую факторию — «градец мал».

Серебряный слон на Сосьве

Зимой 1936 г. этнограф и археолог В. Н. Чернецов посетил в верховьях Северной Сосьвы культовое место мансиjsкого рода Тасмановых. В передней части священного лабаза он увидел «охранителя порога» и тотема рода: большую серебряную статуэтку слона. Необычного идола окутывали многочисленные платки, на бивнях висели металлические кольца. Как будто в реальность воплотилось насмешливое замечание В. Ф. Зуева (участника знаменитой экспедиции П. С. Палласа), который в 1771—1772 гг. совершил путешествие к устью Оби. Осуждая поклонение бесчисленным «шайтанам», он писал: «Но есть ли б в их стране слоны водились, то б они всех их за богов почитали»²⁰.

Почему в одном из селений Березовского края серебряное блюдо, обычно хранимое в специальном ящике, при жертвоприношениях выносили и подвешивали вертикально? Чем объяснить, что даже сын мог увидеть подобную святыню только после смерти отца?

Разгадку особой значимости «восточного серебра» на урало-приобском Севере находим в верованиях местных племен. Металлические зеркала и блюда — непременная

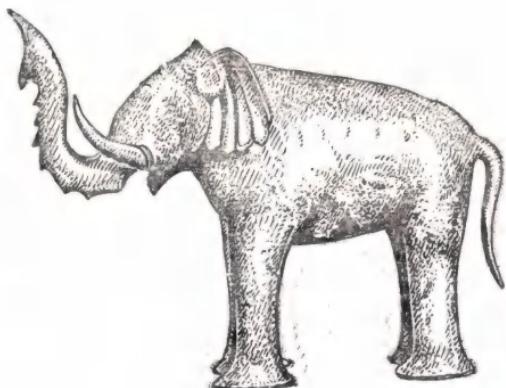
принадлежность космических культов, связанных с представлениями о мировом дереве и чудесном орле. Манси поклонялись висевшим на дереве блюдам с соскобленными поддонами — символам «немеркнувших светил»: солнца и луны.

«Чистый, светлый металл» (как называли манси серебро), постепенно накапливаемый на культовых местах, посвящали некоторым родовым духам. Только из металлической посуды разрешали есть мясо жертвенных животных. Ее хранили в тайном месте, не употребляя для других целей. Особенно чтили обские угры духа-хозяина — Мир-сусне-хума. Этот «за народом смотрящий человек» на белом крылатом коне, верили они, объезжает мир. Конь может спуститься на землю, лишь ступив на серебряные блюда. При вызове божественного всадника шаманы ставили у задней стены юрты четыре металлические тарелки. Непонятные сюжеты на привозных сосудах переосмысливали в духе местной мифологии: на одном из них усмотрели скору царя вод с духом грома, который пришел однажды на Обь из какой-то далекой южной страны.

На многих серебряных блюдах из Прикамья и Западной Сибири в IX—X вв. прочертили ножом рисунки: антропоморфные фигуры с саблями и в рогатых коронах движутся в священном танце, их окружают лоси, рыбы, птицы. Перед нами камлания шаманов — посредников между людьми и их духами-покровителями. Еще в прошлом веке подобные «идольские празднества» сохранялись у хантов Березовского края. От действий шаманов — существ с полузвериной, получеловеческой природой — зависел успех в охоте, рыбной ловле и других промыслах. Их изображения на блюдах, которые жертвовали «хозяевам тайги», были призваны заманивать зверя в ловушку или под удар охотника.

В сокровенных местах отдаленных лесов прятались капища, посвященные добрым или злым шайтанам. Ханты приносили идолам лучшие меха, стрелы, не раз убивавшие зверя, серебряные деньги, тарелки и блюда, «на сей предмет сделанные, с изображением на них шайтанчиков, птиц и зверей». Когда при Петре I к хантам проникли христианские миссионеры, в одном святилище еще стоял идол Ортик с серебряным лицом. Помощником Ортика выступал Мастер (или Мастерко) — вестник воли

Серебряная статуэтка слона с Сосьвы. Средняя Азия, VII—VIII вв. (?)

высших духов и божество здоровья. Его изображали в виде туго набитого большого мешка, к которому привязывали серебряную тарелку — «личину» кумира. По свидетельству К. Д. Носилова, посетившего манси в конце прошлого века, в капище покровителя охоты Чохрынь-ойка хранились чашечки, полные монет.

«Я схватил одну и стал ее рассматривать,— рассказывает Носилов.— Она была тонкой не русской работы, на дне ее были изображены драконы, какие-то чудовищные птицы и звери, что-то знакомое по Египту и Персии. Я спросил старика Сопра, что это, и он не колеблясь сказал мне, что это старинные чашечки из чистого серебра, которые еще от их дедов остались женщинам, как старинное, дорогое наследство»²¹.

«Чистый, светлый металл» на потаенных капищах идолопоклонников издавна привлекал чужеземных искателей добычи — от викингов до русских промышленников XVIII—XIX вв. Не страшась ни стражи, ни гнева туземных божеств, они обирали «идолов, по лесам расставленных», унося жертвенные меха и драгоценную утварь. Вот что рассказывает одна из скандинавских саг (в сборниках XIII в.) о походе братьев Карли, Гюнстейна и Торира Собаки в «Биармию»:

«...Пришли они на место, на большом пространстве свободное от деревьев, где была высокая деревянная ограда с запертой дверью; эту ограду охраняли каждую ночь шесть сторожей из местных жителей... Торир сказал: «На этом дворе есть курган, насыпанный из золота и серебра, смешанных с землей; к нему пусть отправля-

Изображения шаманов на ковше из «Коцкого городка» (низовье Оби), IX–X вв.

ются наши; на дворе стоит бог биармов, который называется Иомаль; пусть никто не осмеливается его ограбить». Затем, подойдя к кургану, собрали сколь можно больше денег, сложив их в свое платье... Потом Торир велел им уходить, отдав такое приказание: «Вы, братья Карли и Гюнстейн, идите вперед, а я пойду самым последним (и буду защищать отряд)»; после этих слов все отправились к воротам. Торир вернулся к Иомалю и похитил серебряную чашу, наполненную серебряными монетами, стоявшую у него на коленях»²².

Биармия скандинавских источников, куда плавали портманы, лежала где-то в пределах обширной зоны от побережья Белого моря до Приполярного Урала. Капища, сходные с биармийским, здесь не были редкостью. Обилие находок блюд (иногда с отверстиями для подвешивания)

на небольшой площади указывает на места святилищ, стертых с лица земли. Они располагались или вблизи жилых поселков, или в таежной глупши.

«Белые круглые дирхемы»

Арабская торговля вовлекала в свою орбиту не только племена северо-востока Европы. В нее втягивались восточные и западные славяне, народы Восточной Прибалтики и Скандинавии. Выходцы из Средней Азии, Персии и Ирака подчас добирались до туманного побережья Балтики, достигали Праги и венгерской равнины, хотя отлично знали, что путь сквозь «страну славян» нелегок — «по степям, по землям бездорожным, через ручьи и дремучие леса» (Ибн-Русте)²³. Опасности дальних маршрутов не останавливали и купцов-русов, которые с берегов Каспия привозили товары на верблюдах в Багдад. В этом «богоизбранном» городе они встречали соотечественников — переводчиков и военных наемников, служивших в гвардии халифа. Великий волжский путь связывал Восточную Европу с мусульманским миром: «Из этого же леса [Оковского] течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское (Каспийское. — В. Д.). Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток пройти в удел Сима...»²⁴ (т. е. в восточные страны от Бактрии и Индии до Сирии и Аравии).

В IX—X вв. преобладала не межобластная, а дальнняя торговля — «гостьба». Монетное серебро, драгоценную утварь, шелка и пряности Востока обменивали на рабов или продукты, собираемые в виде дани с зависимых смердов: пушину, мед, воск, лен, выделанные кожи — «телятин». Сосредоточенная в местах пересечения главных магистралей торговля предметами роскоши способствовала накоплению богатств в руках князя с его окружением и самих купцов. Стеклянную посуду Сирии и Египта, поливную керамику Рея и Самарканда находят при раскопках боярских усадеб Новгорода, Старой Рязани, Новогрудка. Импортные сосуды и украшения из бронзы и серебра, обнаруженные в курганах, сопровождали в «иной мир» вождей и дружинников.

Зато во всех слоях населения распространялись куфические монеты — дирхемы. От Дании и Швеции до При-

камья обнаруживают зарытые в землю клады этих тонких серебряных кружков диаметром 2—2,5 см. Надписи на обеих сторонах — это благочестивые изречения, имя правителя, место и год чеканки по хиджре. Название монет — «куфические» — происходит от названия шрифта — «куфи», созданного в городах Куфе и Басре.

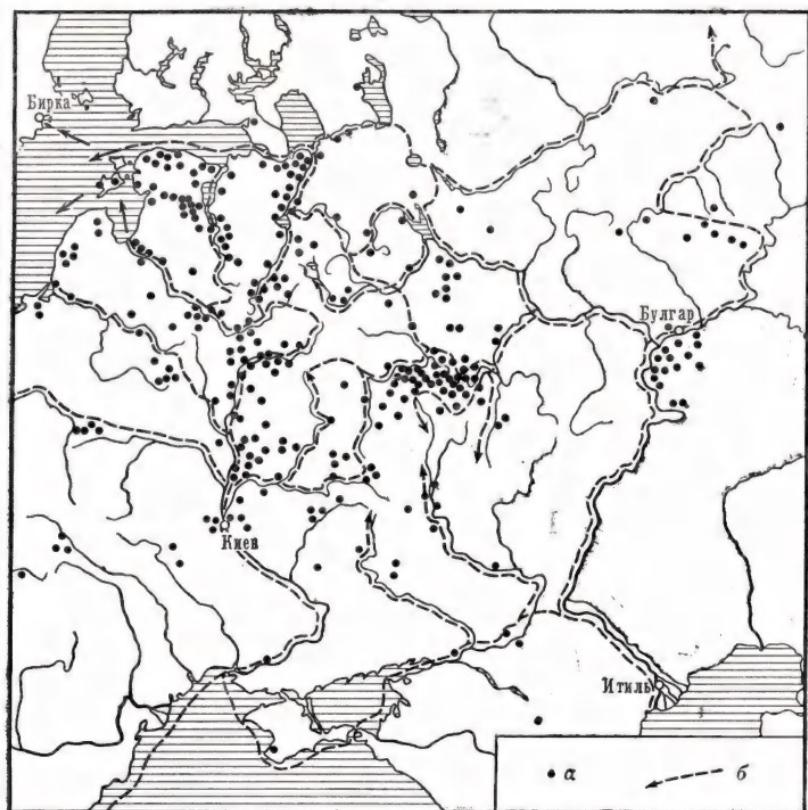
Если в кладах IX в. господствуют дирхемы иракской чеканки, то в кладах X в. преобладают монеты государства Саманидов — в то время самой могущественной державы на иранском востоке со столицей в Бухаре. Правившие в Хорасане и Мавераннахре Саманиды обеспечивали безопасность караванных трасс через Среднюю Азию. Проникновение на европейские рынки дало возможность этой династии наиболее выгодно сбывать серебро: «ходит у них [волжских булгар] одна куница за два дирхема с половиной, а белые, круглые дирхемы привозят из областей ислама, совершают на них сделки» (Ибн-Русте)²⁵.

Как доказали советские нумизматы, большинство кладов со славянских земель свидетельствует о местном денежном обращении.

Сравнительно крупные клады, спрятанные в городах, принадлежали зажиточным купцам или боярам. Клады небольших размеров, обнаруженные на сельских поселениях либо вблизи них, отражают экономические связи города с его сельскохозяйственной округой. Жители сел могли приобретать монеты и у бродячих торговцев, разносивших их по деревням и погостам (центрам сельских общин) — зародышам будущих ярмарок.

Находки дирхемов тяготеют к бассейнам больших и малых судоходных рек, вдоль которых располагались города и поселения. Скопления кладов наблюдаем в зонах концентрации оседлого населения и в центрах с широким размахом торговли — Ладоге, Новгороде, Киеве, Любече, Владимире-на-Клязьме. Они сосредоточены и в районах волоков, где местные жители, извлекая доход из перевозки грузов, предоставляли инвентарь для передвижения ладей посуху. Волоки контролировались военными гарнизонами. Время от времени здесь собирались международные торжища под наблюдением представителей княжеской администрации — «волочных тивунов».

Из Волжской Булгарии парусные караваны везли монетное серебро вверх по Волге и ее притокам. От Булгара начинался маршрут к Киеву (Куябе), из которого, как ут-

Клады куфических монет в Восточной Европе:

а — клады; *б* — пути сообщения

верждали арабские географы, вывозили меха и ценные мечи. Через Крым и причерноморские степи шел товарообмен между Киевом и Закавказьем. «И доходят мусульманские купцы из Армении до Куюбы» (Идриси)²⁶. На территории древнего Киева археологи обнаружили кости верблюда.

Путь на Готланд, Аландские острова, в Швецию, Польское Поморье (с центром в Волине) и Данию шел через Ладогу, Ладожское озеро, Неву и Финский залив. Садко плавал именно по этому маршруту:

А й поехал торговать купец богатый новгородский,
А й как на своих на черных на караблях.
А поехал он да по Волхову,

А ѿ Волхова он во Ладожско,
А со Ладожского выплывал да во Неву реку,
А ѿ как со Невы реки как выехал на синё морё ²⁷.

С Западной Двины проникали в «землю варягов» и в верховья Днепра. Гнездовский комплекс под Смоленском, который включает городище, обширное поселение и курганный могильник,— ключевой пункт на днепро-двинской артерии (пять кладов дирхемов). В Гнездове гостеприимно встречали купеческие караваны, в поселке оседал разноэтничный торгово-ремесленный люд. Кроме славян и уроженцев Восточной Прибалтики, здесь бывали норманнские дружиинники, называвшие Русь Гардарики. Их охотно принимали на воинскую службу и князья Киева, и константинопольские василевсы. «Кольскетт крестился в Дании, но там ему пришлось не по душе, и он отправился на восток, в Гардарики, и пробыл там зиму. Оттуда он поехал в Миклагард (Константинополь.— В. Д.) и вступил там в варяжскую дружибу. Последнее, что о нем слышали, было, что он там женился, был предводителем варяжской дружины и оставался там до самой смерти» («Сага о Ньяле») ²⁸.

Главные восточноевропейские пути сообщения входили в систему трансконтинентальных магистралей. Эти суходутные и водные коммуникации соединяли Западную Европу с отдаленными странами Азии. Ибн-Хордадбех привел маршрут еврейских купцов, ездавших «с востока на запад и с запада на восток». Их путь лежал «за Рум», в страну славян и в хазарскую столицу. Отсюда по Джурджанскому (Каспийскому) морю они добирались до Балха, Мавераннахра, кочевий тогуз-гузов и Китая. Этот маршрут — часть мировой трассы, протянувшейся от Северной Африки и Испании до Китая (Барселона—Тудела — Нарбонн — Лион — Верден — Майнц — Регенсбург, затем по Дунаю через Венгрию и Галич или через Прагу, Krakow и Владимир-Волынский — к Киеву). Из Киева, минуя кочевнические степи Причерноморья, следовали в Волжскую Булгарию, спускались по Волге — «главной дороге серебра» — и плыли вдоль кавказского и персидского побережья Каспия. Из Рея проникали в глубь Азиатского континента, минуя Балх и Согдиану. При желании из этого города можно было вернуться на запад через Багдад и Восточное Средиземноморье.

IX—X столетия вызвали к жизни характерную фигуру купца, который в зависимости от обстоятельств легко превращался в профессионального воина или в алчного и безжалостного грабителя. Судя по курганным погребениям Руси и Скандинавии, его атрибутами служили не только миниатюрные весы с гирьками для взвешивания серебра, но и меч, боевой топор или копье. Мужественный и грубый облик этих торговых людей, привыкших клясться «бортом лады и краем щита, конским хребтом и сталью меча», рисуют исландские саги: «Викинги стали стрелять в них, и начался бой. Торговые люди храбро защищались. Снекольв бросился на Олава и проткнул его своим копьем. Гrim с такой силой ударил Снекольва копьем, что тот упал за борт. Тут Хельги встал рядом с Гримом, и они прогнали с корабля всех викингов» («Сага о Ньяле»)²⁹. Купцы, посещавшие Константинополь — и норманны, и русские,— были вынуждены входить в город «без оружья». Договоры Руси с греками уделяли особое внимание убийствам, кровопролитным дракам и ссорам, возникавшим на улицах византийской столицы между ее жителями и пришельцами.

Отряды воинов-купцов, постоянно странствуя по морю на кораблях, совершали походы в отдаленные земли, нападали на каждое встречное судно и грабили его. Богатства, захваченные в таких походах,— свидетельства доблести и удачи вождя с его сподвижниками — служили важным средством сплочения дружиинников.

В опасный путь отправлялись купцы, их дети, родственники и слуги, все вооруженные. В честь этих людей, часто погибавших на чужбине, насыпали мемориальные курганы-кенотафы. Подчас в роли торговцев выступали сами военные предводители или рядовые дружиинники: «Одного человека звали Торир Ездок в Англию. Он много торговал и подолгу плавал в разные страны и привозил конунгу сокровища. Торир был дружиинником Харальда конунга...» («О Халльдоре, сыне Снорри»)³⁰.

С транзитной торговлей купеческих дружиин можно связать необычайно крупные клады дирхемов, насчитывавшие свыше 10 тыс. монет весом до 100 кг. Они найдены на главных коммуникациях от Булгара к Балтике — в Муроме, Великих Луках, устье Волхова. Скорее всего

«клады-гиганты» принадлежали купцам, которые, предпринимая столь далекую поездку, готовились к обмену в большом масштабе. О степени концентрации дирхемов в их руках дает представление рассказа Ибн-Фадлана: рус, владевший десятью тысячами дирхемов,правлял своей жене один ряд мониста; после каждого десяти тысяч накопленных монет он прибавлял по одному ряду: «И бывает, что иная женщина будто бы имеет на шее одновременно десять монист [и даже] более»³¹. Чтобы не рисковать в дороге всей суммой, владелец зарывал часть капитала, запоминая место. Не каждому удавалось вернуться за спрятанным богатством, и его много веков хранила земля. Некоторые клады находят в среднеазиатских металлических кувшинах,— видимо, они принадлежали чужеземным торговцам.

Из-за сложности преодоления огромных расстояний преобладали не прямые транзитные связи Северной Европы с Востоком, а торговля по этапам. Караваны совершили путешествия в пределах ограниченных отрезков — от одного местного рынка к другому. Коммерческие сделки заключали в промежуточных центрах, где встречались деловые люди — булгары, хазары, славяне, скандинавы и евреи.

Посредниками в торговле с Восточной Европой выступали Хорезм, города Южного Прикаспия и Хазарский каганат, где монетное серебро и художественный импорт неоднократно меняли владельцев.

Хорезмийцы «более всех жителей Хорасана рассеяны (по чужим местам) и более всех путешествуют; в Хорасане нет большого города, в котором не было бы большого числа жителей Хорезма», — писал арабский географ Истахри³². В торговой части Итиля — Хазаране — проживало свыше 10 тыс. мусульман, из них вербовали войско хазарского царя, хорезмийские воины и чиновники служили венгерскому королю. Хорезм контролировал товарооборот Саманидов с Восточной Европой и тюркскими кочевниками: главный город страны Кят называли «воротами в Туркестан гузский, складочным местом товаров тюрок, Туркестана, Мавераннахра и области хазар, местом стечения купцов». Через Оттар, Тараз и Баласагун отсюда вели пути в Монголию и Китай. Хорезмийские чаши находят в уральских кладах. Даже византийская серебряная посуда VI—VII вв., проделав громадный путь,

попадала в Прикамье через Хорезм. Об этом говорят врезанные хорезмийские надписи на блюдах, исполненных ювелирами Константиноцоля. С севера на берега Амударьи доставляли рабов и отборные меха, добытые в «областиах русов, булгар и Киева». Торговля велась интенсивно «по причине частого проникновения хорезмийцев в Булгар и к славянам» (Ибн-Хаукалъ).

В прикаспийские провинции Ирана — Табаристан и Джурджан с крупными портами Амолем и Абескуном — стекались купцы из Ирака, Сирии, Хорасана и Индии. Отсюда вдоль берегов Каспия их суда плыли в Итиль. В обратном направлении из Джурджана в Рей — «торговый центр мира» — поступали товары русов. Этот многоязычный город с его оживленными базарами, бесчисленными лавками, вместительными складами и караван-сарами торговал с Арменией и Азербайджаном, Хорасаном и Хазарией. С XII в. из Рея в русские города поставляли посуду с надглазурной росписью люстром³³, которая радовала глаз своим золотистым с металлическим отблеском узором.

Посредниками в связях Руси со Средним Востоком выступали волжские булгары, а восточная торговля Скандинавии шла через русские земли. Норвежский мореход одной исландской саги так часто ездил на Русь, что его прозвали «Гудлейк Русский». Однажды он закупил в Новгороде (Хольмгарде) для норвежского короля Олафа «драгоценные товары, которые трудно достать здесь в стране»: парадные облачения, «меха величайшей ценности» и столовую утварь. После пребывания в Киеве другой скандинав Олаф Трюгвассон привез в Норвегию кипы шелка на шести кораблях.

В пределах Швеции восточный импорт сконцентрирован в Бирке (находилась у озера Меларен в 30 км от Стокгольма) и на острове Готланде. В эпоху викингов к причалам трех гаваней Бирки приставали корабли из Новгорода и Дании, Фрисландии и Англии. Море связывало ее с северными районами Швеции, Готландом, Хедебю (торговый центр викингов на полуострове Ютландия) и городами Польского Поморья. Облик этого портового «города-путешественника» воссоздан благодаря длительным раскопкам шведских археологов. Вскрыты остатки домов, часть оборонительного вала, насыпанного из камней и земли. В погребениях огромного городского некро-

поля найдены дирхемы, стеклянные сосуды Египта и Ирака, восточные серебряные украшения и «глазчатые» бусы, фрагмент китайской шелковой ткани.

Волшебные камни

В поэме «Руодлиб» (XI в.) рассказано о том, как король дарит герою великолепные украшения с самоцветами:

Пряжкой роскошною царской еще был дополнен подарок...
На середине ее орел вздымал свои крылья,
Шар из кристалла прозрачный он в клюве держал, а в кристалле
Три малюсеньких птички, казалось, летали кругами...
Несколько пряжек король прибавил, более легких:
Вставлено было и в них немало камней драгоценных
Разных цветов — и сверкали они, как звезды на небе...
Дважды восемь сережек висячих туда же добавил:
Первые пары четыре усыпаны были камнями,
Ярко сверкали на них аметист и берилл драгоценный...
Тридцать колец изготовить король приказал напоследок,
Чистое золото взять — и самого высшего рода.
Каждый перстень велел драгоценным камнем украсить,
Вставив в него лигуруин, гиацинт с бериллом прекрасным³⁴.

Изделия из восточных самоцветов знали во всех углах Европы. И христиане, и мусульмане твердо верили: камни защищают человека от «порчи», приносят ему счастье, здоровье, богатство, влияют на его будущее. Амулеты из драгоценных камней, подобранных к месяцу рождения и связанному с ним зодиакальному знаку, предохраняли от всяческого зла. Средневековые книги о камнях — лапидарии — полны поверий о магических свойствах самоцветов.

Торговца драгоценными и полудрагоценными камнями, тонкого знатока их цен и качеств — сирийца, армянина или иранца — можно было повстречать и в Булгаре на Волге, и во Франции. «В Ланьи, Баре и Прованс есть торговцы вином, хлебом, солью, селедкой, шелком, золотом, серебром и драгоценными камнями», — говорится в старофранцузском фаблио³⁵. У двух братьев из Рей, крупных торговцев самоцветами, Бируни почерпнул редкостные сведения о местах добычи и обработки камней, о том, как их определять по твердости, цвету и весу,

о дальней транспортировке их. Его трактат «Собрание сведений для познания драгоценностей» («Минералогия») — обширный свод минералогических знаний Средневековья.

Ибн-Фадлан упомянул о каких-то зеленых бусинах: их привозили к русам на кораблях и продавали за дирхем каждую. Русы составляли из них ожерелья для своих жен. С XI в. через Среднюю Азию к восточным славянам в огромных количествах поступали бусы из оранжевого, просвечивающего на солнце сердолика и фиолетового аметиста. В кургане Тимеревского могильника под Ярославлем погребенного сопровождала сердоликовая печатка с арабской надписью «благодать от Аллаха».

Согласно Бируни, копи сердолика — плотной полупрозрачной разновидности халцедона — разрабатывали в Индии и Йемене (город Саны). С бронзового века в Средней Азии это излюбленный поделочный камень для бус. Грузинский поэт Иоанн Шавтели (XII в.) писал о хорезмийском сердолике:

Ты украсил, свыше вдохновленный,
Хорезмийским сердоликом троны.
Сооружены из райских сосен
Во дворце опорные колонны³⁶.

Сердоликовые бусы, известные в Хорезме с раннего Средневековья, во множестве вывозили на север. Верили, что сердолик прогоняет злых духов и предохраняет от злой врагов. Пророку Мухаммеду приписывают слова: «Кто носит в перстне сердолик, тот непрестанно пребывает в благоденствии и радости». Армянский медик XII в. Мехитар Гераци писал о нем: «Натура его, когда кто-либо держит его при себе, оказывает успокаивающее и усмиряющее действие. Другое его свойство заключается в том, что он приносит пользу мужчине или женщине, страдающим кровотечением»³⁷. Бусы из этого «солнечно-го камня» служили не только украшением, но и чудесным оберегом.

Вместе с сердоликовыми на Русь доставляли бусы из горного хрустала — прозрачной разновидности кварца. Чертежование в ожерелье сердоликовых бипирамидальных бусин и хрустальных шаровидных характерно для женского убора племени вятичей, жившего по Оке. В обработанном или необработанном виде горный хрусталь проделывал

необычайно сложный путь: от джунглей Мадагаскара и пустынь Аравии до Среднего Поднепровья и гранитных побережий Швеции, где в одном из погребений викингов нашли двояковыпуклую хрустальную линзу. Хрусталь с «островов зинджея» (Коморские острова, Занзибар и Мадагаскар), где крупные кристаллы кварца в изобилии собирали прямо на поверхности земли, арабские мореходы вывозили в Ирак и Восточную Африку. Ценили и «бедуинский» сорт хрустала, куски которого находили в Аравийской пустыне. Как искусные резчики по этому чрезвычайно твердому камню славились мастера Басры и фатimidского Египта. Выточенные ими изящные сосуды с тонким орнаментом пользовались спросом в «стране франков», попадая в замки и аббатства Западной Европы. Хрусталю из «страны зинджея» по чистоте уступал кашмирский, из которого вытачивали чаши, шахматные фигуры, пешки для игры в нарды и бусы «величиной с лесной орех».

Что касается происхождения аметистовых бус, то одно из месторождений этой фиолетовой разновидности кварца разрабатывали в трех днях пути от «города пророка» — Медины, другое — в южном Таджикистане. По распространенному поверью, аметист предотвращал болезни желудка.

Лазурит — ярко-синий минерал с золотистыми вкраплениями кристалликов пирита — любили сравнивать с усеянным звездами небосводом. Этот камень «вечного неба» якобы облегчал дыхание, укреплял зрение, исцелял от эпилепсии. Из знаменитых горных выработок Бадахшана в Афганистане его доставляли в Хорасан, Ирак и Византию. Греческие камнерезы изготавливали лазуритовые нательные крестики, которые «обеспечивали» их носителю покровительство «небесных сил». Такие крестики в золотой оправе недавно обнаружили в тайнике под зданием Патриаршего дворца в Московском Кремле. Антропоморфные подвески-амулеты из лазурита часто встречаются при раскопках половецких курганов.

Еще в 1807 г. близ города Кашира Тульской губернии крестьянин выкопал клад, весивший свыше трех фунтов. Кроме серебряных украшений и куфических монет, в нем обнаружили перстень с изумрудом. Кошки этого красивого зеленого камня, ценившегося иногда дороже алмаза, разрабатывали в Египте. В Индию «изумруд ... привозили из

Египта в виде вставок в перстни, спрятанным в гнездах под кораллом или малахитом; затем их [коралл или малахит] отбивали с него [перстня], а его [изумруд] оставляли»³⁸. Изумруду приписывали сверхъестественную силу: при взгляде на него у ядовитых змей вытекают глаза. Ложность этого суеверия показал пытливый Бируни: «Но несмотря на единогласие рассказчиков, истинность этого не подтверждается опытом. Я провел так много испытаний, что больше этого невозможно: я опоясывал змею изумрудным ожерельем, сыпал изумруды на дно корзины со змеей, размахивал перед ними нанизанными на нитку изумрудами... на глаза же ее это не произвело никакого влияния, если не усилило остроту ее зрения»³⁹.

В одном из гнездовских курганов с трупосожжением был найден иранский бронзовый светильник в виде женской головы. В сквозное отверстие в носу женщины вставлен шарик бирюзы. Крупные разработки этого нежно-голубого с матовым блеском камня велись возле Нипшапура в Хорасане. Из Персии бирюзу вывозили «во все окраины мира». Из-за «приятности и сладостности» цвета мусульмане почитали ее самым благородным — «небесным» камнем. «Бирюза — kostи тех людей, которые умерли от любви», — гласит персидское поверье. Бируни называл ее «камнем победы», камнем «от сглаза» и «камнем сана». Замечательный талисман укреплял сердце и предохранял от ударов молнии. Если носивший бирюзу видел новую луну, это знаменовало благополучие в наступающем месяце. Изразцовые узоры мусульманской архитектуры как бы впитали всю любовь к бирюзовому цвету на средневековом Востоке.

Глава 4

ПОСОХ И СУМА¹

В Булонь и в Бари, в Кельн, в Сант-Яго, в Рим
И трижды в град святой — Иерусалим —
Ходила на поклон святым мощам,
Чтобы утешиться от горя там.

Джорджи Чосер

В своих мемуарах Сергей Львович Толстой вспоминал: «В 60-х и 70-х годах по шоссе (Киевскому у Ясной Поляны. — В. Д.) шло особенно много богоольцев и богомолок — в Киев, Соловки, Троицкую лавру, к Тихону Задонскому, в Оптину Пустынь, в Старый Иерусалим и т. д. и обратно... Люди ходили на богомолье по разным причинам: кому плохо жилось дома, кому хотелось повидать божий мир, кто шел потому, что паломничество уважалось, и т. д. Богомольцы и богомолки шли ровным и медленным шагом верст по 30 в день, с котомками и узлами за спиной, в мягких чунях и обмотках; они шли обыкновенно по нескольку человек вместе, питались большей частью подаянием, почевали где придется, редко мылись и редко меняли белье.

Проходя большие расстояния и встречаясь с многими людьми, богомольцы распространяли народную поэзию, пословицы, сказки, легенды, влияли на народное воззрение и разносили разные слухи.

Отец говорил, что рассказы странников заменяют народу литературу и даже газету. Он любил разговаривать с прохожими, идя по пути с ними или присев на краю дороги»¹.

«Хождения» прошлого века немногим отличались от паломничеств Средневековья — эпохи расцвета «божьих странничеств». Благословляя путника в нелегкий путь, священник вручал ему сумму и посох — «утешение и знак странника». «Сибран Шабо, собираясь идти в Иерусалим, перед лицом господа и у мощей его святых приемлет посох

и мешок в церкви святого Николая»². Пилигримы из разных стран — «благородные и простые, богатые и бедные, миряне и клирики, мужчины и женщины» — то под дождем, то под солнцем брели по пыльным дорогам, проходили заснеженные перевалы, преодолевали вброд стремительные потоки, переплывали на кораблях бурные моря. Все их достояние — плащ с капюшоном, укрывавший странника от дождя, ветра и ночного холода, мех с вином или водой, сумка, в которой лежали хлеб и несколько луковиц, да посох, вырезанный из дуба.

Задумчиво идете, пилигримы,
И в ваших мыслях чужды края.
Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы³.

Данте

Какая сила снимала этих скитальцев с насиженных мест, заставляя баронов закладывать свои имения, ремесленников — свои мастерские, а бедняков, которым пропадать было нечего, пускаться в странствие наудачу и гибнуть в пути от голода, болезней и «сурою яности диких народов»? В моменты общественных потрясений — во время первого крестового похода или в критический 1000-й год, когда Европа в великом смятении ожидала наступления «страшного суда», толпы богомольцев достигали десятков тысяч человек. Отправляясь в Рим или Иерусалим, они отказывались от многого. Выслушав страстную проповедь, бросали привычные дела и тепло домашнего очага, уходили прямо с полей, не допахав борозды. Ничто не могло отвратить этих людей от поставленной цели. Что влекло их в неведомую даль? Жажда новых впечатлений или суетное желание украсить алтарь своей скромной приходской церкви пальмовой ветвью из долины Иерихона и фиалом с иорданской водой?

Благочестивые путешествия

В знаменитой сцене «Страшного суда» на портале собора Сен Лазар в Отэне (Бургундия) скульптор XII в. изваял процессию праведников, восстающих из гробов. Среди них два паломника с посохами и кожаными сумками, украшенными крестом — эмблемой Иерусалима — и ракови-

ной — атрибутом св. Иакова Компостельского. Над шестицем избранных, которых спасло религиозное рвение, вырезана надпись: «Так воскреснет тот, кто не вел безбожную жизнь».

Паломническое движение — одно из сильнейших проявлений набожности в эпоху, когда религиозная экзальтация выбрасывала на дороги тысячи людей. Посетивших «святые места», соприкоснувшись с «подлинными» следами «горнего» мира ожидали отпущение грехов и самая драгоценная награда — вечное блаженство на небесах. «Странствия господа ради» символически расценивались как духовный путь ко всемышленому.

Паломничество в средние века — удел многих и многих несчастных и отчаявшихся людей, их последняя надежда на перемену, к лучшему. Это не развлекательная прогулка, а суровый труд и долг, который требовал крайнего напряжения воли и сил. Даже для таких закаленных смельчаков-мореплавателей, как жители Исландии, хождение было тяжким испытанием:

«Аудун говорит:

— Я хочу совершить паломничество в Рим.
— Если бы не такое хорошее дело ты задумал, — говорит конунг,
— то мне было бы не по душе, что ты хочешь уйти от меня.

И вот конунг дал ему много серебра, и Аудун отправился в Рим с паломниками...

Аудун шел своим путем, пока не пришел на юг, в Рим. Побыв там, сколько ему захотелось, отправляется он обратно. Тут напала на него жестокая хворь. Отощал он страшно. Вышли тогда и все деньги, которые конунг дал ему в дорогу. Стал он побираться и просить на пропитание. Голова у него бритая и вид довольно жалкий.

Аудун попадает в Данию на пасху и прямо туда, где был тогда конунг... Но, увидев конунга и его разряженную дружицу, он не посмел показаться ему на глаза. Конунг прошел пировать в палаты, а Аудун ел на улице, как то в обычай паломников, пока они еще не бросили посох и котомку» («Об Аудуне с Западных Фьордов»)⁴.

Даже близкие с трудом узнавали в изможденном пришельце, покрытом пылью, босом и в лохмотьях, того, кто несколько лет назад отправился на поклон дальним святыням.

Поистине «крестным путем» можно назвать путешествие в «святую землю». В 1102 г. по гористой дороге из Яффы в Иерусалим прошел англосакс Зеевульф: «Бесчис-

ленное количество человеческих тел, совершенно растерзанных дикими зверями, лежат на дороге и возле дороги... Действительно, на этой дороге погибают не только бедные и слабые, но даже богатые и сильные: многие убиваются сарацинами, многие умирают от жары и жажды, многие от недостатка питания, многие от того, что пьют слишком много»⁵.

Но путников вела искренняя вера, что у могил христианских святых больные и калеки найдут исцеление, а горемычные — счастливую долю. Паломничеством искупали тяжкий грех, чаще всего против церкви. Кающиеся шли в черной одежде, на железном браслете, в который была закована левая рука, позванивал кусок цепи. Этих встречали настороженно: кто мог знать, груз каких преступлений они несли в дальние края?

«Странствия притягивали людей самых разных. Среди паломников мы встретим и высокообразованного, обладающего писательским дарованием монаха, и дипломата, внимательного к обычаям и нравам соседней земли, и купца, который устремляется в путь, чтобы замолить грехи бесшабашной своей и невоздержанной молодости, и крестьянина, что возвращается на родину едва ли не с единственной реликвией — выстираний в Иордане рубахой: теперь он будет хранить ее в сундуке до смертного часа и завещает родственникам, чтобы в домовину его положили именно в ней»⁶.

Церковь предоставляла паломникам разные льготы, освобождала их от долговых обязательств, предписывала давать им пищу и кров.

Паломники пользовались правом свободного прохода через разные страны, они не платили дорожных пошлин и имели много других привилегий. Именем «божьих странников», охраняемых церковным законом, было выгодно прикрыться многим «в пути сущим». В одеяния пилигримов рядились своеокрыстные торговцы, послы, отправленные с тайным поручением, праздные бродяги, живущие попрошайничеством и мелким воровством, или люди, которые оказались не в ладах с законом и спасались от суда. Уже на исходе Средневековья к ним присоединились и пытливые путешественники, желавшие увидеть свет. Безусловно поощряли только благочестивую цель. Гонорий Августодунский (XII в.) в труде «Elucidarium» наставлял: тот, кто решается на паломничество из-за любознательности или суеты, «извлекает из него только ту

пользу, что осматривает приятные места и красивые здания или приобретает тщетную известность, которой жаждал». Лишь паломничество в целях покаяния заслуживает признания в глазах автора.

«Ромеи» и «пальмоносцы»

Каковы бы ни были побудительные мотивы страннической тяги, они не должны заслонять главного: паломничества помогали обществу лучше понять окружающий мир, раздвигали его границы, открывали новые горизонты. Это — важное культурное явление эпохи. Вопреки тяжелым войнам с персами, арабами, а позднее с турками, несмотря на занятие мусульманами обширных областей Средиземноморья, безвестные пилигримы поддерживали связи между христианами Запада и Востока. Социальные масштабы паломнических передвижений возросли в период оживления общественной жизни в XI—XII вв. Они содействовали географическому познанию Земли и освоению слабо заселенных пространств.

Паломническая литература, особенно путеводители-итinerарии, заключает ценные сведения о путях и городах Средневековья.

Иногда пилигримы прокладывали новые маршруты, а их одиссеи растягивались на годы, порой на всю жизнь. Выходцы из Скандинавии, изучившие морской путь в Средиземноморье, плавали в Рим и Иерусалим через Гибралтар. Путешественники Запада не ограничивались посещением «святой земли», а уроженцев Востока притягивал не только Рим с его реликвиями апостолов. Они шли от города к городу, от обители к обители, переходили с одного материка на другой. К сожалению, о далеких паломнических экспедициях известно только из кратких и отрывочных упоминаний.

Вот некоторые из них:

галльский епископ Аркульф, о котором рассказал Беда Достопочтенный, «ходил на поклонение ко святым местам в Иерусалим и, обойдя всю святую землю, побывал еще в Дамаске и Константинополе, а также в Александрии и на многих островах в море»⁷;

в 721 г. некий Виллибард отправился в путь и провел в скитаниях 10 лет. Из Южной Англии он пошел в Руан, пересек

Францию и Альпы, посетил Неаполь, Самос и Кипр и прожил четыре года в Палестине. На родину он вернулся через Малую Азию и морем;

в IX в. рыцарь Фромон из Западнофранкского королевства отправился с двумя братьями по «святым местам», чтобы искупить преступление. Кроме Рима и Иерусалима, они побывали в Карфагене, Египте, Армении, Анатолии, на горе Синай и побережье Красного моря;

Адам Бременский мимоходом сообщил, что в его время один монах трижды совершил паломничество в Иерусалим, а однажды добрался до Дувречья;

в X в. монахи с горы Синай предприняли путешествие в Нормандию;

на рубеже X—XI вв. армянский монах Симеон из Иерусалима отправился в Рим, Испанию (Сант-Яго-де-Компостелла), Англию, затем посетил Тур и, наконец, удалился в монастырь возле Мантуи.

Для передвижений богомольцев восстанавливают старые и пролагают новые дороги и тропы. Вдоль них монашеские братства строят странноприимные дома — гостиницы. Здесь по стародавнему паломническому обычаяу путники могли омыть натруженные ноги, тут их кормили, снабжали провизией на дорогу и предоставляли ночлег. На капителях портала гостиницы около собора в Ле-Пюи (Овернь) изображен пилигрим: он получает хлеб и затем располагается на отдых. В глухих труднодоступных местах, у мостов, в деревнях предприимчивые люди строят постоянные дворы, лазареты и трактиры. Монастырские святыни, куда регулярно стекались потоки верующих всех рангов, превращаются в центры притяжения для окрестных поселений. Не случайно некоторые святилища предшествовали ярмаркам, например гробница св. Дионисия под Парижем.

Паломники — организаторы первой европейской «почты»: богобоязненному страннику спокойно доверяли посылку или письмо. Пилигримы переносили с юга на север и с востока на запад сказания и песни, разнообразные сведения и слухи или выдаваемые за сущую правду рассказы о чудесах. Занимателыми историями этих бывальных людей заслушивались и в рыцарских замках, и в придорожных кабачках. Одних волновали повествования о чужедальних землях, звали за моря. Более трезвые осу-

ждали «бездельников блаженных»:

Когда ж из странствий возвратятся,
Каких понарасскажут небылиц!
Я слышал тех, что у святынь бывали:
Что ни рассказ, то лжи нагроможденье,
И с ложью, видно, съялся их язык! ⁸

Вильям Ленгленд

Данте писал в «Новой Жизни»: «Следует знать, что существует три названия для тех людей, которые путешествуют для служения всевышнему: они называются пальмоносцами, так как они отправляются в заморские пределы и часто приносят оттуда пальмовые ветви; они называются «пилигримами», когда идут в Галисию, так как гробница св. Иакова находится дальше от его отечества, чем усыпальницы других апостолов; они называются «ромеями», направляясь в Рим...» ⁹.

Прибывшие из Рима рассказывали о папском городе, где при нечестивом Нероне погибли за веру апостолы Петр и Павел: о темных коридорах катакомб, где покоялись мозги раннехристианских мучеников, о вмещавших бесчисленные толпы базиликах с их стройными колоннадами, наборными полами из цветного камня и золотыми мозаиками, о превращенном в крепость Колизее — месте мученичества многих подвижников, преданных смерти языческими цезарями, о светозарном куполе Пантеона, преобразованного в храм Санта Мария деи Мартири. По достопримечательностям центра католической церкви составляли путеводители, к примеру «Mirabilia Urbis Rotae» каноника Бенуа. Велико было стремление побывать в «вечном городе», откуда часто уже не возвращались: «Бъярни уехал из Исландии, и предпринял паломничество в Рим, и в пути умер. Он покоятся в городе, который называется Валери. Это большой город неподалеку от Рима» («Сага о Торстейне Битом») ¹⁰.

Особенно приветливо встречали пальмоносцев: еще бы, они побывали за морем, видели долы Галилеи и холмы иудейские, посетили памятные места «священной истории» и принесли на родину в знак своего подвига пальмовую ветвь Палестины!

В IX в. на северо-западе Испании появилось третье святилище огромной притягательной силы, которое затмило славу большинства европейских центров паломничества.

Иаков Компостельский — покровитель пилигримов

В большом сводчатом зале новгородской Грановитой палаты, где во времена заката феодальной республики на Волхове заседал «Совет господ», развернута экспозиция древнерусского прикладного искусства. В одной из витрин можно увидеть нагрудную иконку с образом из гагата — блестящей разновидности ископаемого угля. В центре композиции фигура святого в апостольской тоге, с кубком (?) в правой руке. По сторонам нимба вырезано его имя: S IAC-OB. По бокам от Иакова — двое коленопреклоненных паломников в длинных рубахах и шляпах с широкими полями. В руках странников посохи с круглыми набалдашниками.

Со всей Европы бесчисленные вереницы богомольцев стекались в монастырь Сант Яго де Компостелла в глубине Галисии. В соборе этой «христианской мекки» хранились мощи апостола Иакова Заведеева (так называемого Иакова Старшего). По испанской легенде, он совершил миссионерское путешествие в Испанию для проповеди евангелия. После казни апостола в Иерусалиме тело мученика приплыло к берегам Галисии в лодке, ведомой ангелом. Церковь провозгласила святого защитником христианских государств Северной Испании в их священной войне с маврами. С IX в. начали почитать погребение римского времени, открытые в мраморном саркофаге у городка Компостеллы. Позднее на основе сфабрикованных документов его официально объявили могилой св. Иакова. В XI—XII вв. локальный культ этого патрона всей Испании (где ему посвящено несколько сот церквей) стал международным. Его поддерживало папство, которое видело в Испании союзника в борьбе с германскими императорами. Его поощряла и могущественная монастырская конгрегация Клюни: приношения пилигримов помогали строить и украшать клюнийские храмы.

Иакова Компостельского, который совершил дальнее странствие, считали покровителем паломников. В искусстве он предстает то в образе путника в украшенной ракушками шляпе, с посохом и сумой, то как апостол в тоге и со свитком среди поклоняющихся богомольцев. Из уст в уста передавали рассказы о чудесах, творимых святым. Однажды некоего князя конь понес в открытое море. Но благодаря вмешательству Иакова он невредимым вышел из волн, весь покрытый ракушками. Изображения рако-

вин — эмблема святого и отличительный знак пилигримов — украшали постройки вдоль всей трассы в Галисию. В другой раз апостол спас юношу, которого повесили на пути в Компостеллу по ложному обвинению в воровстве. Когда 36 дней спустя безутешные родители возвращались из Компостеллы, они нашли своего сына еще живым на виселице: его тело поддержал сам признательный святой. Эпизод чудесного избавления невинного изображали на алтарях и витражах. Из «Золотой легенды»¹¹ читатель узнавал еще об одном чуде. Некий француз, спасаясь во время опустошительной эпидемии, шел на поклонение к Иакову с женой и сыновьями. В городе Памплоне его жена умерла, а хозяин постоянного двора отобрал деньги бедняка и кобылу, на которой тот вез своих детей. Паломник упрямо продолжал путь, взяв двоих сыновей на плечи, а третьего ведя за руку. Неизвестный прохожий сжался над несчастным и подарил ему осла. Благодетелем оказался сам Иаков, явившийся страннику в Компостелле. Иаков — духовный вдохновитель реконкисты — покровительствовал и рыцарям в крестовых походах за Пиренеи. Рассказывали, что апостол на белом коне появлялся во главе крестоносных ополчений, поражая неверных. Таков он в испанской скульптуре: конный воин и убийца мавров. Иакова чтили и как врачаевателя.

Подобно евангельским волхвам, ведомым звездой, паломники, кочевавшие из Франции в Испанию, ориентировались по Млечному пути — «Дороге святого Иакова». Согласно народному поверью, святой начертал его в небе, чтобы указать направление Карлу Великому в походе против сарацин. Из Франции в Компостеллу (*Campus Stellae* — «место, обозначенное звездами») вели четыре дороги, сливающиеся в Памплоне. Они подробно описаны во французском итinerарии XII в. В этом путеводителе паломники находили полезные сведения о том, сколько требуется денег для путешествия, какие реки они пересекут и где вода пригодна для питья, информацию о климате, обычаях и нравах местных жителей, о художественных богатствах лежащих на их пути церквей, многие из которых ныне утрачены. Автор дорожника поносит сборщиков пошлин и лодочников, которые обирали пилигримов, порицает церковные организации, необоснованно претендовавшие на реликвии — монополию паломнических церквей.

Эти древние локальные очаги культа со своими святынями охватывала сеть издавна проложенных трактов. На главной (Тулузской) дороге к Пиренеям лежали крупные центры паломничества Прованса — места почитания галльских христиан, пострадавших в период гонений III — начала IV в.

В Арле пилигримы посещали останки св. Трофима, чтобы испросить у этого мученика прощение и заступничество. Скульптура портала церкви Сен Трофим (XII в.) внушала благоговение и страх: приходящие падали ниц перед суровым Христом-судией, испытывали трепет при виде мучений грешников в языках адского пламени. Следовало поклониться и мощам раннехристианских подвижников на античном некрополе: «Нужно посетить возле Арля кладбище на месте, которое называют Алисками, и почтить покойных согласно обычая... Нигде больше нельзя найти столько мраморных гробниц... Они разнообразной работы, покрыты древними надписями латинским письмом, но на непонятном языке. Насколько хватает глаз тянутся вереницы саркофагов...» (Итinerarius XII в.)¹².

По словам Вениамина Тудельского, к святому Эгидию (город Сен-Жиль) «стекаются для поклонения богомольцы с разных островов и из отдаленных стран света». Величествен западный фасад церкви Сен Жиль — главного паломнического храма Прованса. Его торжественный тройной портал XII в.— свидетельство былого богатства главного порта крестоносцев на юге Франции. Минуя этот праздничный вход с фигурами апостолов между колоннами, паломники попадали в интерьер святилища. В итinerарии скрупулезно описана золотая рака с искусно изваянными скульптурами святых, в которой покоялись останки Эгидия. На пути к Тулузе посещали и могилу св. Гильома в Пустыне — «знаменосца» и «графа из окружения Карла Великого, храброго воина, знатока в военных делах». Для большинства пилигримов промежуточные святыни служили этапами на пути к главной цели. Для тех, кого задержали в дороге усталость, болезни или отсутствие средств, путешествие могло кончиться в одном из таких пунктов.

В Испанию паломники проникали через Наварру в центральных Пиренеях. У реликвий Ронсеваля они вспоминали о подвиге могучего Роланда, погибшего за «милую Францию»: «Затем после спуска с вершины находят стран-

неприимный дом и церковь, где заключен утес, который Роланд, этот сверхчеловеческий герой, рассек сверху донизу тремя ударами меча. Затем следуют Ронсевальским ущельем, где некогда произошло большое сражение, в котором король Марсилий, Роланд, Оливье вместе с сорока тысячами христианских и сарацинских воинов приняли смерть» (Итинерарий XII в.)¹³. Дальше шли на запад через Бургос и Леон по горным дорогам, охраняемым религиозным орденом «св. Иакова с мечом».

Паломничество в Сант-Яго-де-Компостеллу оказало большое влияние на романскую архитектуру Франции и Испании. По проторенной пилигримами дороге следовали купцы, ремесленники и зодчие, происходил интенсивный взаимообмен новыми идеями и художественными формами. С XI в. культурные контакты способствовали типизации монастырского строительства. Крупные паломнические церкви (Сент Фуа в Конке, Сен Сернен в Тулусе, Сант Яго де Компостелла и др.) повторяют друг друга по своему плану и пространственной композиции. Их вытянутые в длину нефы¹⁴ вмещали тысячи молящихся. По галереям, вдоль всего здания, двигались ритуальные процесии и потоки пилигримов. Обходя хор, они огибали глубокие капеллы с дополнительными алтарями («венец капелл»), где останавливались у чтиемых реликвий.

Из соседних государств Европы в Северную Испанию доставляли художественную утварь и манускрипты. Раннее романское искусство Испании, которое впоследствии трансформировалось в особый стиль, многим обязало Франции. Бургундский орден Клюни — проводник испанских черт во французской романике — основал немало аббатств вдоль главных трасс в Компостеллу. В архитектуре аббатства Клюни появляются мавританские декоративные мотивы. Арабские многоголопастные арки оформляют колокольню базилики Шаритэ на Луаре. О мечети Кордовы напоминает полихромная кладка фасада и клуатра¹⁵ собора в Ле-Пюи, где в арках чередуются черные и белые клинья. К строительному искусству арабов восходит перекрытие центрального нефа храма куполами на тромпах¹⁶. Мавританские элементы в памятниках Оверни не случайны: Ле-Пюи был отправным пунктом на одной из больших дорог к св. Иакову.

Новгородский образок вышел из монастырской мастерской Компостеллы, где для паломников изготавливали икон-

ки с фигурой св. Иакова и его атрибутами. Купцы Компостеллы монополизировали даже сбыт ракушек, которые океан выносил на галисийское побережье. Ими бойко торговали на площади перед собором. Русский ювелир XVI в. заключил образок в серебряную со сканью и жемчугом оправу.

Средневековые сувениры

В «Видении о Петре Пахаре» английского поэта Вильяма Ленгленда искатели «царства Правды» повстречали человека, «одетого саракином, как одеваются пилигримы»:

Дорожный посох был его обвязан
Широкой лентой, вьющейся, как плющ;
Мешок и кружка на боку висели,
А шляпу, точно гроздья, отягчали
Святой водой наполненные склянки;
И галисийских раковин немало,
Кресты и ладанки, ключи из Рима,
И образ на груди, чтоб знали все,
Каким святыням странник поклонился.
«Откуда ты?» — они его спросили.
«Я на Синае был,— он им в ответ,—
Я также посетил и гроб господен,
И Вифлеем, и дальний Вавилон,
Я был в Армении, в Александрии,
О чём вам знаки эти говорят.
И в дождь, и в зной я шел к святыням дальним,
Ища в своей душе небесных благ»¹⁷.

Позднее портрет подобного «коллекционера» набросал Эразм Роттердамский:

«М е н е д е м. Что это за убор? Ты усыпан ракушками, усеян оловянными и свинцовыми образками, увешан соломенными ожерельями, на руке — змеиные яйца!

О г и г и й. Я побывал у святого Иакова Компостельского, а после — у чтимой по всей Англии Богородицы Приморской...

М е н е д е м. Для развлечения, видно, путешествовал?

О г и г и й. Нет, из страха божия»¹⁸.

Средневековье — эпоха культа реликвий. Из святых мест паломники стремились унести хотя бы крупицу целиальной «благодати»: часть тела мученика или связанны-

ные с ним предметы — обрывки погребальных покровов, листья и цветы с гробницы, ампулы с водой из священных источников, лампады, горевшие у почитаемых саркофагов. Мастерские при монастырях и аббатствах выделяли из камня, свинца, бронзы и драгоценных металлов миниатюрные значки для продажи пилигримам. На них изображали местного святого и его эмблемы. Нередко сами паломники вели торговлю этими спасительными талисманами.

Особенно ценили реликвии Палестины. В погоне за памятниками земной жизни Христа, девы Марии и апостолов средневековые люди пересекали огромные пространства Востока. Предметы, привезенные из этих путешествий, были окутаны легендами, проникнутыми набожной наивностью. Уже в раннем Средневековье в ризницах европейских церквей появились привозные сосуды, которые убежденно связывали с такими евангельскими эпизодами, как брак в Кане Галилейской или тайная вечеря. Особым почетом пользовались веци из тех стран, которые дали миру патриархов, пророков, а позднее — Христа и апостолов. Их приписывали известным библейским персонажам («чаша Соломона»). Отблеск святости падал и на те ковчеги, в которых из Египта или «святой земли» доставляли останки мучеников и отшельников. Наряду с современными им вещами пилигримы и дипломатические миссии привозили с Востока и более древние, например сасанидские. Иранское золотое блюдо с изображением Хосрова I (531—578) хранится в парижской Национальной библиотеке. По преданию, его преподнесло Карлу Великому посольство багдадского халифа Харуна ар-Рашида.

В качестве реликвий в сокровищнице романских и готических храмов попадали восточные шелка: в них заворачивали чудотворные моши святых. С каролингской эпохи в Шартрском соборе сберегали в кедровом ковчеге «сорочку девы Марии», в течение веков привлекавшую пилигримов. По рассказу французского хроникера, в 911 г., когда герцог Нормандии осаждал город, на стенах появился епископ Шартра, поднимая «святую тунику», как знамя. В пейзажном ужасе нормандцы расстроили свои ряды и обратились в бегство. Верили, что полотняные сорочки, соприкоснувшись с ковчегом, помогали женщинам выдерживать родовые муки: к этому средству

прибегали и простые крестьяне, и королевы Франции. Во время Французской буржуазной революции реликварий впервые открыли: в нем лежали сирийская ткань и восточное покрывало с фигурами сопоставленных львов — оказалось, что «святая туника» ничем не напоминает сорочку.

Крупные духовные и светские магнаты стремились завладеть самыми достославными реликвиями Византии и «святой земли». Король Людовик Святой вывез из Константинополя два шипа из тернового венца Христа, обломок «подлинного» креста, обрывки ткани, которой Иисус вытикал ноги апостолов. Обладание такими «святынями», истинность которых доказывалась фальшивыми документами, повышало престиж аббатств и монастырей, привлекало к ним армии богомольцев, приносивших своими пощертованиями постоянные доходы. Реликвии оспаривали друг у друга, покупали за большие деньги, обменивали и даже выкрадывали. Их перенесение издалека — из Палестины в Рим, из Рима в Галлию — торжественно обставляли. На всем пути следования происходили чудеса: внезапно исцеленные недужные присоединялись к ликующим толпам, встречавшим святыню. Длительное морское плавание вокруг Европы из Корсуня (Херсонеса) проделала икона Николы (1225 г.). Якобы сам угодник трижды являлся во сне ее «служителю» корсунянину Евстафию и, «утыкая его в ребра», настойчиво побуждал к путешествию. Он же указал путь в обход половцев. Евстафий сел на корабль в устье Днепра, по морю Варяжскому (Балтийскому) прибыл в Ригу и «сухим путем», через Новгород, доставил «чудотворный Николин образ» в Рязанскую землю. В рассказах о переносе реликвий (*«Translationes»*) содержатся важные сведения о средневековых дорогах.

На огромные расстояния переносили дешевые культовые предметы рядовые паломники. На самаркандском Афрасиабе найден небольшой глиняный сосудик для целебной воды. В V—VII вв. подобные «ампулы» делали в коптском монастыре св. Мины вблизи Александрии. При раскопках в церкви св. Ульриха и Афры в Аугсбурге обнаружили погребение мужчины в кожаных перчатках, с ножом в ножнах, кожаным поясом и бронзовой пряжкой — реликварием VII в. В пряжке лежали кусочек воска и фрагмент хлопчатобумажной ткани из Палестины.

или Сирии. Из «святой земли» происходят серебряные ампулы — маленькие плоские флаконы для освященного масла. Они хранятся в соборе города Монцы около Милана и в аббатстве св. Коломбана в Боббио к югу от Пьяченцы (где их обнаружили в тайнике крипты¹⁹ церкви). По местному преданию, около 600 г. ампулы прислали из Рима в дар лангобардской королеве Теоделинде. Греческие надписи указывают на то, что их родина — «святые места Христа», т. е. Иерусалим и его окрестности (Вифлеем). Именно здесь происходили евангельские события, изображенные на сосудиках. Эти миниатюрные амулеты, которые носили на шее, охраняли верующих «на земле и на море». Вместе с паломниками ладанки с палестинской землей, крестики, кадила и другие вещи попадали в Рим. В VI—VII вв. из Восточного Средиземноморья в вечный город направлялся непрерывный поток греков, сирийцев, армян, персов, египтян. Многие пилигримы окончательно оседали в Риме, где образовалась целая колония «сирийцев», т. е. людей с Востока.

Композиции на паломнических сувенирах — один из источников распространения в раннесредневековом искусстве европейского Запада сиро-палестинских канонов. В XI—XII вв. произведения Востока оказали влияние на формирование романской скульптуры.

К исходу Средневековья культ реликвий, оставивший заметные следы в интеллектуальной и художественной жизни, стал вызывать все более ядовитые насмешки:

От века продавцы реликвий
Народ обманывать привыкли.
На паперти шумит базар,
Разложен плутовской товар —
Все тут священно, драгоценno:
Из вифлеемских ясель сено,
От Валаамовой ослицы
Кусок ребра; перо хранится
Архистратига Михаила
(Не съяннет в нем святая сила);
Тут есть уздечка боевого
Коня Георгия святого;
Одна сандалья святой Клары...²⁰

Себастиан Брант

Хождение игумена Даниила

После завоевания Иерусалима крестоносцами в 1099 г. и образования Иерусалимского королевства ширится паломническое движение русских через Константинополь в Палестину. Общее религиозное воодушевление неудержимо влечет их в «землю обетованную». Возле пустынь и монастырей собираются богомольцы — «калики перехожие»:

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Ерусалиму²¹.

Одним из таких пытливых, предприимчивых и безунывных людей был игумен Даниил: в 1104—1106 гг. он посетил владения иерусалимского короля Балдуина I: «Се аз недостойный игумен Данил русский земля, хужши во всех мнисех, смеренный грехи многими... понужен мыслию своею и нетерпением моим, похотех видети святый град Иерусалим и землю обетованную»²². Духовной пользы ради путешественник обошел все святыни «до Тивириадского моря... и до Фаворы, и до Назарета, и до Хеврона, и до Иордана» и оставил обстоятельный записки. «Любве ради святых мест сих, исписах все, еже видех очима своими...». Распространенное во множестве списков «Хоженье» Даниила было излюбленным чтением многих людей, которые мечтали «сходить-то ко граду Еросолиму»:

Ко святой святыни богу помолитисе,
Ко господню гробу нам да приложитисе,
А во Ердань реки окунатисе...²³

В Палестину Даниил плыл морем через Царьград (Константинополь) вдоль каменистых прибрежий Малой Азии; его корабль заходил в гавани Родоса и Кипра. Кратко перечисляя остановки, он повествует об островах «Великого» (Эгейского) моря, где разводили скот, варили серу, а из смолы дерева «зигии» приготовляли ладан, об Эфесе («обилен же есть всем добром») со знаменитой пещерой семи отроков, «иже спали 300 и 60 лет; при Декии цари усопша, а при Феодосии цари явишась». Как и Зеевульф, он испытал превратности пути «по суху» из Яффы в Иерусалим, где котловины сменялись котловина-

ми, ущелья — ущельями: «бо пусто место то», «выходят бо оттуду срации и избиваютя странныя на путех тех».

Наконец, перед глазами измученных путников — панорама «святого града», окруженного глубокими долинами и оврагами. Она развертывается по мере постепенного приближения — читатель как будто участвует в открывшемся зрелище. Вот уже видны массивные зубчатые стены с внушительными квадратными башнями, нагромождение плоских кровель, над которыми вознеслись купола мечети Омара («Святая Святых») и храма Воскресения:

«Есть же святый град Иерусалим в дебрех, около его горы камены и высокы. Да и полны [уже] пришедше близъко граду тоже видети первое столп Давидов и потом, дошедшее мало, увидети Елеонскую гору и Святаа Святых и Воскресение церковь... и узрети потом весь град. И ту есть гора равна от пути близ града Иерусалима, яко версты вдале; на той горе ссыдают с конь вси людие и поставляют крестыци ту и поклоняются святому Воскресению на дозоре [на виду] граду... И идут вси пеши с радостию великою к граду Иерусалиму».

Неисчислимые достопримечательности Иерусалима и его окрестностей Даниил описал с мельчайшими подробностями и удивительной топографической точностью. Он был весьма набожным и возвыщенно настроенным пилигримом, который свято верил в библейские предания о реликвиях: в «путеводитель» по волнистым плоскогорьям Иудеи попали преимущественно «святые места». Но его добросовестный дневник интересен не только как памятник, характеризующий умонастроение образованного человека Средневековья. В нем прихотливо переплетены исторические, географические, этнографические сведения.

«Очарованный странник» ходил кривыми, узкими уличками Иерусалима, его извилистыми лестницами с полустертymi миллионами ног ступенями, сам измерил глубину и ширину быстрого Иордана, вода которого «мутна велми и сладка пить», с трудом взобрался на гору Фавор, «якоже стог кругол» («есть гора та вся камена, лести же на ню трудно и бедно велми по камению, руками на ню лести, путь тяжек велми; едва бо на ню взлезохом от 3-го часа до 9-го часа»), дотошно пересчитал «столпы» в церкви Воскресения и число ступеней, ведущих на Голгофу. Даниилом владела любовь к точным числовым обозначениям, будь то расстояние между островами и насе-

лennыми пунктами (в верстах), глубина реки (в саженях) или размеры углубления — «скважни» от креста, на котором согласно легенде распяли Иисуса (в локтях).

Историк архитектуры найдет в дорожнике Даниила сведения о зданиях, «красно» украшенных «досками мраморными», «мусией» (мозаиками) и «сребреными чешуями позлащенными». Многие из них стерты с лица земли или перестроены (к примеру, храм на Елеонской горе, с вершины которой через 40 дней после казни Христос якобы вознесся на небо). «И есть место то оздано все комарами (сводами) около, и верх на комарах тех создан есть, яко двор камень кругом и помощен есть весь двор мраморными досками. И посреди того двора есть создан аки теремец кругло, и есть без верха... и в том теремци... лежит каменет святый, идеже стоясте и нозе пречистей владыки нашего...» До сих пор паломники восходят на Елеонскую гору, чтобы поклониться известковому камню с углублением в форме ступни.

Даниил рассказывает о природе Палестины, о ее растительном и животном мире. Извилистая стремнина Иордана с каймой ив, тамарисков и камышей по берегам напомнила ему русскую речку Снов: «Есть же по сей стране Иордана на купели тои, яко леси древо не высоко, аки вербе подобно есть, и выше купели тоя по брегу Иорданову стоит яко лозие много... Зверь мног ту и свиний дикий бещисла много, и пардуси мнози, ту суть львове же». Первом «самовидца» описано богом проклятое Мертвое (Содомское) море, внушавшее страх пилигримам: «Море же Содомьское мертвое есть, не иметь в себе никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии [раковины]; но обаче внесеть быстроть Иорданьская рыбу в море то, то не можетъ жива быти ни мала часа, но вскоре умираеть; исходит бо из дна моря того смола черная верху воды тоя и лежит по брегу тому смола та много; и смрад исходит из моря того, яко от серы горяща; ту бо есть мука под морем тем». Жгуче-горькие воды Мертвого моря и его безжизненное побережье навевали мысли о близости преисподней.

Русского паломника живо интересовали хозяйство и занятия местных жителей: «Безводно место то есть; ни реки, ни кладязя, ни источника несть близ Иерусалима... И жита добра ражаются около Иерусалима в камении том без дожда... родиться пшеница и ячмень изрядно:

едину бо кадь всея в взятии 90 кадей, а другоици 100 кадей по единой кади... Суть винограда мнози около Иерусалима и овощнаа древеса многоплодовита: смокви и ягодина, и масличие...»

Даниил как бы проводит будущих странников по кремнистым дорогам «земли галилейской», ярко повествуя о трудностях и лишениях странствия по ее библейским холмам, где невозможно обойтись без «вожжа» (проводжатого) и без знания языка. Он в полной мере познал суровую действительность паломничества. Путь к долине Иордана «тяжек велми и страшен и безводен: суть бо горы высокы камены, и суть разбои мнози, и разбиваются в горах тех и в дебрях страшных... А от Иерихона до Иордана б верст великих, все по равну в песце, путь тяжек велми; ту мнози человечи задыхаются от зноя и ищезают, от жажи водныя умирают...» Еще в прошлом веке путь к Иордану был долг и полон невзгод. Паломники ехали на лошадях или мулах, брали с собой вооруженных проводников на случай нападения хищников или разбойников. Вот почему Даниил никогда не путешествовал в одиночку: то присоединялся к «доброй дружине» — отрядам разноплеменных пилигримов, то следовал к Тивериадскому озеру вместе с войсками крестоносцев Балдуина, шедших на сельджукского эмира Дамаска («а без вои путем тем никто же может пройти»). Ходить «без страха и без пакости» неутомимому игумену помогал опытный проводник — «муж свят» и «книжна велми» из лавры св. Саввы.

Паломнические дружины, пересекавшие «землю жемланную», были многонациональны. К «гробу господню» стекались «все племена и народы», служба в храме Воскресения шла на разных языках. Даниил видел здесь «бесчисленное множество народа, от всех стран пришелци и тоземци, и от Вавилона, и от Египта, и от всех конец земли...» На празднике «святого света» собралась и «вся дружина, русьстии сынове, приключьшияся тогда во той день новгородци и кияне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович, Кашкича и иини мнози».

Как видим, Даниил не был одинок в своих скитаниях. В Иерусалиме на подворье русских монахов находили приют другие странники — избранные, «церковные» люди. Летопись сообщает: в 1163 г. «ходиша из Великого Новагорода от святей Софии 40 муж калици ко граду Иерусалиму, ко гробу господню»²⁴. Отолоски этого хождения

усматривают в былинах о «сорока каликах»:

А ѿ самы надевали как платья калицкия,
Как тут оны кладывали да подсумки,
А ѿ подсумки да каличии,
На свои плеча ведь да богатырския,
А ѿ как брали ѿны по клюки по дорожней,
А ѿ как тут оны да отправились,
А ѿ как ведь пошли как удалы добры молодцы
А ѿ ко граду ведь да Еросолиму²⁵.

В 1173 г. в русском монастыре Иерусалима скончалась «благочестивая и премудрая» игуменья Евфросиния (в миру Предислава — дочь полоцкого князя Георгия Всеславича). С родным братом Давидом и родственницей Евпраксией эта женщина отправилась на поклон «живоносному гробу Христову». В Царьграде ее принял царь и патриарх. Из византийской столицы Евфросиния «пойде в Иерусалим» и «обыде же и вся святая иерусалимская места».

В самом начале XIII столетия в Константинополе — городе при слиянии водных путей и путей караванных — побывал новгородец Добрыня Ядрейкович (впоследствии Антоний — архиепископ новгородский). Путешественник составил детальное описание исторических мест и «досто-славных святынь» Царьграда. В церкви св. Георгия его внимание привлекла гробница именитого русского паломника: «святый Леонтей поп Русин лежит в теле, велик человек: той бо Леоптий трижды в Иеросалим пешь ходил»²⁶. Но более всего Добрыню поразил величественный храм Софии — одно из чудес света, творение зодчих Юстиниана. Среди его необъятного простора молящиеся выглядели просто пигмеями. Чужестранцев изумляли огромный, но кажущийся необычайно легким купол, отлогие каменные всходы на хоры, где могли проехать две колесницы. В недрах собора хранились сокровища искусства и предметы роскоши — священные в глазах паломника «хитрости Царяграда». Среди знаменитых икон и драгоценной утвари св. Софии и «царских златых полат» Добрыня видел сосуды, «иже принесоша Христу с дары волсви», и «блюдо велико злато служебное Олгы Руской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду», и «трубу медную Ерихоньского взятия Иисуса Навгина», и «палицу

Моисееву». «Хождение» Добрыни — уникальный свод археологических данных о Царыграде накануне его разгрома крестоносными варварами в 1204 г.

Греческие и палестинские реликвии особенно ценили на Руси. Игумен Даниил приобрел лампаду, горевшую у «гроба господня»; Добрыня Ядрейкович доставил в Новгород «гроб господень» («модель» иерусалимской церкви Воскресения?).

Черный камень Каабы

Средневековые мусульмане чтили много «святых мест», куда ходили на поклонение. Но самым главным было паломничество (хадж) в Мекку — древнюю религиозную святыню арабских племен. Хотя бы один раз в жизни каждому «правоверному» предписывалось посетить Каабу — святилище, к которому обращены михрабы (молитвенные ниши) мечетей мира. Из всех стран ислама — от Марокко и Алжира до Зондских островов, от Булгара и Средней Азии до Йемена — миллионы паломников (хаджи) «пешком и на быстрых верблюдах» приходили к «дому святому». Верили, что «Черный камень» Каабы дарует исцеление больным и очищает от грехов.

Но шли века — со всех концов вселенной
К нему неслись молитвы, и рекой
Текли во храм, далекий и священный,
Сердца, обремененные тоской... ²⁷

Иван Бунин

Священное путешествие в Мекку — сложное и опасное предприятие; оно требовало много времени и денег. Его совершали люди богатые и зажиточные в окружении странствующих дервишей и набожных бедняков, которые в дороге просили милостыню или перебивались поденщиной. Персидский историк Мухаммед Ауфи (XIII в.) рассказывает: один бухарский правитель с громким титулом «садр джехан» («столп мира») совершал хадж в Мекку в сопровождении кортежа из 100 верблюдов под выюками.

«Его встретил бедняк, голодный, дурно одетый и босой и спросил, неужели бог дает одинаковую награду за хадж бедняка, совершающий с таким трудом, и за хадж садра, совершающий с такой пышностью. Садр ответил, что награда, конечно, не будет одинакова: «Я исполняю повеление бога, а ты поступаешь наперекор ему.

Мне он сказал: «Если имеешь возможность, совершай хадж», а тебе сказал: «Не губите себя собственными руками». Итак, меня он принял, а тебя освободил от посещения; я — гость, ты — паразит; паразит никогда не пользуется почетом, как гость»²⁸.

Некоторые пилигримы покрывали расходы странствия, занимаясь мелочной торговлей. Вместе с паломническими караванами ехали купцы и любознательные ученые, движимые интересом к познанию нового — создатели географической литературы с описаниями попутных городов, «святых мест» и маршрутов.

Всевозможными бедствиями грозил пилигримам путь сквозь аравийскую «сахару». Испепеляющий зной, когда воздух так горяч, что кажется, «будто раскаленные иголки пляшут над землей» (поэт Имруулькайс), недостаток воды, песчаные бури, внезапно и яростно вздувающиеся дождевые потоки, неожиданные нападения кочевников-бедуинов и фанатичных карматов²⁹, этих «корсаров пустыни», безжалостно обирающих «святош», — вот опасности, подстерегавшие «правоверных». В 929 г. карматы сумели разграбить Мекку и похитить «Черный камень», вернув его только через 20 лет. За право проезда паломников Багдадский халифат выплачивал им крупные суммы золотом. В 1012 г. бедуины спустили воду из придорожных водоемов, а в колодцы набросали горьких колючек. Так погибли от жажды или попали в плен 15 тыс. паломников. Когда через несколько лет освободили часть пленников, пасших овец у бедуинов, «они вернулись домой, но имущество их было уже поделено, а жены их повыходили замуж» (Ибн ал Джаузи)³⁰. Едва ли половина из тех, кто отправлялся в путь, благополучно возвращалась; безвестные могилы остальных засыпали желтые пески пустыни. Умерших во время хаджа причисляли к мученикам за веру, а успешное возвращение паломников выливалось в радостное торжество. В Багдаде их принимал сам «повелитель правоверных», их воспевали придворные поэты в звучных строфах касыд — небольших поэм, говорящих об опасностях хаджа:

Для кого колышут паланкины верблюды, для кого караван то плывет над миражем, то погружается в него.

Для кого он пересекает широкие реки и рвение гонит этих животных из Сирии и из Вавилонии?

Как много отстало узников, которых не освободят из их темницы, и не один был заблудившийся, который никогда не придет к цели.

Кого день бросал туда и сюда! Он замолчал, обильней слезы заструились, и поник он головой!³¹

Шариф ар-Ради

Из-за трудностей хаджа халифы Багдада отправляли паломников караванами в десятки тысяч человек. Выступали заблаговременно, чтобы поспеть на ежегодные мекканские празднества в двенадцатом месяце лунного календаря — Зу-л-хиддже. Из Багдада караваны шли через Куфу, Неджеф и Кадисию — большой город среди пальмовых рощ. Углубившись в необозримые просторы Аравийской пустыни, следовали плоскогорьем Неджд к горной цепи Хиджаз, высившейся над Красным морем. У подножия этих гор лежал «святой город» Медина, где поклонялись могиле «посланника Аллаха» — Мухаммеда. Из Медины шли на юг к главной цели странствия. Вдоль широкого пустынного тракта попадались небольшие озера до трех метров глубиной. Стражники, жившие в фортах по соседству, зорко следили за тем, чтобы бедуины не засоряли драгоценную воду.

Во главе каравана ехал представитель халифа — «эмир хаджа» с конной свитой. Высокородные люди, богатые купцы, знатные дамы путешествовали в роскошных паланкинах на спинах верблюдов; их сопровождали невольники и вьючные животные с багажом. Эти состоятельные паломники любили комфорт: в паланкинах, устроенных очень изобретательно, можно было спать, есть, читать или забавляться игрой в шахматы. Когда караван прибывал на место привала, один раб останавливал верблюда, другой приставлял к паланкину скамейку, третий раскрывал зонт над головой господина или госпожи, защищая их от беспощадного солнца. Тотчас вокруг палатки хозяина расстилали ковры. За знатью двигались менее «достойные» путешественники — горожане с прислугой и верблюдами. Процессию замыкали толпы бедняков: на трех человек и более они имели одного верблюда и поочередно на него садились.

Чтобы быстрее достичь заветной цели, ехали и холодными звездными ночами. Направление указывал Млечный Путь, белевший с севера на юг. Неторопливо идущий

караван являл собой незабываемое зрелище. Оно приводило в восхищение Ибн-Джубайра: кажется, что глядишь на океан, покрытый лодками, но вместо парусов они оснащены зонтами и завесами паланкинов. Ночью неисчислимые факелы, которые несли рабы, превращали пустыню в звездное небо.

Привал, приказ разбить или свернуть палатки и каждый маневр каравана сопровождали удары в большой барабан. Под его «подобные грому» звуки огромный «поплотняный город» развертывали и сворачивали с такой быстротой, «словно то был обычный ковер». В лагере царила военная дисциплина: в дорогу выходили все как один, не теряя ни минуты,— иначе паломники могли не достичь Мекки в назначенный срок.

Привалы устраивали у воды, где всегда была толчая, а если колодцы оказывались иссякшими, дело доходило до драки. На остановках разворачивали небольшой торг: бедуины пригоняли сюда овец, доставляли финики, масло, сыр, мед и фрукты из дальних оазисов. Цены на привозные продукты были непомерно высоки: в январе продавали виноград, дыни, огурцы, чему особенно дивились персы — в их стране в эту пору года выпадал снег.

Можно вообразить великое ликование путников, когда после всех перипетий долгого странствия через пустыню, «где слышатся только голоса джиннов», караван оказывался в виду Мекки, лежащей в глубокой жаркой долине среди высоких гор. Вступая в пределы заповедной территории, они обнажали головы и облекались в ихрам — два куска белой неспитой ткани, в которую закутывались с головы до ног, как в смертный саван. Один кусок набрасывали на шею и плечи, другим опоясывались. В преддверии «святого города» паломники совершали очистительное омовение и умаскали себя благовониями.

Множество людей не находило приюта в городе и останавливалось в огромном лагере под Меккой. Сразу же по прибытии снимали поклажу с верблюдов, которых помещали в специальные загоны, разбивали тысячи палаток, и, как по мановению волшебной палочки, вырастал удивительный постоянно меняющийся «город из разноцветного полотна». Его окружала стена с высокими башнями, под которыми легко проезжал всадник с копьем. «Город» имел свой «дворец», «общественную площадь», «мечеть», «суд», «госпиталь», базары и бесчисленные лав-

ки, где торговали невольниками и скотом, сандаловым деревом и прохладительными напитками, тюрбанами и ювелирными изделиями. Здесь приобретали все необходимое для путешествия: караванные выюки, конскую упряжь, шатры, ковры.

Посреди лагеря возвышался полотняный дворец «эмира хаджа» с «куполами» и «башнями», вышитыми геральдическими эмблемами. Вблизи на самых красивых «улицах» стояли другие «дворцы» и «богатые дома» в окружении розовых, желтых, зеленых, фиолетовых палаток, которые свежестью красок соперничали с персидскими коврами. В этом сказочном месте «Тысячи и одной ночи» часто теряли ориентацию, но четко организованная служба порядка помогала заблудившимся. Погонщик верблюда сажал паломника в седло и, проезжая бесконечными улицами полотняных домов, выкрикивал имя сбившегося с дороги, название города, откуда тот прибыл, — и так отыскивал его палатку.

Перед пятью ежедневными молитвами глашатаи эмира подавали сигналы, трубя в трубы и ударяя в барабаны. И тогда огромные толпы «правоверных» заполняли двор Большой мечети Мекки, чтобы принять участие в богослужении. Чувство мусульманской духовной общности объединяло представителей самых разных народов. С достоинством выступали флегматичные и солидные жители городов Ирана и Средней Азии. Эмоциональные турки-сельджуки, прибывшие из Сирии в период недолго-го затишья между очередными походами против крестоносцев, не могли сдержать слез умиления при виде древних святынь. Всеобщее любопытство вызывали непривычные обычаи длинноволосых, с заплетенными бородами пришельцев из Йемена: не зная ни обрядов, ни науки ислама, они молились по-своему и нигде не расставались с огромными луками.

«Великое паломничество» начиналось в первый день месяца Зу-л-хидж и длилось 10 дней. В Мекке и ее окруже-ге религиозные церемонии происходили непрерывно. Первая обязанность хаджи — семь ритуальных обходов вокруг «дома божьего» — Каабы, где благоговейно прикладывались к «Черному камню» — «деснице Аллаха на земле» (поклонение этому овальному метеориту глубокого черного цвета с мелкими вкраплениями слюды восходит к домусульманским культурам). Затем паломники пили со-

лоноватую «чудодейственную» воду из колодца Земзем, которая спасла от жажды легендарного родоначальника арабов Измаила и его мать Агарь. В праздничный цикл входил и визит в долину Арафа. С плачем и стонами шествие всходило на гору ар-Рахма с мечетями в честь «праотцев» Адама и Авраама. В дни Арафа в Мекке устраивали ярмарку, куда приезжали торговцы из самых отдаленных земель. В последний день торжеств «правоверные» направлялись в долину Мина. Следуя этой узкой лощиной, они творили обряд побивания камнями дьявола и совершали жертвоприношения — заключительный акт сложного ритуала паломничества.

Отовсюду притекали в Мекку благочестивые дары. Во время паломничества в Каабе выставляли напоказ произведения высокого искусства, присланные «царями ислама». Входящие в «дом Аллаха» любовались ведрами и кубками из камней, «которым не было цены», дивным яхонтом — подарком халифа ал-Мамуна, инкрустированными фигурками газелей и сосудами «фараонова стекла», зеленой хризолитовой плиткой стоимостью четыре тысячи динаров. Как будто парили в воздухе солнечные диски и полумесяцы из золота.

Кроме хаджа в Мекку, духовному совершенствованию мусульманина способствовало посещение могил местных святых — людей, прославленных праведностью, или мучеников за «истинную веру». Народное суеверие приписывало им необычайные деяния: они мгновенно преодолевали пространство, избавляли от врага, внимали нездешним голосам и ходили по воде. Разбросанные по разным странам мавзолеи «чудотворцев» служили заманчивой целью далеких странствий. К гробницам святых, особенно чтимых беднейшими городскими сословиями, в определенные дни года организовывали массовые паломничества.

Глава 5

«ИЗ ВСЕХ ЗЕМЕЛЬ МАСТЕРА»

С моим ремеслом я по свету бродил,
Шел к франкам, баварам, на Рейн заходил.
Пять лет беспрерывно я странствовал там —
По этим и многим другим городам.

Ганс Сакс

На дорогах Западной Европы изредка можно встретить человека в островерхой широкополой шляпе с пером, туго подпоясанной куртке с пузыряющимися выше локтей рукавами и низких сапогах гармошкой с широкими раструбами. В расширом заплечном мешке такого «выходца из прошлого» топор, пила и рубанок. Это бродячий плотник, цех которых еще существует в Гамбурге. Тайное, чисто мужское общество, на собрания которого посторонних не допускают, сохранило средневековые обычай и устав. Оно владеет домом на окраине города, где старейшины принимают новых членов, а в день святого покровителя общества устраивают праздничный обед. Чтобы стать мастером и членом цеха, следует уйти на полгода не ближе чем за 50 км от дома. Странствуя по городам и поселкам Западной Германии, Австрии, Люксембурга, Голландии, гамбургские плотники ставят сараи, парники и скотные дворы, чинят лестницы и рамы, перстилают полы. Среди этих людей живет сознание извечности их ремесла. «Ведь мы всегда были», — заметил один из них, рассказывая о своей жизни¹.

Плотник из Гамбурга — продолжатель традиций Средневековья, когда странствия для усовершенствования в деле или в погоне за заработком были распространены среди ремесленников многих специальностей: керамистов и ткачей, деревообделочников и камнерезов. Подмастерье набирался опыта, кочуя из одного города в другой и часто меняя место работы. Он шел пешком. В узелке, перекинутом через плечо, лежали инструменты и немного белья.

В мастерской, куда нанимался ученик, ему предоставляли стол и кров. «Период скитаний» — это период обучения и формирования будущего мастера. Изучая ремесло в разных краях, он пополнял знания и совершенствовал профессиональные навыки. Странствующие ремесленники проходили немалые расстояния:

По государствам странствуя,
Шагать нам суждено
Чрез земли франков, швабов,
Швейцарцев заодно.
Пройдем Тироль и Штирию
И в Венгрию зайдем.
А возвратившись, станем
Искуснее во всем! ²

Не жили оседло и мастера высокой квалификации. Если в каком-либо городе ремесленников одной специальности скапливалось больше, чем требовалось, они снимались с места и шли туда, где спрос на их изделия был выше. Саади относил ремесленников к тому роду людей, которым странствия не противопоказаны:

Не будет терпеть ни нужды, ни лишений
Покинувший край свой сапожник безродный.
Когда ж царь Нимруза покинет пределы
Родимой страны, то заснет он голодный ³.

По приглашению владетельных особ из страны в страну путешествовали целые артели мастеров — для них не существовало ни государственных, ни национальных границ. Универсаллизм общеевропейской культуры с ее общностью сюжетов и тем облегчал их передвижения.

Особой подвижностью отличались каменщики, штукачиры, плотники и столяры, которые возводили церковные здания, укрепленные замки и городские дома. Если ювелиры или миниатюристы могли долго работать в постоянных мастерских, то строительные профессии требовали частых переездов. Каменотесы, скульпторы, создатели фресок и мозаик по окончании своего труда отправлялись на другую стройку, иногда за многие сотни километров. Особенно много ремесленников из разных областей привлекали сооружения государственного масштаба. Византийский император Константин V (741—775) мобилизовал для постройки акведука «из Азии и Понта 1000 стро-

ителей, каменщиков 200; из Эллады и с островов — изготовленных цемент 500 человек; из самой Фракии 5000 и 200, изготовленных кирпичи»⁴. При возведении Ахенской базилики Карл Великий созвал художников и мастеров «со всех стран, расположенных по эту сторону моря».

Межнациональный обмен мастерами происходил и в азиатском мире. Руками умельцев, приглашенных «со всего света» или согнанных завоевателями, создаются и зороастрейские «храмы огня» и мусульманские мечети:

По свету гонцов разослав властелин —
И в Хинд, и в румийскую землю, и в Чин.
И вскоре умельцы из каждой страны,
Которые в зодчестве изощрены,
К владыке Ирана явились на зов,
Вершить его замыслы каждый готов.
И к Балху затем вместе с ним поспешив,
Немало познаний и сил приложив,
Построили новый блестательный град
Со множеством улиц, базаров, палат...⁵

Фирдоуси

Такие коллективные предприятия считали богоугодным делом, примером доброго согласия между людьми. Верили, что путь мастеров направляла рука самого всевышнего, а их деятельность окружала атмосфера «чуда». В Киево-Печерской обители создали легенду о присылке богородицей царьградских зодчих для постройки «великой церкви». В народном воображении строители прославленных зданий древности рисовались былинными богатырями.

Замок на скале

В возвышенной пустынной местности на восточных подступах к Триполи, господствуя над узким проходом между хребтами Ливана и Антиливана, стоит замок Крак-де-Шевалье. Монашествующие рыцари — госпитальеры⁶ выстроили его по последнему слову фортификационной техники XII в. Крепость была практически неприступна: в многограннике внешней стены с цилиндрическими башнями расположена цитадель с мощным трехбашенным доинжоном⁷ и рвом перед ним, вырубленным в материко-

вой скале. Ров заполняла вода, поступавшая со склонов холма по акведику. От внешнего укрепления во внутренний двор цитадели вел перекрытый сводом ступенчатый пандус⁸. В оборонительную систему входила и апсида⁹ часовни, встроенная в стену.

Крак — один из самых совершенных замков, возведенных крестоносцами на узкой шестисоткилометровой полосе восточного берега Средиземного моря. Если основной контингент рабочей силы при их строительстве составляло местное население, то в создании планов замков, не имевших параллелей на Востоке, главную роль играли европейские архитекторы. В составе огромной свиты королей и баронов ехали инженеры и мастера-строители. Крупный архитектор Эд де Монтрейль, взятый в крестовый поход Людовиком IX, укрепил порт в Яффе, а по возвращении в Париж построил множество церквей и два госпиталя. Альфонс де Пуатье заключил договор с инженером Ассо, который обязался сопровождать его в «святую землю» (1268).

Передвижения строителей и художников способствовали распространению на обширных территориях новых эффективных конструкций и наиболее удачных композиционных решений.

Кроме технических знаний и художественных навыков, мастера приносили с собой новые формы культуры и социальной организации. Бродячие артели состояли из земляков и отличались крепкой товарищеской спайкой. В ходе работ они пополнялись местными кадрами ремесленников — форма сотрудничества, характерная для Средневековья. По выполнении заказа артель либо распадалась, либо переезжала на другое место.

Прибытие по приглашению или по собственной инициативе греческих мастеров — один из путей экспансии византийской художественной культуры в Италию, Сербию, на Русь, в Германию. Византийцы прибывали небольшими бригадами в два-три человека, максимум в 10—15. Артель включала главного мастера с помощниками. В процессе создания храма или монументальных мозаик пришельцы активно обучали молодых местных ремесленников разных профессий. В Венеции каждый греческий мозаичист обязан был иметь двух итальянских учеников. У мастеров «от грек», приплывших по Днепру из Царьграда для украшения собора Киевского Печерского мона-

стыря, брал уроки блаженный Алимпий. Этот первый известный по имени древнерусский живописец «писать иконы очень был искусен». Бригада (не менее чем из восьми человек), создавшая в 40-х годах XI в. мозаики храма св. Софии в Киеве, была укомплектована не только мастерами Константинополя, но и выходцами с периферии империи. Ее возглавлял одаренный и тонкий мастер столичной школы, незаурядный колорист и рисовальщик, автор ярких портретных характеристик. Рука об руку с мозаичистами работали фресксты: они готовили в технике фрески композиции для мозаик.

Тесное сотрудничество разноязычных мастеров обогащало искусство стран, удаленных от центров великой византийской цивилизации — наследницы античного мира. Заезжие умельцы создавали временные мастерские, местные работники становились их подручными и вносили свою лепту в общее дело. Постепенно греки, подвизавшиеся в Италии и на Руси, утрачивали связи с родиной. Местные же мастера овладевали тонкостями их искусства, и византинизирующий стиль расходился как бы концентрическими кругами. В новой среде греческое наследие подвергали все более радикальной переработке в зависимости от локальных традиций и иных творческих задач.

Сравнительное изучение техники кладки и деталей зданий говорит об активном обмене строительными кадрами между русскими княжествами. Смоленский князь Давид Ростиславич пригласил зодчего из Полоцка, который возвел его дворцовый храм — церковь архангела Михаила (конец 80-х — начало 90-х годов XII в.). Потчерк ученика этого мастера заметен в новгородской церкви Пятницы, которая принадлежала купцам, торговавшим за рубежом: поскольку князь Смоленска — центра международной торговли на северо-западе Руси — покровительствовал заморским гостям, он послал им своего зодчего. В Новгороде пришлый мастер начал работать вместе с частью своей артели (каменщики — смоленские, а формовку кирпича производили местные кирпичники). Через год каменщики вернулись в Смоленск, а строительство оканчивали только новгородцы, но под руководством того же зодчего. Смоленские архитекторы строили в Киеве и Рязани¹⁰.

Богатством связей между разными центрами и школами отмечено романское искусство. Взаимообмен опытом

в кругах кочующих ремесленников вел к диффузии художественных течений, созданию определенного единства стиля на широких территориях. Мастера-клирики или цепные артели, сформированные при монастырях, трудились в аббатствах одной конгрегации, а затем и вне этих пределов. Работа в разветвленной конгрегации типа клунийской с ее централизованной, почти монопольной строительной инициативой вела к переходам мастеров из страны в страну. Создатели храмовых росписей и пластического декора переносят свое искусство из Пуатье в Арагон и Кастилию, из Италии в Испанию. К французской романнике примыкает современная ей архитектура Англии и Пиренейского полуострова. Благодаря контактам Северной Италии с Германией ломбардские конструктивные и декоративные приемы проникают вниз по течению Рейна, а отсюда дальше на север — в Скандинавию. Скандинавский зодчий построил в колонии западных купцов Смоленска немецкую церковь-ротонду. «Римские стекла» (витражи) украшали белокаменные храмы в городах Галицко-Волынской земли.

К началу XIII в. развитие монастырской романской архитектуры завершилось. Ведущее место в каменном зодчестве заняли гигантские городские соборы и приходские церкви. В эпоху готики на смену монашеским артелям приходят миряне; из них комплектуются свободные строительные мастерские с широким кругом деятельности. Зодчество привлекает самых одаренных людей. «В те времена каждый родившийся поэтом становился зодчим. Рассеянные в массах дарования, придавленные со всех сторон феодализмом, словно крышей из бронзовых щитов, не видя иного исхода, кроме зодчества, открывали себе дорогу с помощью этого искусства, их илиады выливались в форму соборов. Все прочие искусства повиновались зодчеству и подчинялись его требованиям» (Виктор Гюго)¹¹. В пору расцвета готического стиля, колыбелью которого стала Франция, все открытия передавались из одной мастерской в другую с необычайной быстротой. Соревнование между архитекторами заставляло корпорации строителей держаться на должной высоте. Они не замыкались в башне из слоновой кости. Большие стройки становились «институтами», где каждый мог черпать новые идеи, казавшиеся привлекательными. Наиболее талантливые мастера XII—XIII вв. не только в курсе всего, что строили в та-

ких разных областях французского королевства, как Иль де Франс, Пикардия, Шампань: они получают ответственные задания и за пределами своей родины. Особенно высок престиж «королевских мастеров — каменщиков» Франции. Собор в Кентербери отстроил «каменщик, родом из Санса, по имени Гийом, человек энергичный, равно искусный в каменных дел мастерстве и в плотницком деле». Монахи отдали ему предпочтение перед англичанами за живость ума и добрую славу. Французских зодчих знали в Испании и Германии: совет епископов города Вимпфена пригласил архитектора из Парижа для постройки собора «из тесаного камня по французскому способу». Мастер Этьенн де Боннейль с помощниками отплыл в Швецию для возведения церкви в Упсале. Во владениях Фридриха II в Южной Италии воздвиг крепость уроженец Шампани Филипп Шинар, приехавший с Кипра.

В эпоху готики особенно возросла роль многоопытного и мудрого главного мастера — хранителя профессиональных секретов своего ремесла. Строители передавали их из поколения в поколение — так возник ряд известных семейств архитекторов. Ведущий зодчий, ответственный за проект и своевременное выполнение заказа, — это универсальный знаток разных строительных специальностей, создатель плана доверенного ему здания, человек, продумывающий скульптурное убранство собора. Он и авторитетный эксперт в тех случаях, когда возникают трудности при возведении конструкций, он и подрядчик, решающий организационные вопросы. Выступая посредником между заказчиком и строительной артелью, он улаживал возникавшие конфликты и следил за дисциплиной рабочих. Удержать в повиновении этих свободолюбивых и независимых людей, носителей духа городской вольности, было непросто. Недаром их недолюбливали церковные власти, хотя и терпели: искусные ремесленники могли в любой момент покинуть стройку и перейти на другое место — по мере роста городов спрос на их труд все увеличивался.

Если в романский период отношение к работе имело клерикальную окраску, и для характеристики даже технической стороны искусства использовали богословскую фразеологию («достигнув же, пусть никто не похвалится тем, что добился всего этого якобы самостоятельно, ибо успел он благодаря богу, — писал золотых дел мастер, прес-

витер Теофил,— и пусть никто не утаивает достигнутого в мешке зависти и не скрывает в шкатулке упрямого сердца, но, отбросив всякое стремление к славе, с радостью и простодушием выкладывает всем ищащим...»)¹², то в эпоху готики среди светских мастеров стало расти сознание самостоятельной ценности их ремесла. На смену на божному самоуничтожению, которое вело к анонимности творчества («...через дух богоизбрания постигнешь ты, что сам по себе ты ничего собою представлять не можешь...»)¹³, приходит самоутверждение творческой личности, стремление прославить свое умение.

Счастливый случай сохранил нам документ исключительной важности и предоставил редкую возможность заглянуть в творческую лабораторию архитектора XIII столетия, повидавшего много стран.

Альбом Виллара де Оннекура

«Виллар де Оннекур приветствует вас и просит всех, кто будет работать с помощью тех средств, которые указаны в этой книге, помолиться за его душу и вспомнить о нем. Ибо в этой книге можно найти прекрасные советы по великому мастерству каменного строительства и по плотничью делу. И вы найдете здесь искусство рисования, равно как основы, которых требует и которым учит наука геометрии»¹⁴. Французский архитектор обращается к своим собратьям по ремеслу, как актер, вещающий с авансцены. В его словах явственно звучит чисто мирское желание стать известным и уважаемым среди своих современников и потомков.

Виллар де Оннекур — автор «Книги рисунков», ныне хранящейся в парижской Национальной библиотеке. Этот дневник архитектора поры «классической» готики, образная фиксация его опыта и мыслей, создан около 1235 г. В небольшой книге на 33 пергаменных листах (примерно столько же утрачено) заключено очень много полезного для каменщиков и плотников, скульпторов и архитекторов. Обведенные пером контурные рисунки и надписи к ним позволяют оценить объем теоретических и практических знаний тех великих мастеров, которые возводили готические соборы. Виллар заносил в альбом все, что при-

влекало его внимание в пути. Перелистывая манускрипт, мы словно путешествуем с ним по Франции и за ее рубежами, вступаем в нефы храмов, озаренные вибрирующим светом витражей, посещаем строительные площадки и пестрые ярмарки, любуемся блеском доспехов и поступью коней на рыцарских турнирах. Пробудившийся интерес к многообразию природы воплощен в эскизах, без особого порядка разбросанных по страницам. Как указывает сам автор, одни рисунки сделаны с натуры, другие — по памяти, однако все отличает хотя и несколько жесткая, но уверенная манера. Их внимательное исследование дает указания на время жизни Виллара, выявляет круг памятников, которые он изучал или строил сам, позволяет наметить его маршрут по Европе.

Виллар родился в Оннекуре на Шельде неподалеку от Камбре. Вероятно, в своей родной Пикардии он и стал архитектором. Об этом неопровергимо свидетельствуют его наставления по обработке камня, по созданию конструкций и планов зданий и сам отбор «материала». Предполагают, что зодчий строил церковь в Камбре. Перед поездкой в Венгрию, куда его призвали около 1235 г., он сделал зарисовки замечательных соборов северо-восточной Франции. Архитектор отправился на восток через Швейцарию, где скопировал окно-розу собора в Лозанне. В Венгрии он, возможно, восстанавливал церкви, разрушенные монголами (ни одна из них не дошла до нас). Длительное пребывание зодчего в стране способствовало внедрению там готического стиля. Этот «миссионер готики» — один из тех мастеров, которые распространяли новые достижения французского строительного искусства XIII в.

Виллар разносторонне образован и пытлив, широк круг его интересов: от проблемы вечного двигателя до формулы целительного бальзама. Рисунки свидетельствуют не только о глубоких познаниях в строительном деле, но и о принадлежности к авангарду зодчих — создателей раннеготических конструкций. Его привели в восторг западные башни собора в Лане: с их вершин на раскинувшийся амфитеатром город смотрят каменные быки. «Я был во многих странах, как вы могли заметить по этой книге, но нигде я не видел башни, подобной башне в Лане...»¹⁵. Рядом с текстом вид ланской башни сбоку и ее план. Это еще не масштабные чертежи, так как соотношение частей

произвольно нарушено, а эскизы без деталей и точных промеров.

Виллар срисовывает каменное кружево огромного окна-розы Шартра, стрельчатое окно, контрфорсы и аркбутаны¹⁶ собора Реймса, узоры мозаичных полов венгерских церквей. Наброски помогают сегодня мысленно воссоздать ныне перестроенные части зданий — к примеру, алтарные капеллы Реймса, которые Виллар долго и тщательно изучал («вот чертеж капелл церкви Реймса и как они разделены на ярусы»). Архитектор живо воспринимал красоту этой «застывшей музыки». На седьмом листе книги изображен «лабиринт» — кладка пола из разноцветных камней в виде «дорожек», сложными меандрами¹⁷ ведущих к центру композиции. Следуя по лабиринту, символу крестного пути, молящийся, не выходя из города, совершал символическое паломничество в «святую землю». Лабиринт служил и знаком архитекторов — наследников искусства Дедала. В его извиах увековечивали имена строителей собора. Круглый лабиринт в альбоме близок шартрскому.

Виллар постиг все тонкости архитектурной науки: на одном из листов находим наброски устройства стропильных ферм для кровель («и если вы хотите видеть хорошие легкие стропила для деревянного свода, обратите внимание на это»). Виллар обладал необходимыми строителю познаниями в механике. Он чертит механизм для подъема грузов в виде скомбинированного с рычагом винта и пилу, использующую течение реки. Он имел представление об устройстве в храмах механических диковинок, которыми так любили удивлять прихожан: орел на аналое обращал голову к дьякону, когда тот читал евангелие. Хитроумные приспособления вроде ангела, палец которого всегда обращался к солнцу (как мысль христианина, постоянно устремленная к богу), подвижного «колеса Фортуны» или часовой стрелки превращали церкви Средневековья в своеобразные музеи, где все служило возвеличению «мудрости творца».

Виллар предстает перед нами и как военный инженер, способный построить оборонительную башню или осадный механизм: один из эскизов показывает стенобитную машину — требующе.

Архитектор XIII столетия осведомлен «во всех искусствах»: «Книга рисунков» содержит ряд полезных рецеп-

Дрессировка льва. Рисунок из альбома Виллара де Оннекура. Национальная библиотека, Париж

тов по практической геометрии: как измерить циркулем толщину колонны, «когда она вся не видна», как установить ширину реки, не переходя ее, определить высоту башни или начертить план клуатра с галереями. Один из чертежей поясняется надписью: «При помощи подпорки этого рода вы можете выпрямить дом, который наклонился на бок. Он перестанет быть тогда нависшим». Рядом с другим читаем: «Вы можете таким образом работать на башне или на доме при помощи лесов небольших размеров».

Непосредственное восприятие современности отразилось в зарисовках человеческих фигур. Некоторые словно выхвачены любознательным мастером из жизни. В реалистических сценах рыцарского быта точно переданы костюмы, оружие, защитные доспехи той эпохи. Вот воин в железном шлеме с боевой дубинкой и копьем, вот вдевает ногу в стремя опоясанный мечом рыцарь, вот два всадника едут навстречу друг другу, чтобы сойтись в единоборстве. На какой-то ярмарке художник видел бродячего фокусника: он играл на примитивной скрипке — виоле, а дрессированная собака танцевала на задних лапах. Здесь же в жарком поединке схватились мощные борцы. На стройке Виллар мог подсмотреть другую сцену: двое обнаженных до пояса каменщиков во время перерыва азартно играли в кости. Художник старается воспроизвести анатомию человеческого тела, правдиво передать позы и

жесты, чтобы впоследствии вдохнуть жизнь в задрапированные статуи готических соборов.

Пристальный интерес к окружающему миру сказался в рисунках зверей, птиц, насекомых. Целую страницу занимает лев на привязи; перед ним дрессировщик с розгой держит на поводках двух собак.

«Лев. Я хочу рассказать вам о дрессировке льва. Тот, кто дрессирует льва, имеет двух собак. Когда он хочет заставить льва что-либо выполнить, он ему приказывает. Если лев рычит, укротитель бьет своих собак. Когда лев видит, как бьют собак, на него нападает великий страх. Его смелость пропадает, и он делает все, что ему приказывают. Я не говорю о тех случаях, когда лев взвешен, так как тогда он не подчиняется ничьей воле и не сделает ни хорошего, ни дурного. И знайте, этот лев нарисован с натуры»¹⁸.

Описанный Вилларом способ дрессировки царя зверей практиковали при феодальных дворах. Должно быть, архитектор посетил зверинец редких животных, где, кроме льва, зарисовал дикобраза и двух попугаев на жердочке. На больших европейских ярмарках показывали бродячие зверинцы: в средневековую Европу с Востока доставляли слонов, верблюдов, леопардов, обезьян, жирафов.

Архитектор предлагает своим коллегам геометрический метод построения эскизов человека и животных: «Здесь начинается искусство основ рисования, как им учит наука геометрии, чтобы легче было работать». Например, у оленя туловище вписано в прямоугольник, а два пересекающихся треугольника образуют шею и голову. Наметив таким способом общий силуэт, художник добавил рога и ноги, а поверх элементарных геометрических фигур начертил рисунок, достаточно близкий натуре. Орел изображен с помощью звезды, тогда как туловища и шеи двух страусов следуют дугам круга. Такое конструирование помогало связать отдельные части тела, дать ту или иную фигуру в движении, запомнить ее основные пропорции.

Виллар де Оннекур возглавлял мастерскую строителей и скульпторов. Его книга — практическое руководство для самого автора и членов его артели. Многие рисунки, скопированные с современных художнику произведений, в свою очередь служили «образцами» для создателей скульптуры, витражей и декоративного убранства соборов. Недаром альбом переходил из рук в руки, им поль-

зовались до XV в. Это свидетельство всеобъемлющей премудрости мастера с гордостью демонстрировали заказчику. Виллар и его преемники могли предложить услуги не только как архитекторы, при случае они умели изготовить пюпитр для чтения евангелия или ручную грелку для епископа.

Не исключено использование западных альбомов «образцовых чертежей» и в зодчестве Владимира-Сузdalской Руси.

«Архитекты присланные»

Расцвет Владимирской земли связан с княжением смелого и крутого Андрея Боголюбского, человека высокой культуры (1157—1174). Упорная политическая и идеологическая борьба выдвинула Северо-Восточную Русь на первое место в системе русских княжеств. Поддержка служилых дворян и «мизинных людей» — горожан — позволила великому князю нейтрализовать центробежные силы местной знати, на время покончить с усобицами — «тьмой разделения нашего» — и укрепить свою власть во Владимиро-Сузальском княжестве.

Продолжая политику своего отца Юрия Долгорукого, Андрей «град же Владимир разшири и умножи, всяких в нем жителей, яко купцов, хитрых рукодельников и ремесленников разных, населил»¹⁹. Он начинает лихорадочную деятельность по укреплению и обстройке своего столичного города — соперника Ростова и Киева. Холмы и долы новой столицы украшаются златоглавыми белокаменными храмами — памятниками княжеских дел и славы.

Борьба за общерусскую гегемонию сопровождалась и оживлением международных контактов Владимира, куда «гость приходил из Царягорода и от иных стран из Русской земли, и аче латинин, и до всего хрестьянства, и до всее погани...»²⁰. Выходцы из Западной Европы — «латиняне» — входили и в число «церковных каменных здателей», призванных реализовать великие проекты владимирского «самовластца». Летописец сообщает: «По вере же его и по тщанью его к святей богородице, приведе ему бог из всех земель мастера»²¹. У автора первого сводного труда по русской истории В. Н. Татищева происхождение «премудрых мастеров» освещено конкретнее: «По спис-

канию бо его [Андрея] даде ему бог мастеров для строения онаго и из иных земель, которые строили и украсили ее [соборную церковь] паче всех церквей». В примечании к этому тексту сказано: «...Мастера же присланы были от императора Фридриха Первого, с которым Андрей в дружбе был...»²². Итак, «архитекторы присланные» пришли во Владимир из Германии от императора Фридриха I Барбароссы. Вместе с владимирскими мастерами они внесли свой вклад в оформление Владимира и княжеской резиденции — Боголюбова. При участии западноевропейских зодчих в памятники времени Боголюбского (Успенский собор, церковь Покрова на Нерли) проникли романские детали: аркатурно-колончатые пояса, пилястры²³ с полуколоннами, базы полуколонок с угловыми выступами, перспективные порталы, капители. Некоторые из таких элементов, став традиционными, прошли через всю историю древнерусской архитектуры вплоть до XVII в.

По планировке укрепленный ансамбль палат в Боголюбове близок феодальным дворцам — пфальцам — в междуречье Рейна и Эльбы. Переходами и лестничными башнями отдельные постройки объединяются в единый комплекс. В него входит блок парадных комнат — сам дворец в несколько этажей, придворная церковь, связанная с оборонительной стеной, и служебные помещения. Ряды соединенных в группы арочных окон на фасадах пфальцев Эгера и Вартбурга напоминают боголюбовские колончатые пояса. Тройное окно лестничной башни в замке Андрея сохранило чисто романский облик. Видимо, мастера пришли из прирейнских областей (Нижняя Лотарингия, Рейнская область, Вестфалия). Выходцы с Запада работали бок о бок с андреевыми «делателями». Они внесли романские элементы в резное убранство, сохранив общерусские планы и конструкции храмов.

После того как боярскими заговорщиками «убыен бысть великий князь Андрей», его брат Всеволод III Большое Гнездо продолжал укреплять свое «державство», «не обинуяся лица сильных своих бояр». По словам автора «Слова о полку Игореве», этот князь был так могуч, что мог «Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать». При нем в конце XII в. на краю владимирского городского плато возвели небольшую дворцовую церковь в честь св. Димитрия. Памятник выполнен царственного величия. Его стены над аркатурно-колончатым фризом и

барабан купола украшены силошным белокаменным «ковром».

Хотя, по словам летописца, «великий Всеволод» уже «не искал мастеров от немецъ», но и он не обошелся без привлечения «каменодельцев» с Запада. В Дмитриевском соборе размещение некоторых рельефов соответствует их месту в романской, в частности западнофранцузской архитектуре (Самсон со львом, борцы и др.). Но если в романских церквях, где в скульптурном убранстве основную роль играет портал, они располагались над входом или по сторонам его, то в Дмитриевском соборе, где композиционные центры тяготеют к закомарам²⁴, рельефы помещены по сторонам окон или над ними. Например, позу двух львов с общей головой, очень искусственную в изолированном виде, определяло центральное положение в архивольте²⁵ романского портала, где сросшихся зверей сжимали соседние рельефы. Следуя местным традициям, резчики могли использовать западноевропейский комплект рисунков, где было указано место определенных мотивов. Некоторые особенности резного декора Дмитриевского собора находят аналогии в памятниках провинции Пуату. Особенности школы Пуату — обилие скульптуры на западном фасаде с ярусами аркатурно-колончатых фризов и статуями святых.

Из «узорочья» Успенского собора

Убранство зданий, построенных Боголюбским, восхищало современников. Блеск позолоты на утвари владимирского Успенского собора напоминал о великолепии храма «премудрого» библейского царя Соломона.

«Князь же Андрей ... доспе церковь камену сборную святыя Богородица пречюди... Каменьем дорогым и жемчугом украси ю многоценным и всякими узорочьи удиви ю; и многими поника дely золотыми и серебряными просвети церковь, а онбон от злата и серебра устро..., а трие ерусалими велми велиции иже от злата чиста, от каменя многоценныи устрои, и всими виды и устроеньем подобна быста удивлению Соломонове святая святых»²⁶.

В «строение церковное» входили и шедевры ювелирного дела «латинян».

Выдающимися специалистами по художественной обработке металла слыли мастера Лотарингии — области в долинах рек Мааса и Мозеля. Их влияние простипалось до Саксонии, Польши, Чехии и Венгрии. По заказам знатнейших духовных сановников и князей в лотарингских мастерских изготавливали реликварии, монументальные кресты, подсвечники, оклады книг и переносные алтари, перед которыми молились в далеких походах. Слабое разделение труда обусловливало всестороннюю подготовку средневекового ювелира. Ремесленник попеременно выступал литейщиком, чеканщиком, гравировщиком и эмальером. Наиболее умелые среди золотых дел мастеров занимали привилегированное положение в обществе.

Вместе с «мастерами всякими» изделия лотарингских и рейнских ювелиров попали и в Северо-Восточную Русь. В прошлом веке в ризнице Успенского собора хранилась медная пластина со сценой воскресения Христа. Парную ей пластину с композицией распятия обнаружили в одном из монастырей Владимирской губернии. Судя по форме и размерам, обе накладки, известные в литературе, как «на-плечники Андрея Боголюбского», украшали полусферическое подножие креста, которое могли поддерживать бронзовые фигуры евангелистов. Изображения на выпуклой лицевой стороне пластин исполнены выемчатой эмалью на позолоченном фоне. Лица и открытые части тела персонажей оставлены в металле, гравированы и позолочены, аrezы рисунка заполнены темной эмалью.

Владимирские накладки вышли из мастерской знаменитого ювелира Годфруа де Клер из Гюи. С именем этого валлонца, прозванного де Клер Знатный, связан расцвет эмальерного дела в Лотарингии в третьей четверти XII в. Влияние талантливого мастера, создателя «живописного» стиля и особой техники, еще долго ощущали ювелиры Мааса. Его подписные работы неизвестны, но архивные документы позволили отнести к кругу изделий Годфруа ряд анонимных вещей из музеев и ризниц церквей. Светский мастер Годфруа де Клер был типичным странствующим ремесленником, сумевшим побывать даже в Палестине. В 27 лет он покинул свой родной город Гюи и с тех пор кочевал по разным странам Европы: работал в Льеже — столице валлонского Мааса и при дворе германских императоров. Несколько лет художник провел в

Париже, где принял участие в украшении бенедиктинского аббатства Сен Дени, знаменитого своими святынями, могуществом и богатством, куда сходились все чины управления Францией. Прославленного мастера с его помощниками пригласил сюда энергичный и высокообразованный аббат Сугерий, политик и историк, советник Людовика VII и регент Франции во время участия короля в крестовом походе. Этот «муж добра, лов извне, но агнец сердцем», всемерно способствовал укреплению центральной власти и возвеличению королевской резиденции — Парижа. Под его личным надзором в стиле ранней готики перестроили церковь Сен Дени. Для ее оформления аббат св. Дионисия пригласил ремесленников из разных концов Европы. Глубина и чистота витражей со стихотворными надписями самого Сугерия роднит их с работами мастерских севера Франции, мозаики полов свидетельствуют о связях с Италией, скульптура порталов — с Бургундией и Лангедоком. Лотарингские художники по металлу из Льежа и Маастрихта исполнили литургическую утварь для храма. Активное участие художественных сил всего Запада в строительстве, предпринятое Сугерием,— нововведение, ставшее нормой в период готики.

Лотарингские эмальеры обычно сохраняли фон в позолоченном металле (в рейнских работах фон заполнен эмалью). Будучи образованными людьми, они любили давать пояснительные надписи-легенды. Маасские эмали отличает удивительное богатство палитры, интенсивные яркие цвета. Смело противопоставляются голубой, зеленый, белый в сочетании с красным, желтым и фиолетовым. Одну и ту же выемку заполняли эмалью разных цветов, образующих постепенные переходы, что создавало игру светотени, и фигуры приобретали рельефность. Годфруа де Клер — мастер полихромного тонирования эмалей и, может быть, изобретатель этой техники.

Созданные им композиции отличает склонность к повествовательности. Они сложны по построению и включают большое число действующих лиц. Фигуры покрывают всю поверхность, располагаясь в несколько ярусов. Движения персонажей свободны и естественны, одежды легко облегают их стройные тела. Подробно развернут драматический рассказ о смерти и триумфе Христа. В живописных группах как бы застыли эпизоды религиозных

мистерий, которые разыгрывали на тесных площадях средневековых городов.

Известно, что лотарингские мастера обогащали христианскую иконографию: на накладке из Владимира вместе с символического образа воскресения — явления ангела святым женам у гроба спасителя — мы видим, как сам Христос выходит из саркофага. Подобная передача сюжета — новшество в западном искусстве XII в.

От «всякого узорочья» и «многоценных сосудов», которыми Андрей Боголюбский украшал интерьеры храмов, до нас дошло (хотя и в неполном виде) еще одно произведение романского круга. Оно происходит из области Среднего Рейна, которая вместе с Лотарингией шла в авангарде европейского искусства обработки металла.

В 1486 г. по повелению Ивана III для Успенского собора в Московском Кремле изготовили драгоценный ковчег в виде модели храма, известный под названием Большого сиона (или иерусалима). Он стоял в алтаре на престоле, а во время церковных служб и крестных ходов его торжественно выносили. Высота сиона, который хранится в Оружейной палате, 94 см. Он представляет собой круглую в плане центрическую церковь — ротонду из позолоченного серебра с чернью. Архивольты закомар нижнего яруса ковчега опираются на полуколонки с романскими базами и капителями. В промежутках между колонками стоят чеканные рельефные фигуры 12 апостолов.

Такое устройство низа сиона характерно для крупных реликвариев второй половины XII в., выполненных ювелиром Фридериком в мастерской при монастыре св. Пантелеона в Кельне. Аркатурно-колончатый фриз с Христом и апостолами в рост — обязательный элемент их декора. По стилю изображения апостолы близки скульптурам святых на кельнских реликвариях. Фронтальные и неподвижные фигуры напоминают колонны позднероманских порталов. Тяжелые одеяния драпируют слабо моделированные тела. Укороченные ноги кончаются неестественно крохотными ступнями. Массивны выпуклые головы с «параболическим» профилем. Выпученные глаза пристально смотрят вдаль. На плоских пластинах фона выгравированы волнистые стебли с пальметтами — мотив, расцветающий в творчестве Фридриха и его учеников.

Верхняя часть сиона с традиционным русским пятиглавием переделана в 1486 г., но орнамент в трехлопаст-

ных арках, где пророки и фантастические животные выступают из растительного плетения, скопирован с предшествующего памятника. Крылатые и бескрылые четверопогие возле пророков, видимо, заменили драконов — символы побеждаемых церковью сил зла. Они сохранили характерный романский облик: маленькие головы с острыми ушами, длинные изогнутые шеи, крылья. Наконец, S-образные драконы в окнах барабана сиона похожи на химер ажурного гребня крыши реликвария св. Марина работы Фридерика.

Первоначально кельнский реликварий, низ которого сохранился без особых изменений, имел башенную композицию из постепенно уменьшающихся кверху объемов. Цилиндрическое основание завершал усеченно-пирамидальный «шатер» с маленькой башенкой.

Таким образом, реликварий, модифицированный при Иване III, обнаруживает связи с кельнской мастерской монаха Фридерика. Его изготовление в 60-е годы XII в. совпадает по времени с призванием князем Андреем иноzemных мастеров. С берегов Рейна «башенный» реликварий доставили во Владимир (надо думать, в разобранном виде). Его можно связать с одним из четырех больших «златых» (т. е. позолоченных) иерусалимов, которыми, по летописному известию 1175 г., князь Андрей украсил Успенский собор во Владимире и церковь в Боголюбове.

Серебряный фонтан Каракорума

Когда после длительного и утомительного путешествия Гильом Рубрук со своими спутниками достиг Каракорума, столицы Монгольской империи, он застал там небольшую колонию выходцев из Западной Европы. Записки этого неустрашимого, энергичного и умного монаха-минорита²⁷ — единственный источник наших знаний о маленькой католической «общине» на службе у великого хана монголов. С того момента, как Рубрук с благословения Людовика IX отправился через Ближний Восток в Монголию, он начал собирать информацию о своих соотечественниках в глубинах Азии.

Во время странствий вместе с ханской ставкой по обширным, как море, равнинам Монголии Рубрук встретил женщину из лотарингского города Меца по имени Пакет-

та. Она была замужем за русским, который умел строить дома. В Каракоруме французский посол застал остальных европейцев: Базиля, сына англичанина и племянника нормандского епископа, парижского ювелира Вильгельма Буша и его жену — дочь уроженца Лотарингии, родившуюся в Венгрии. В этой компании 5 апреля 1254 г. Рубрук отпраздновал вербное воскресенье.

Все его новые знакомые попали в плен в Белграде — городе Венгерского королевства, где в период монгольского вторжения 1241—1242 гг. работали первоклассные французские мастера, подобные Виллару де Оннекуру. С возвращавшимися войсками Батыя их доставили в далекую Монголию. Из разоренных центров завоеватели угоняли в свои кочевья искусных умельцев, которые принимали участие в строительстве новых городов и сооружении синкетической культуры державы монголов. «В земле сарацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам» (Карпини)²⁸. Золотых дел мастера и представители редких профессий, оставаясь невольниками, имели семьи, собственные дома, могли подработать; остальных пленников монголы держали дома на положении бесправных рабов. Выдающиеся мастера поступали в личное владение хана и членов его семьи.

Как невольник жил в Каракоруме и Вильгельм Буш, который провел в Центральной Азии много лет. Сначала он обслуживал брата Мункэ-хана Ариг-Буку, а затем стал главным мастером при дворе самого императора. Благодаря Рубруку мы знаем о нем гораздо больше, чем о других ремесленниках, трудившихся вдали от отчизны.

Вильгельм Буш, сын Лорана Буша, происходил из Парижа. На Большом мосту работал его брат Роже. Эта короткая справка содержит интересные детали, помогающие реконструировать его биографию. Вильгельм принадлежал к семье профессиональных парижских ремесленников. В его времена Большой мост (Мост менял) в Париже, подобно флорентийскому Понте Веккьо, занимали дома и лавки менялов и ювелиров. По северную сторону моста располагались главный мясной рынок города и площадь собраний могущественного цеха мясников. Судя по фамилии мастера, его родичи входили в число этих влиятельных и предприимчивых людей²⁹.

Как его современник и соотечественник из Оппекура, Вильгельм — знаток многих видов ремесла. Всесторонняя активность мастера исключала узкую специализацию: в столице Монголии Бүше выступает как ювелир, скульптор, художник и сведущий в механике инженер. Для католиков Каракорума он исполнил литургические предметы в стиле французской готики: «красивый серебряный крест, сделанный по французскому обычаяу, с серебряным изображением Христа, прибитым поверх» и «железце, чтобы придавать надлежащую форму жертвенным облаткам». «Он приказал сделать на французский лад изваяние святой девы и в окошках, замыкающих его, изваял очень красиво евангельскую историю; он изготовил также серебряный ковчег для сокрытия тела Христова и мощей в маленьких ящичках, устроенных в боках ковчега. Он сделал также часовню на повозке, очень красиво разрисованную священными событиями»³⁰.

Можно вообразить, что чувствовал этот представитель рафинированной французской культуры, когда попал в буйное, неустойчивое и разнородное монгольское общество. Каракорум времени Мункэ-хана был удивительным городом.

«Там имеются два квартала: один сарацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал катайев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеной и имеет 4 ворота»³¹.

Ханская резиденция, обнесенная кирпичной стеной, состояла из большого дворца и длинных домов для хранения сокровищ и съестных припасов. «И дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу»³².

Кроме монголов, Каракорум населяли пленные китайцы, тибетцы и множество христиан: венгров, алан, русских, грузин и армян — воинов, ремесленников, рабов. Ко двору хана съезжались дипломатические миссии далеких стран. Колоритные процесии представителей наро-

дов Азии привлекали всеобщее внимание. Посланник багдадского халифа «приказывал носить себя по двору на носилках между двух лошаков». Послы индийского султана «привели 8 леопардов и 10 борзых собак, наученных сидеть на заду лошади, как сидят леопарды». Ценные дары преподнесли великому хану гонцы турецкого султана. В Каракоруме все было в брожении и становлении, здесь сталкивались разные религии и культуры: несторианско духовенство конкурировало с бритоголовыми буддийскими и ламаистскими монахами, правоверные католики встречались с приверженцами Аллаха, при ханском дворе устраивали диспуты между миссионерами разных вероисповеданий.

Этническая и религиозная пестрота вела к разнообразию художественных стилей. Дворцы Каракорума строили и украшали пленные китайские умельцы. Русский золотых дел мастер Козьма изготовил для хана Гуюка печать и дивной красоты трон слоновой кости. Над ложем больной ханской супруги Кота висела серебряная чаша, напомнившая Рубруку французские: по его предположению, монголы похитили ее в одной из венгерских церквей. Чашу наполнял пепел с черным камнем сверху — христианский потир использовали в шаманской целебной матии. Мункэ-хан и лица из его окружения с интересом перелистывали рукописи с миниатюрами парижской школы, которые при всех превратностях путешествия сумел сохранить посланец Людовика Святого.

Разнородная культурная среда оказала влияние на главное произведение мастерской Буше, отмеченное несомненными чертами эклектизма. В числе пятидесяти работников, которых хан предоставил для его создания, могли быть и «идолопоклонники» (буддисты) и мусульмане — мастера из Китая, Средней Азии, Ирана и Месопотамии. Рубрук подробно описал это необыкновенное сооружение:

«...При входе в него [дворец] мастер Вильгельм парижский сделал для хана большое серебряное дерево, у корней которого находились четыре серебряных льва, имевших внутри трубу, причем все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутрь дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой — каракосмос, то есть очи-

щенное кобылье молоко, из третьей — бал, то есть напиток из меду, из четвертой — рисовое пиво, именуемое терракина. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. На самом верху сделал Вильгельм ангела, державшего трубу, а под деревом устроил подземную пещеру, в которой мог спрятаться человек... И сначала он устроил раздувальные мехи, но они не давали достаточно ветру. Вне дворца находился подвал, в котором были спрятаны напитки, и там стояли прислужники, готовые потчевать, когда они услышат звук трубы ангела. А на дереве ветки, листья и груши были серебряные. Итак, когда начальник виночерпие нуждался в питье, он кричал ангелу, чтобы загудела труба; тогда лицо, спрятанное в подземной пещере, слыша это, сильно дуло в трубу, ведущую к ангелу; ангел подносил трубу ко рту, и труба гудела очень громко. Тогда, услышав это, прислужники, находившиеся в подвале, наливали каждый свой напиток в особую трубу, а трубы подавали жидкость вверх и вниз в приготовленные для этого сосуды, и тогда виночерпии брали напиток и разносили его по дворцу мужчинам и женщинам»³³.

Фонтан Мункэ-хана находит параллели на Ближнем Востоке и в Византии, хранивших традиции эллинистической механики. В багдадском дворце халифа Муктадира посреди круглого пруда стояло дерево с золотыми и серебряными ветвями. В трепетавшей на ветру разноцветной листве щебетали серебряные птицы. Древо, осенявшее престол государя, описано в «Шахнаме»:

Из золота ветви, а ствол — серебро,
И собраны в гроздья алмазы хитро...
Ты мог бы заметить, взглянувшись в листву,
Из золота персики, груши, айву...³⁴

Фирдоуси

В приемном зале Большого дворца Константинополя чужеземных послов изумлял императорский «престол Соломонов». Трон охраняли большие статуи львов, а на ветвях бронзового позолоченного дерева сидели механические птицы. По словам Константина Багрянородного, «когда логофет³⁵ заканчивает свои обычные вопросы, то львы начинают рычать, птицы [на седалище трона и на деревьях] начинают петь и звери, находящиеся на троне, поднимаются на своих подножиях... В это время иноzem-

ными послами вносятся дары и вслед за тем начинают играть органы, львы успокаиваются, птицы перестают петь и звери садятся на свои места»²⁶. Как показывает альбом Виллара де Оннекура, устройство гидравлических и пневматических «автоматов» хорошо знали и европейские мастера. Одним из них был Вильгельм Буше. Достижения инженеров своей страны он перенес на верхний Орхон в среду полуварварской кочевой аристократии, стремившейся следовать стандартам передовых цивилизаций.

В произведении Буше отразились и представления народов Восточной Азии. Драконы («змеи») и стилизованные тигры («львы») связаны с дальневосточным космологическим символизмом. Дракон и тигр воплощали вселенский размах власти государя — сына Неба и правителя Земли. Древо перед его троном рассматривали как национальную и династическую эмблему Чингизидов. На фоне пустынной природы Монголии деревья выглядели знаками божества и самой жизни. В преданиях о Чингисхане их почитание переросло в родовой культ ханской фамилии. Серебряное дерево в приемном зале Каракорума — знак святости места, где в дни «великих торжеств» на возвышении восседал богоравный хан, символ его владычества. Удовлетворяя каприз своего властительного хозяина, парижский мастер изучил и придворный этикет, и чуждые ему обычай монголов.

В этой работе Буше не мог обойтись без широкого привлечения азиатских мастеров. Его произведение, созданное в космополитическом окружении монгольского правителя,— яркий пример их сотрудничества в области духовной культуры и художественного ремесла. Деятельность Вильгельма Буше в описании французского миссионера — удивительный документ о богатой событиями эпохе и полной приключений жизни.

Г л а в а 6

«МЫ УШЛИ НА ВСТРЕЧУ ПЛЯСКЕ И СМЕХУ»

И так он (Тиль) станет странствовать по разным землям, восхваляя все правое и прекрасное, смеясь во всю глотку над глупостью.

Шарль де Костер

редневековый человек умел не только молиться, но и веселиться. Светская музыка, пение, танец, представления скоморохов обладали неизъяснимым очарованием для общества, скованного религиозными догмами и запретами. Праздник расцвечивал живыми и яркими красками окружающий мир:

Народ шумит, народ кричит,
Навстречу музыка звучит.
Дорога застлана шелками,
Как будто небо облаками...
Когда, прогнав заботу вон,
Певучий колокольный звон
Все закоулки оглашает,
Он гром небесный заглушает,
Пускаются девицы в пляс.
Какое пиршество для глаз!
Кругом веселые погудки,
Литавры, барабаны, дудки,
Прыжки забавников-шутов.
Возликовать весь мир готов,
Сияют радостные лица ¹.

Крестьян де Труа

Смеясь, средневековый человек хотя бы ненадолго разделялся со страхом перед священным и авторитарным. Трагические стороны бытия и боязнь загробного возмездия временно отступали перед необузданной праздничной стихией. Вольное веселье на карнавальной площади из-

бавляло от ненависти и смеялось над глупостью, дуоково раскрецощало, давало разрядку и успокоение. «Праздничность ... становилась формой второй жизни народа, вступившего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия»². Смех обретал формы грубого натурализма и буйной ярмарочной буффонады. Он бросал вызов благоговейной серьезности и официальной обрядности, нарушал привычный порядок вещей. Он «выворачивал» реальность «наизнанку» и, выбивая ее с проторенной колеи, переводил в пародийный план. И тогда в карнавальной сутолоке появлялись шутовские раблезианские фигуры: «Принц любви» верхом на свинье и «Король дураков», который вел лошадь за хвост, «Аббат наслаждений», тянувший вино из бутылки в виде молитвенника, и «Аббат предусмотрительности» с огромной колбасой, «обеспечивающей его брюхо». Юмор и игра меняли местами великое и смешное, красивое и уродливое, человеческое и животное.

Постоянными носителями карнавального начала в средневековом обществе являлись странствующие актеры-гистрионы, потешники. Во Франции их называли жонглерами, в Германии — шпильманами, на Руси — скоморохами. Обычно гистрион выступал как гимнаст, музыкант, плясун, песенник, мимиический актер и дрессировщик.

«Ты должен играть на разных инструментах, вертеть на двух ножах мячи, перебрасывая их с одного острия на другое; показывать марионеток; прыгать через четыре кольца; завести себе приставную рыжую бороду и соответствующий костюм, чтобы рядиться и пугать дураков; приучать собаку стоять на задних лапах; знать искусство вожака обезьян, возбуждать смех зрителей потешным изображением человеческих слабостей; бегать и скакать по веревке, протянутой от одной башни к другой, смотря, чтобы она не поддалась...», — поучал трубадур Гиро де Калансон жонглера Фадета³.

Обличители мирской суетности считали призванное забавлять ремесло жонглера несовместимым с религиозной моралью. Несмотря на нападки ревнителей благочестия, скоморохи-одиночки или целые группы потешников выступали и на паперти перед простонародьем, и в дворцовых апартаментах, и даже в домах священнослужителей. Их импровизированные «арены» не требовали специальных помещений и декораций. Замок, постоянный двор, рыночная площадь — вот естественный фон представле-

Музыканты, акробаты, танцор, танцовщица. Гравировка на серебряной крышке, найденной в Ненецком национальном округе. Византия, XII в. Государственный Эрмитаж

ния. Лишние защиты государства и общества (на Руси «походные» скоморохи приравнивались к «бражникам кабацким»), бродячие комедианты путешествовали месяцами, недоедали, мучительно боролись с усталостью, страдали от ночной стужи. Их фургоны, запряженные тощими лошадьми, колесили по всем дорогам. Взаимная поддержка, тесная товарищеская сплоченность были непременным условием существования этих бесправных и гонимых людей. Маленькая замкнутая труппа нередко составлялась по семейному принципу. Как и в новые времена, профессиональные секреты циркового искусства передавались от отца к сыновьям.

Акробаты на шесте

В августовские календы⁴ 949 г. личный секретарь итальянского короля Беренгария Лиутпранд отправился послом в Византию. Он миновал Павию, спустился по реке По и через Венецию прибыл в Константинополь. Император Константин оказал посланнику «неслыханный и удивительный прием». В высокий пиршественный зал, где василевс и его гости возлежали за столом, уставленным золотой посудой, призывали актеров-мимов, музыкантов и акробатов.

«Вышел один человек, который нес на лбу шест, не поддерживая его руками, в 24 или даже более фута, а на нем локтем ниже верхнего конца была перекладина длиной в два локтя. Затем привели двух нагих мальчиков — на них были только набедренные повязки. Они вскарабкались вверх по шесту и выполняли там трюки, потом, перевернувшись головой вниз, опускались по нему, а он остался неподвижным, словно бы врос корнями в землю. Наконец, после того как один из мальчиков спустился, другой, оставшись один, продолжал выступление; это привело меня в еще большее изумление...» (Лиутпранд Кремонский) ⁵.

Сохранились свидетельства и о других придворных спектаклях, где пронзительно звучавшая музыка сливалась с пением, пляской, эксцентрической пантомимой. На званом обеде у императрицы русскую княгиню Ольгу развлекали шуты и эквилибристы. На пышных празднествах, устроенных Мануилом I в честь сельджукского султана Арслана II, выполнял рискованное сальто тюркский акробат.

В красочные зрелища выливались интермедии на знаменитом ипподроме столицы империи, где в интервалах между забегами колесниц толпу потешали бродячие актеры. По рассказу еврейского путешественника Вениамина Тудельского, в 1161 г. в праздник рождества Христова на ипподроме в присутствии императора и императрицы показывали «изображения всех живущих на земле племен и народов. Туда же выпускают на травлю зверей: львов, медведей, леопардов, диких ослов, а также различных птиц,— писал он.— Подобного увеселительного зрелища нет в целом мире» ⁶.

Собирая толпы любопытных, наполняя улицы и площади Константинополя шумным, беспорядочным весельем, гистрионы не скучились на острые словечки, а, намекая на злободневные события или пародируя знатных особ, использовали язык иносказаний и аллегорий. Актеры-мими, виртуозно владея жестом и движением, приемами гротеска и клоунады, разыгрывали смешные сценки из обыденной жизни. В импровизированных фарсах оживали «вечные» сюжеты — старые, как мир: похождения неверного супруга и молодого гуляки, фиаско влюбленного старика, заключения глупого скupца, сводника или незадачливого простака. Под влиянием негреческого населения столицы мими создали собирательные образы

«араба» и «армянина». Эти представители лукавого бродячего племени приводили с собой всевозможных забавных животных. Ученые обезьяны в доспехах пародировали рыцарские турниры; собака, ходившая на задних лапах, отыскивала спрятанные предметы или вытаскивала из рядов хохотовших зрителей то «скрягу», то «расточителя», то «развратника», «рогоносца» или «шулера»; наряженный медведь с уморительными ужимками изображал хмельных монахов и судейских крюкотворов. Разноцветные говорящие попугай предсказывали будущее. Покачивая косматыми горбами и позванивая бубенцами, степенно шли верблюды, грозно рычали в клетках львы-плясуны, тащился на цепи крокодил. Представления бродячего цирка вдохновляли художников-миниатюристов. В греческих рукописях появляются фигурки музыкантов, танцовов в платье с длинными рукавами, акробатов, стоящих на руках, дрессированных обезьян, верблюдов, слонов.

Часто в Константинополе «гастролировали» выходцы с Востока: поводыри экзотических животных, арабские и сельджукские гимнасты, индийские укротители змей. Византийский историк Никифор Григора (XIV в.) дивился «необычайному и чудесному» искусству акробатов, выступивших на ипподроме:

«Они вышли первоначально из Египта и сделали как бы круг, пройдя к востоку и северу Халдею, Аравию, Персию, Мидию и Ассирию, а к западу Иверию, лежащую у Кавказа, Колхиду, Армению и другие государства, идущие до самой Византии, и во всех странах и городах показывали свое искусство... Нередко, обрываясь, эти люди ушибались до смерти. Из отечества их отправилось больше сорока человек, а достигло Византии в добром здоровье меньше двадцати... Несмотря на то, собирая со зрителей большие деньги, они продолжали ходить всюду... Оставив Византию, они через Фракию и Македонию достигли до Гадир, и таким образом почти всю вселенную сделали зрительницей своего искусства».

Эти универсальные артисты, каждый из которых «знал все», выполняли сложные трюки на канате, демонстрировали мастерство джигитовки, подбрасывали и ловили хрупкие стеклянные шары. В их репертуар входил и номер, некогда удививший Лиутпранда:

«Иной ставил на голову свою длинное копье, не меньше трех сажень, снизу доверху обвитое веревкой, образовавшей выступы, за которые мальчик ухватывался руками и ногами и, поочеред-

но передвигая руки и ноги, в короткое время достигал самой верхушки копья, с которой потом и спускался вниз. В то же самое время имевший на голове копье безостановочно прохаживался взад и вперед»⁷.

Восходя к театру античных мимов, искусство средневекового «цирка» и «эстрады» по самой своей природе было международным. Для бродячих трупп не существовало языковых барьеров: выступления музыкантов, укротителей диких зверей, фокусников-иллюзионистов и мимов, «говоривших» лицом и руками, не требовало перевода. «Тех, кто изъясняется телодвижениями, все и поймут одинаково» (Эразм Роттердамский)⁸. Похожие номера демонстрировали и греческому василевсу, и киевскому князю, и императору династии Тан. «Однажды император устроил в башне «Циньчжэнлоу» большое музыкальное представление. В это время в Цзяофане⁹ особым искусством славилась госпожа Ван. Она держала на голове бамбуковый шест в сто чи¹⁰ высотой, шест оканчивался площадкой с деревьями и горами... и маленький мальчик с красным флагжком в руках без устали плясал, то появляясь среди деревьев и гор, то скрываясь за ними»¹¹. Атлет-гигант с шестом, по которому взбирается мальчик-акробат, изображен в росписях лестничной башни киевского Софийского собора (XI в.). Этот трюк могли показывать скоморохи, бродившие по городам и селам Руси:

Веселые по улицам похаживают,
Гудки¹² и волынки понапишают,
Промежду собою веселы разговаривают:
«А где же веселым будет спать — ночевать?»¹³.

Формы театрально-зрелищного искусства эпохи Средневековья обладали особой мобильностью. Странствующие актеры легко разносили их по всему свету. Так, на протяжении столетий византийская народная музыка подвергалась влиянию восточной: мелодию исполняли на различных по своему тембру струнных, духовых и ударных инструментах. Благодаря культурным контактам эти инструменты теряли свои местные особенности.

На трубах начали играть, забили в барабаны,
Звучало сладко пение, звучали их кифары,
Разнообразной музыки звучанье раздавалось¹⁴.

Кочующие актеры «Западного края». Танкская терракотовая статуэтка, VIII в.

Подобная музыка с ее пестротой ритмов, проникая во все слои общества, сопутствовала пирам, свадьбам, охотам. По своей структуре она сближалась с арабо-персидской, где задавали тон светские музыкально-поэтические жанры, связанные с дворцовыми увеселениями. Мелодии многоязычной уличной толпы Константинополя звучали даже на официальных торжествах: свадебные церемонии проходили под аккомпанемент тамбуринов и кимвал¹⁵, рождественские пляски ряженых сопровождались игрой на лютнях. Иногда благолепные песнопения и славословия императору заглушались целыми ансамблями «игрецов» — веселый и дерзкий народ заполнял царские покои.

Интенсивный взаимообмен в области театрального творчества происходил на всем протяжении Великого шелкового пути. Нововведения, возникавшие в определенном регионе, за короткий срок становились всеобщим достоянием. С VII в. музыкальная культура Востока развивалась

вне локальных границ. Этому немало способствовали странствующие актеры: мужские и женские ансамбли со сходными по составу инструментами выступали перед шахиншахами сасанидского Ирана (на скальные рельефы Так-и-Бостана), на пирамидах согдийских дихкан (живопись Пенджикента), развлекали омейядских халифов (фрески замка Каср ал-Хайр в Сирии) и владетелей Турфандского княжества (росписи в Синъцзяне).

Иранские и тюркские актеры «Западного края» (Синъцзян, Средняя Азия, Афганистан, Северо-Западная Индия) многое внесли в музыкальную и хореографическую культуру танского Китая:

Юношей из Ташкента (Шиго) люди видят редко,
Танцует на корточках перед винной чашей и носится, словно
птица.

Тканая иноземная шапка, торчит острый ее конец,
Хуское платье тонкой шерстяной ткани, маленькие рукава,
Отбросил блюдо с виноградом,
Поглядел на запад и вспомнил родные места, куда далека
дорога.

Прыгает, крутится, позванивает драгоценный пояс,
Ногами выделывает всяческие коленца — расшищые сапоги
мягки.

Сидящие вокруг не болтают, все глазами впились¹⁸.

Лю Янь-ши

Пестрый и шумно-общительный рой чужеземных музыкантов и танцов заполнял увеселительные кварталы разноцветного Чанъаня. Они желанные гости и при дворе «сына неба», и в домах сановников. Многолюдные хоры мужчин и женщин, отбивая такт ногами, исполняли мелодии Памира; «словно кружящийся снег», носились танцовщицы, «сердца которых зазвучны струнам, а руки покорны барабану»; проворные плясуны родом с запада «выделывали всяческие коленца». Среди иноземных напевов китайские знатоки различали музыку Бухары, Самарканда, Чача.

С песней по свету

И на Западе, и на Востоке полную случайностей жизнь кочевников вели поэты и певцы, одержимые беспокойным «духом бродяжничества». Материальная необеспеченность

и зависимость от прихотей богатого покровителя, неудовлетворенность настоящим и стремление к новизне обрекали их на вечные скитания. Многие в течение жизни так и не находили постоянного пристанища: политические бури, войны и тяга к перемене мест носили их по волнам житейского моря до конца дней.

Себе порой я в тягость сам,
Мне нет нигде покоя —
Сегодня здесь, а завтра там —
Желание такое!

Тангейзер

Кочевую жизнь профессионального певца вел и видный немецкий лирик Вальтер фон дер Фогельвейде и рыцарь из Баварии Тангейзер, вокруг имени которого сложились легенды. Первый, покинув Вену, много странствовал по Германии, Италии и Франции, а второй в заботе о спасении души испытал все тяготы морского путешествия в Палестину. «Двенадцать яростных ветров» Средиземноморья дули в паруса его корабля:

Ах, тот, кто движется вперед,
Счастливейший на свете!
А я все жду, когда придет
Ко мне попутный ветер!
Сирокко шел с востока,
Летела трамонтана,
Зюйд-вест трубил жестоко
С пустыни океана.
Мистралем обжигало и греческим пронзило,
Норд-ост дул и аразура, левант им отвечал,
Подуло африканским, турецким просквозило,—
Одиннадцать свистели, двенадцатый крепчал.

Временами поэт уже «не чаял избавленья»:

Однажды бурей злою
Меня к скале прижало,
А в этом — я не скрою —
Веселенького мало.
Когда сломались весла, смекните, что случилось!
Порвало парус в клочья, пустило по воде.
Мне все гребцы сказали, что им не приходилось
Терпеть, как этой ночью, и я скорбел в беде ¹⁷.

Согласно Саади, путешествия неотделимы от ремесла певца, «который голосом Давида останавливает течение воды и птицу в полете». Специальные наставления скоморохам-мутрибам¹⁸ гласили: при входе во дворец нельзя хмуриться; следует заучить много газелей¹⁹ на все случаи жизни — о разлуке и свидании, верности и жестокости, наслаждении и жалобе. Сообразно времени года нужно выбирать песни весенние и осенние, зимние и летние. «Если бы даже ты был несравненным мастером своего дела, все же смотри на вкусы твоих слушателей» («Кабус-намэ»)²⁰.

Народные сказители странствовали по Востоку вплоть до недавнего времени. Экспедиция Н. К. Рериха встречала их даже на безлюдных просторах Центральной Азии: «В пустыне вас нагоняет проезжий певец — сказитель легенд и сказок — бакша. За плечами его длинная ситара²¹, в сумках седла несколько разных барабанов. „Бакша, спой нам!“ — И бродячий певец опускает поводья своего коня и вливает в тишину пустыни сказ о Шабистане, о прекрасных царевичах и добрых и злых волшебницах»²².

В раннесредневековой Европе, где знание ученой латыни монополизировала просвещенная элита, эпическая поэзия на народных диалектах распространялась в устной передаче. Носителями живого слова для не умевших читать, но любивших слушать, стали жонглеры — профессиональные певцы и декламаторы-исполнители, а иногда и авторы песен, поэм и повестей. Они комбинировали прозу со стихом: прозу передавали в декламационной манере, стиховую часть пели. В исполняемых под музыкальный аккомпанемент эпических сказаниях, где историческая канва почти исчезла под разновременными напластированиями, запечатлелась коллективная память и коллективная фантазия народа, переданные певцу длинной чередой поколений. Бережно хранимые воспоминания о «славных деяниях предков» окружал ореол древности; достоверность занимательных повествований о былом ни в ком не вызывала сомнений. В героических поэмах черпали образцы для подражания; средневековый люд находил в них поучение и забаву. Появление светской литературы на народных языках не преуменьшило роли фольклора, ибо доступ к книге оставался привилегией немногих избранных. Поэтому устное творчество пережило века.

Общедоступность искусства бродячих певцов обеспечивала им многолюдную и пеструю аудиторию. Их песни звучали в деревне и городе, на корабле и в таверне, на церковной паперти, в замке и монастыре. Когда вокруг жонглера собирался все возраставший кружок слушателей, он энергичным возгласом призывал к тишине и начинал речитатив, аккомпанируя себе на маленькой арфе или виоле. Героико-эпическую песню или духовный стих жонглер исполнял торжественно-приподнято. Рассказывая сказку или полную плебейского задора новеллу, он добивался наглядности повествования, старался «заразить» слушателей своими чувствами:

«Он то повышает, то понижает голос, делает паузы, играет и жестикулирует... Настроение и восторг слушателей передаются и ему и, особенно, когда аудитория не может сдержать смеха, он увлекательно и заразительно хохочет вместе с ними, прерывая рассказ. Необычайно подвижно и его лицо. Морщины его то собираются, то разглаживаются, брови наступают, когда речь идет о суровых и печальных фактах; с появлением же в рассказе сентиментальных и идиллических сцен на его лице появляется улыбка. В торжественных и патетических местах он приподнимается, лицо становится суровым, поднимает руку и грозит пальцем»²³.

И слушатели не скучились на монетки, которые бросали жонглеру, «завернув полу кафтана». Знатный сеньор щедро награждал сказителя, который достойно восхвалил подвиги его предков на званом пиру. Духовные лица поощряли исполнителей благочестивых поэм о чудесах святых и знаменитых реликвиях. Вместе с торговыми караванами, паломниками или крестоносным ополчением жонглеры переправлялись через широко разлившиеся реки, заходили в богатые и славные города, пересекали границы нередко враждующих государств. Они поспевали везде, всегда оказываясь там, где скапливался народ: на церковном празднике и ярмарке, на выборах нового папы и свадебном торжестве в замковых покоях. Перед ними опускались подъемные мосты замков, гостеприимно распахивались ворота дворцов и двери деревенских харчевен. Знали, что их приход нарушит унылую монотонность будней, введет в соприкосновение с широким миром, раскинувшимся за пределами ближней округи.

Жонглеры происходили из разных сословий. Среди них были разорившиеся крестьяне, ремесленники, проме-

нявшие свои инструменты на виолу и арфу, безместные клирики и даже отпрыски владетельных семей. Пешком, в седле или повозке они блуждали по свету, сочетая пение и игру на инструментах с цирковыми трюками. Они ночевали в придорожных кабачках, песнями расплачиваясь за приют, а в теплое время года располагались прямо под открытым небом. Они нищенствовали и голодали, их существование было полно превратностей и унижений в погоне за куском хлеба. «Жалко смотреть на него, оборванного, босого, без рубахи, при северном ветре, на дожде. Но, несмотря на все это, он всегда весел, его голова всегда украшена розами; он непрестанно поет и просит у бога только одной вещи — чтобы все дни недели превратились в воскресенья» (Роман о Бевисе Гемптонском, XIII в.)²⁴. Церковные власти косо поглядывали на «праздношатающихся» потешников, осуждая «непристойные пляски и движения», «низкие и бесстыдные песни». О них рассказывали небылицы: эти «бесовы рассказчики» и «иудины дети» лживой прелестью своих заклинаний способны вызывать полчища демонов. В обществе, где одно из правил общежития гласило: «человек безродный и неоседлый бесчестен», не вызывал одобрения и образ жизни бродячих артистов.

Шуты, жонглеры — сыновья Иуды —
Болтали вздор, ломали дурака,
Однако ж, как и всем, в поту трудиться
У них вполне достало бы ума.
Про них сказал еще апостол Павел,
Что сквернослов — угодник Сатаны.

Пояльнее относились к жонглерам, которые «воспевают подвиги властителей и жития святых, утешают людей в их горестях и скорбях».

Другие ж в менестрели подрядились
И добывали хлеб веселой песней,
За это их никто не обвинит²⁵.

Вильям Ленгленд

Те, которые снискали вельможное покровительство, надолго оседали в замках королей и баронов, причисливших их к своему двору. Другие поступали на службу к рыцарям- трубадурам, авторам поэтических текстов.

Жонглеры — исполнители произведений трубадуров и сочинители музыки к ним — стоят у истоков светской музыкальной культуры.

Сигурд-Фафниробойца

Благодаря жонглерам литературные мотивы, из которых рождался книжный эпос и куртуазный роман, кружили по всем европейским дорогам. Над ними было не властно ни пространство, ни время. Из страны в страну передавали сказания о делах давно исчезнувших или вымышленных героев: о дерзаниях Александра Македонского, который, обуздав языческие народы, попытался проникнуть в сокровенные тайны мироздания, о мудрости «седобородого» Карла Великого и мужестве его племянника Роланда, о крестоносцах в «святой земле» и приключениях рыцарей Круглого Стола в баснословном мире фей и волшебников. Сказы о битвах с русскими перемежались преданиями о подвигах Тристана.

В течение веков сюжеты из «золотых времен» седой старины претерпевали удивительные метаморфозы. Каждый поэт обогащал их новыми идеалами, созвучными его эпохе, отражавшими его собственное видение мира и понимание прекрасного. За свою длинную жизнь не раз преображалась «Песнь о Роланде». Незначительные события VIII в.— только ядро монументальной эпопеи, насыщенной идеями религиозной борьбы с магометанством, характерными для эпохи крестовых походов. Перемены в религиозных верованиях, политическом строе, общественных взглядах, обычаях и модах накладывали отпечаток как на форму, так и на содержание произведений. Древние кельтские легенды, проникнутые религиозно-магическими представлениями, к XII в. трансформировались в куртуазные романы о короле Артуре и его благородных сподвижниках. Они поэтически воплотили новые идеалы рыцарства, его мечты о создании религиозно-воинского братства, подобного содружеству паладинов Круглого Стола. В скульптуре романских церквей языческие темы вливались в русло христианского символизма (к примеру, фольклорный мотив змееборчества приобрел значение победы Христа над «великим драконом» — дьяволом).

О широком распространении «бродячих» эпических сюжетов свидетельствуют памятники искусства. Из конца

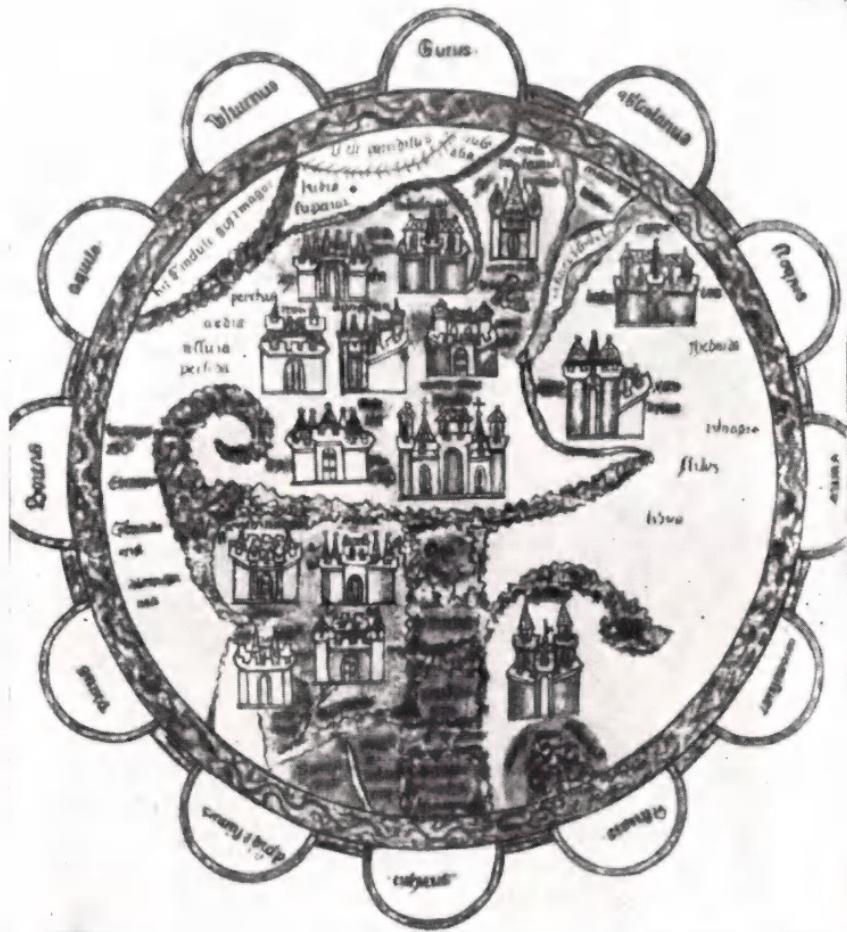

Романские бронзовые изделия с территории Восточной Европы,
XII—XIII вв. (к стр. 10):

1 — ажурный подсвечник (Вестфалия). Государственный исторический музей; 2 — деталь подсвечника (Саксония). Областной краеведческий музей города Донецка; 3 — водолей в форме бюста мужчины (Гильдесгейм). Найден в Прибалтике; 4 — драконовидный водолей (Лотарингия). Ивано-Франковский музей; 5 — водолей в виде конного рыцаря (Саксония). Музей университета Вильнюса

Панотини-ушаны — обитатели «Индии»
Церковь Сен Мадлен в Везеле (Бургундия), XII в.
Скульптура портала (к стр. 16)

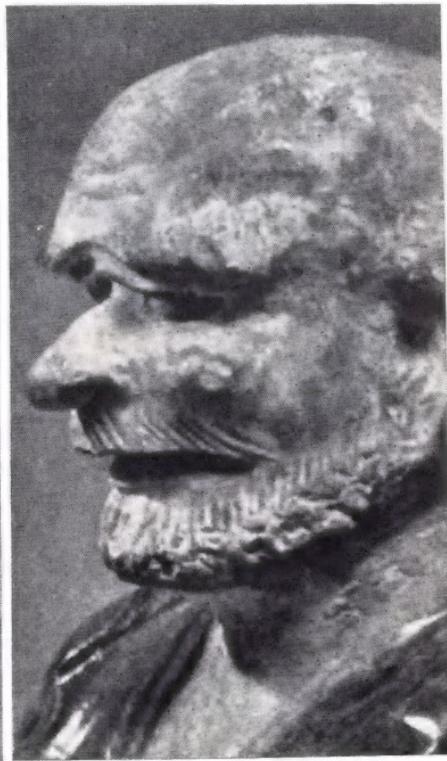

Карта из Сен Дени. Библиотека св. Женевьевы. Париж (к стр. 15)

Согдийские шелка с крылатыми львами (к стр. 46)

1 — Самс; 2 — Дунхуан

Танские терракотовые статуэтки VII—VIII вв., изображающие иностранных купцов (к стр. 47)

Фениксы в искусстве Византии. Костяной ларец из Труа, X—XI вв.
(к стр. 55)

Шествие Диониса. Иранское серебряное блюдо, VI—VII вв. Галерея Фрир
в Вашингтоне (к стр. 60)

Силен со слонами. Ручка серебряной кружки из Афанасьева. Горьковский историко-археологический музей (к стр. 57)

Историанское серебряное блюдо из Григоровского, IX—X вв. Государственный Эрмитаж (к стр. 66)

1

2

Европейские серебряные сосуды (к стр. 82):

- 1 — кружка из деревни Клепикина под Чердынью (Моравия, IX—X вв.);
2 — чаша с нижней Оби (Аквитания, XII—XIII вв.)

Бронзовая статуэтка Будды, обнаруженная вблизи Бирки на острове Хельгё (Средняя Азия (?), IX—X вв.) (к стр. 93)

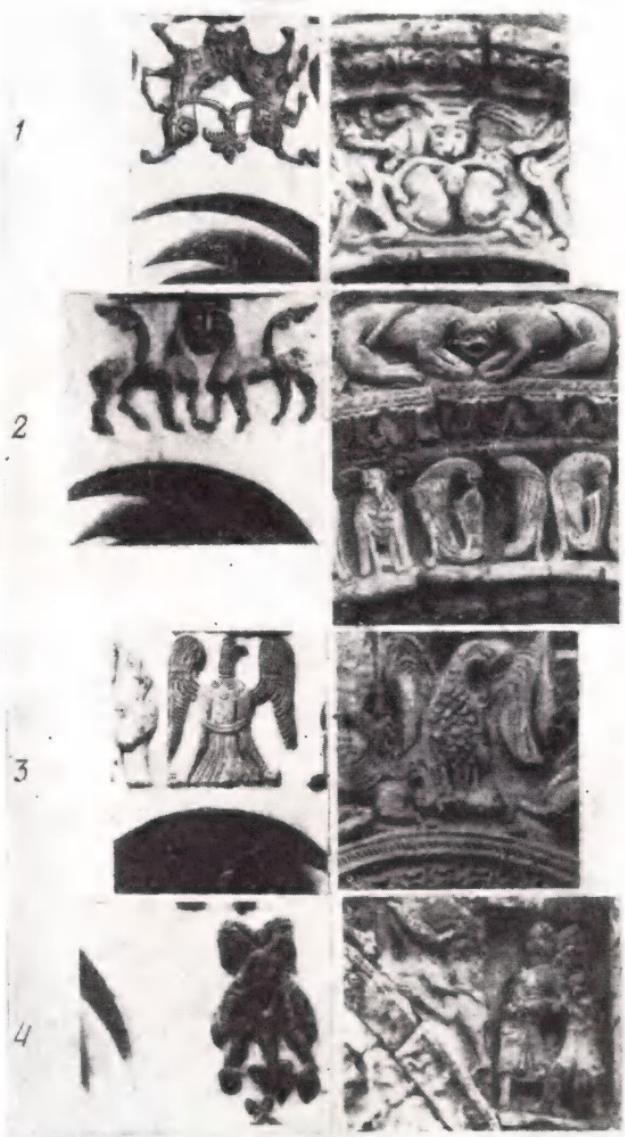
Семья пилигримов. Миниатюра из Библии, исполненной в Арасе, XIII в. Муниципальная библиотека. Булонь (к стр. 99)

Благословение паломника перед отправлением. Миниатюра рукописи XIII в. из библиотеки Безансона (к стр. 98)

Гагатовый образок из Новгорода с изображением св. Иакова (Испания, XIV—XV вв.). Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник (к стр. 105)

Романские мотивы в Димитриевском соборе во Владимире (к стр. 138)

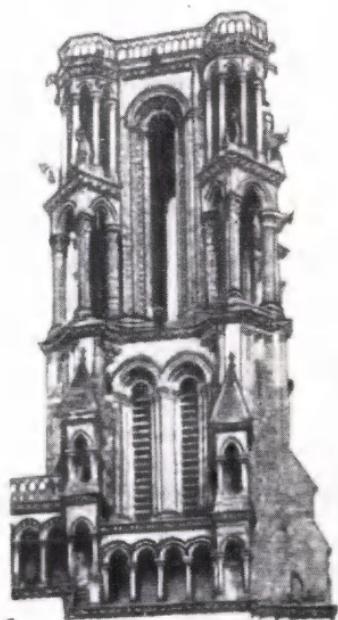
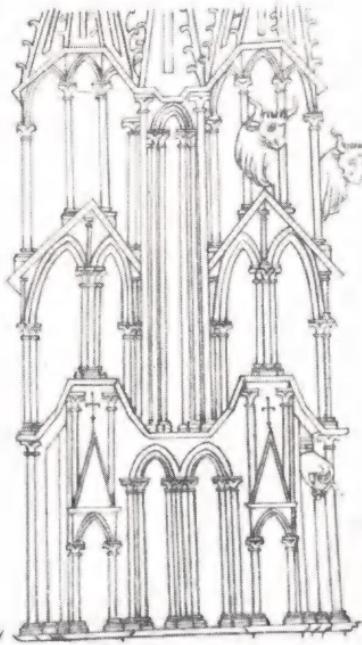
Рельефы Димитриевского собора во Владимире: 1 — два льва с общей головой (западная закомара северной стены); 2 — два льва с общей головой (средняя закомара северной стены); 3 — фронтальный орел (западная закомара южной стены); 4 — борцы (средняя закомара южной стены). Романская скульптура Франции и Италии: 1 — церковь в Лишере (Шаранта, Западная Франция), западный портал; 2 — Нотр Дам в Пуатье (Пуату, Западная Франция), портал; 3 — церковь в Форново, XII в. (Эмилия, Северная Италия), боковой портал; 4 — Нотр Дам в Пуатье, портал западного фасада.

Большой ион Успенского собора, XII—XV вв. Оружейная палата Московского Кремля (к стр. 141)

Лотарингская эмалевая пластина из Северо-Восточной Руси, XII в. Лувр
(к стр. 139)

Башня собора в Лане (к стр. 132)

1 — рисунок Виллара; 2 — современная фотография

Легенда о Сигурде в Испании. Скульптура собора в Сангуэсе, XII в.
(с стр. 161)

Легенда о Сигурде в Норвегии. Резьба по дереву из Сетесдальской церкви, около 1200 г. Исторический музей. Осло (к стр. 161)

Серебряный ковш из «Котукского городка», VIII—IX вв. Деталь. Государственный Эрмитаж (к стр. 164)

Византийская серебряная курильница XII в., напоминающая арабский купольный павильон. Ризница собора св. Марка. Венеция (к стр. 171)

Танцовщицы (к стр. 172)

1 — живопись во дворце халифа в Самарре. Ирак, IX в.; 2 — деталь византийской серебряной чаши, XII в. Государственный Эрмитаж

Львы (к стр. 173, 176)

1 — иранский серебряный кувшин, VII—VIII вв. Национальная библиотека, Париж; 2 — изваяния на столбе в Муассаке (Лангедок), XII в.

Блудный сын. Витраж собора в Бурже, XIII в. (к стр. 184)

в конец христианского мира передавали сказания о Сигурде (Зигфриде немецкой «Песни о nibelungах»). Дорогами паломников, рыцарей и купцов легенда о славном конунге-воителе разнеслась по Европе. Этот герой немецкого эпоса играет центральную роль во многих песнях древнеисландской «Старшей Эдды» и в «Саге о Вёльсунгах». «И как начнут исчислять наиловнейших людей и конунгов в древних сагах, так всегда будет Сигурд впереди всех по силе и споровке, по крепости и мужеству, в коих был он превыше всех людей на севере земли»²⁶.

Одни и те же эпизоды саги о светлооком отроке-змееборце вдохновляли мастеров «севера земли» — Норвегии и скульпторов Испании. Рельефы из цикла о Сигурде помещены в обрамлении портала собора Санта Мария ла Реал в Сангуэсе (вторая половина XII в., Наварра), возведенном на путях пилигримов к св. Иакову Компостельскому. Здесь же проходили рыцари из многих европейских стран, которые среди голых холмов и гор Испании вели «священную войну» против мавров. В этой войне участвовали и выходцы из Скандинавии, сопровождаемые своими жонглерами. Участником реконкисты был тезка героя саг норвежский король Сигурд Юрсальфар (1103—1130).

На одном из рельефов кузнец Регин, колдун и воспитатель героя, выковывает ему меч, который назвали Грам. «Он был таким острым, что Сигурд окунал его в Рейн и пускал по течению хлопья шерсти, и меч резал хлопья, как воду. Этим мечом Сигурд рассек наковалню Регина»²⁷. На другом рельфе смелый юноша своим чудоестественным оружием пронзает лягушку дракона Фафнира — хранителя несметных, но проклятых сокровищ. Возле тропы, по которой Фафнир ползал к водопою, он вырыл большую яму и притаился в ней.

«А когда змей-тот пополз к воде, то задрожала вся округа, точно сотряслась земля, и брызгал он ядом из ноздрей по всему пути, но не устрашился Сигурд и не испугался этого шума. А когда змей проползл над ямой-той, вонзил Сигурд меч под левую ключицу, так что клинок вошел по рукоять. Тут выскачивает Сигурд из ямы-той и тянет к себе меч, и руки у него — все в крови по самые плечи»²⁸.

Те же сцены находим на резных столбах по сторонам входа в деревянную церковь Хюлестаде (долина Сете-

сдалъ) в Норвегии (около 1200 г.). Иллюстрируя «старые сказы» о Сигурде, резчик точно следовал литературному источнику. Кроме ковки меча, показано испытание его на прочность:

«Тогда Регин смастерили меч и дает его Сигурду. Тот принял меч и молвил:

— Такова ли твоя ковка, Регин? — и ударили по наковальне и разбил меч. Он выбросил клинок-тот и приказал сковать новый получше»²⁹.

Над этой сценой Сигурд в шлеме и с миндалевидным щитом пронзает снизу вверх исполнинского Фафнира. У чудовища драконья голова с ощеренной пастью. Длинное змеиное туловище покрыто чешуей.

Сигурд змея сразил, и слава об этом
Не может померкнуть до гибели мира...³⁰

В следующем эпизоде «обрызганный кровью» змееборец поджаривает над костром сердце Фафнира и испивает змеиной крови. Над ним раскидистое дерево с тремя ветвями птицами на ветвях. «...Когда кровь из сердца Фафнира попала ему на язык, он стал понимать птичью речь». Синицы предупреждают Сигурда о предательстве:

Вот Регин лежит,
он злое задумал,
обманет он князя,
а тот ему верит;
в гневе слагает
злые слова,
за брата отмстит
злобу кующий³¹.

В очередной сцене юноша по совету птиц убивает кузнеца Регина, решившего отплатить за гибель своего родного брата Фафнира. Рядом стоит Гранн — конь Сигурда, нагруженный ларями с «золотом звонким», которые конунг нашел в логове поверженного змея.

Безвестный норвежский скульптор изобразил и потрясавшую воображение слушателей страшную гибель Гуннара — одного из виновников смерти Сигурда.

«Тогда бросили Гуннара-конунга в змеиный загон: было там много змей, а руки у него были накрепко связаны. Гудрун послала ему арфу, а он показал свое умение и заиграл на арфе с боль-

шим искусством, ударяя по струнам пальцами ног, и играл до того сладко и отменно, что мало кто, казалось, слыхал, чтоб так и руками играли. И так долго забавлялся он этим искусством, покуда не заснули змеи-те. Но одна гадюка, большая и злобная, подползла к нему и вонзила в него жало, и добралась до сердца, и тут испустил он дух с великим мужеством»³².

Следы популярности французских героических поэм и романов Круглого Стола находим в Италии — стране, где автохтонный эпос не сложился. Процесии пилигримов не обходились без жонглеров, развлекавших «божьих странников». Известно, что в XIII столетии жонглеры пели о Роланде и его благоразумном друге Оливье на площадях Болоньи. Песни исполнялись по-французски, затем на смеси итальянских диалектов с языком оригинала. В них черпали вдохновение создатели скульптур и мозаик. Портал собора в Вероне украшенстатуями Оливье и Роланда с его мечом Дюрандалем. На мозаичном полу собора в южноитальянском порту Бриндизи, откуда паломники и крестоносцы отплывали в «святую землю», можно было увидеть Ронсевальскую битву.

Чаровали умы и поэмы бретонского цикла, в которых идеальные рыцари совершали подвиги в честь своих избранниц в мире, пронизанном таинственным волшебством. Во времена Данте даже кузнецы Флоренции пели о похождениях Тристана и Ланселота. О песнях жонглеров напоминает скульптура собора в Модене, где существовала колония выходцев из Нормандии. На архивольте северного портала (Порта делла Пескериа, XII в.) изваян король Артур со своими рыцарями. Закованые в доспехи, с копьями наперевес они скачут к замку, чтобы освободить похищенную королеву. Прекрасная узница томится в башне под охраной великаны Бурмальта, вооруженного огромным молотом.

В X—XIII вв. странствующие мастера устного рассказа нередко выступали в роли «посредников», которые содействовали взаимообогащению литератур разных народов, в какой-то мере способствовали появлению сходных литературных жанров в Средней Азии, Иране, Северо-Западной Индии и на Кавказе. Бретонским романам подражали в Италии, Германии, Испании. В немецкий эпос пропицает любопытный персонаж — *Ilias von Reuzzen*, которого отождествляют с былинным Ильей Муром-

цем. Через посредство Византии обмен сюжетами и жанровыми формами происходил между Востоком и Западом. В иной культурной среде чужеземное произведение переосмысливалось и приобретало местный колорит («национальная адаптация»). Так начиналась его новая жизнь.

Героическое сватовство

Созданные народом песни, сказки, басни разносились по средневековой ойкумене и благодаря миграциям целых племенных объединений. Тюркоязычные кочевники, волны которых время от времени захлестывали евразийские степи, распространяли свой фольклор от предгорий Алтая до Средней Волги, Южного Урала (Башкирия), Закавказья (Азербайджан) и Малой Азии (Анатолия). Их культурные контакты с оседлым населением городов и поселений, этническое смешение с ним вели к взаимосвязям в области эпики.

В 1866 г. в «Коцком городке» хантов около села Кондинского в низовьях Оби был найден серебряный ковш VIII—IX вв.— изделие мастеров, работавших в пределах обширного Хазарского каганата.

На ручке ковша представлена борьба двух спешившихся всадников. На них костюмы для верховой езды: подпоясанные кафтаны, полы которых перед поединком заправлены за пояс, штапы и невысокие сапоги без каблуков. У одного борца, с длинными усами, волосы повязаны развеивающейся лентой, что характерно для тюркской кочевой аристократии, у второго — заплетены в длинные косы. Хотя у тюркоязычных народов косы носили и мужчины (один из этнических признаков тюрков от Юго-Востока Европы до Центральной Азии), более вероятно, что здесь изображена девушка (лицо безбородое и безусое). Рядом с каждым из борцов сложено его оружие: кинжал, колчан со стрелами и налучье с луком. По сторонам богатырей стоят привязанные к колышкам низкорослые кони.

На горизонтальном бортике ковша одна за другой следуют сцены богатырских охот, разделенные деревьями (происходят в лесистой местности?). Они идут в такой последовательности (по часовой стрелке): а) кабан и два

медведя; б) всадник с арканом в сопровождении борзой преследует двух оленей-маралов; в) тот же охотник, стоя на одном колене, посыпает стрелу в выходящего из-за дерева льва. Фигуры исполнены в низком плоском рельефе и детализированы гравировкой, фон позолочен.

Анализ изображений на ковше приводит к выводу, что перед нами сюжеты из эпоса тюркоязычных племен.

Древняя гузская версия эпоса представлена «Рассказом о Бамси-Бейреке, сыне Кам-Бури», который входит в состав средневекового эпического цикла «Книга моего деда Коркута». Отдельные элементы этого повествования можно отнести еще к той поре, когда гузы жили на Алтае в составе Тюркского каганата VI—VIII вв. Вместе с продвижением гузов к западу их фольклор стал известен в низовьях Сырдарьи, а в период сельджукского завоевания XI в.— в Закавказье и Малой Азии.

Один из эпизодов «Рассказа о Бамси-Бейреке» — состязание героя-жениха с невестой — богатырской девой, обязательно наделенной чертами амazonки. Однажды во время охоты, преследуя диковинную козу, Бамси-Бейрек, «лев ристалища мужей, тигр богатырей», заметил красный шатер, поставленный на зеленом лугу. Это был шатер «светлоокой девы» Бану-Чечек, уже в колыбели обрученной с Бейреком. Девушка решила испытать мужество своего жениха. Назвавшись служанкой Бану-Чечек, она предложила Бейреку три испытания:

«,,Давай, выедем вместе на охоту; если твой конь обгонит моего коня, ты обгонишь и ее коня; выпустим тоже вместе стрелы; если ты меня превзойдешь, ты превзойдешь и ее; потом поборемся с тобой; если ты меня одолеешь, то одолеешь и ее“. Так она сказала; Бейрек говорит: „Ладно, садись на коня“. Оба сели на коней, выехали на ристалище, пустили коней — конь Бейрека обогнал коня девицы; выпустили стрелы — Бейрек рассек стрелу девицы... Тотчас Бейрек сошел с коня; они схватились, обхватили друг друга, подобно двум богатырям; то Бейрек поднимает девицу, хочет сбросить на землю, то девица поднимает Бейрека, хочет сбросить на землю»³³.

После того как Бейрек с трудом одолевает в борьбе, девушка называет герою свое имя. Богатырь, побеждая воинственную деву, становится ее мужем, а побежденная лишается богатырской силы. В башкирской сказке Алпамыш борется с ней семь дней и семь ночей. Иногда герои-

ни — «девы небес», вооруженные луками, стрелами и копьями. Борьба между женихом и невестой — восходящая к матриархату форма брачных состязаний.

С темой героического сватовства связаны и сцены охоты. На пути к своей «суженой» жених сражается с хищниками (в том числе с медведями) и сказочными чудовищами (на ковше их заменил лев). В алтайской сказке «Ак-би» герою поручают из трех медведей, что за горой Темир-тайга, привести самого младшего. В другой алтайской сказке отец невесты подвергает жениха нескольким испытаниям: он должен победить и привести в его ставку одного из трех медведей и одного из трех сивых быков, тигра, «желтого» жеребца, пасущегося у Желтого моря, а также одолеть неведомого зверя Андалма. В анатолийских сказках героя заманивает в плен олень, которого тот преследует во время охоты. В эпосе степных кочевников важную роль играет богатырский конь, без которого не обошлась ни одна сцена на ковше. Это неразлучный друг и помощник витязя: «Не буду звать тебя конем, буду звать братом: ты мне лучше брата. Мне предстоит дело, буду звать тебя товарищем: ты мне лучше товарища»³⁴.

По-видимому, сцены на сосуде «читаются» в такой последовательности: 1) поимка оленя (это чудесный «златогорий» олень, которого нельзя убить, а можно только заарканить) — одно из брачных испытаний героя; за всадником идут кабан и два медведя, с которыми ему предстоит вступить в единоборство; 2) второе испытание жениха — схватка со львом; 3) наконец, борьба с богатырской девой, за которой последует счастливая свадьба. Есть и другой вариант объяснения: приключения охотника на пути к шатру «суженой». Так как все сюжеты объединены темой героического сватовства, можно предположить, что ковш заказали для свадебного подарка.

Как свидетельствуют сцены на нем, мотивы гузского эпоса не позднее IX в. стали известны на территории Хазарского каганата, возможно, в смешанной хазаро-гузской среде. Хазары считали себя родственными по происхождению с кочевниками Зауральской равнины — гузами, которые постепенно продвинулись на запад вплоть до Волги. Гузские племена находились под политическим влиянием Хазарии. В этих условиях легко происходило усвоение пришлых эпических мотивов и их распространение.

Глава 7

ЗАПАД И ВОСТОК

Насущнейшая человеческая потребность — искать связующие звенья между отдельными явлениями.

Уильям Голдинг

«Беседе» английского епископа Эльфрика (начало XI в.) приведен примечательный диалог:
«Наставник. А ты что скажешь, купец?
Купец. Скажу, что я полезен и королю, и вельможам, и богачам, и всему народу.

Наставник. Как же это так?

Купец. Сажусь я на корабль со своими товарами и плыву в заморские края, и продаю свои товары, и покупаю драгоценные предметы, каких нет в этой стране...

Наставник. Какие же товары ты нам привозишь?

Купец. Цветные материи, шелк, драгоценные камни, золото, разные одеяния, пряности, вино, масло, слоновую кость, ...стекло»¹.

В перечне преобладают экзотические товары Леванта.

Военные столкновения между христианами и миром ислама не могли прервать связей Востока и Запада. Несмотря на тенденцию западноевропейского христианства к монолитности и замкнутости, в нем никогда не умирало сознание того, что «истинная вера» пришла в Европу с Востока и многим ему обязана. В Галлии и Ирландии монахи из Сирии, Палестины, Египта основывали аббатства, реформировали древние монастыри. Происходила и постоянная инфильтрация на Запад элементов материальной, интеллектуальной и художественной культуры Византии и Передней Азии. В технике — это заимствование водяной и ветряной мельницы, в экономике — влияние арабского денежного обращения, в духовной сфере — ознакомление с успехами арабской науки.

В V—VIII вв. в главных городах Италии, Галлии, Испании и Британии процветали торговые колонии восточных купцов и мореплавателей: греков, армян, евреев,

арабов, сирийцев, персов, которых называли собирательным именем «сирийцы». Владевшие крупными состояниями «сирийцы» покупали высокие гражданские и церковные должности. В «варварских» королевствах эти «агенты цивилизации» монополизировали торговлю предметами роскоши.

Образование франкской империи Каролингов активизировало контакты с магометанами: Карл Великий и багдадский халиф Харун ар-Рашид обменялись посольствами.

С конца XI в. Запад оказался в орбите непосредственного воздействия ближневосточных цивилизаций. Крестовые походы породили более глубокий интерес к издавна влекшему миру Востока. «Золотые виденья» обернулись конкретной исторической реальностью. Под влиянием более утонченной культуры в среде грубых и алчных завоевателей возрастало стремление эстетизировать быт, появился вкус к «вежественному» обхождению. Франки, которые долго общались с мусульманами, стали воспитаннее и культурнее, отмечал сирийский эмир Усама Ибн-Мункыз. Не случайно зал в замке графа Ибелина, сеньора Бейрута (1212), так похож на апартаменты восточного правителя, где все располагало к задумчивости и неге. «Сирийцы, греки, сарацины как бы соревнуются здесь в своем искусстве украшения». Мозаичный пол запечатлев «прозрачность моря, чуть трепещущего под ласками бриза», стены покрывал разноцветный мрамор, фрески на своде изображали небо, по которому плывут облака. Фонтан в центре зала представлял свирепого дракона, «готового поглотить множество диковинных зверей, украшающих мозаику бассейна». В этой изысканной обстановке владелец замка неспешно проводил время на манер восточного владыки: «...И в чарующей прохладе вода своим сладостным журчанием убаюкивает тех, кто ищет покоя»².

Импорт произведений прикладного искусства Востока — шелковых тканей, ларцов из слоновой кости, металлических сосудов — важный фактор в формировании художественных школ средневековой Европы. Лишь немногие из сохранившихся вещей предположительно можно связать со свидетельствами о вкладах знатных лиц в монастырские ризницы или о посольских дарах правителям франков. О необычайных судьбах большинства из них остается только гадать. Европейских мастеров вдохновляли

иноzemные изделия: особенно привлекало декоративное искусство народов Азии. Его изучали меровингские и каролингские художники. Под сильнейшим воздействием восточных моделей сложился репертуар романской скульптуры. «Восток отметил искусство XII века неизгладимым отпечатком». Он «воспитал наших (французских.— В. Д.) декораторов..., сформировал их интеллект, приучил к симметрии, пробудил в них геральдический гений»³. Нередко в искусство латинского Запада и Руси «ориентализмы» проникали через посредство Византии — этого перекрестка путей и культур.

На перекрестке культур

Золотым мостом между Востоком и Западом назвал Константинополь Карл Маркс⁴. Это образное определение можно распространить на всю Византийскую империю, где сошлись Европа, Азия и Африка. Ее восточные провинции, эллинизированные довольно поверхностно, тесные связи с Арменией, сасанидским Ираном, а позднее с арабами серьезно влияли на культуру метрополии.

Византия вела интенсивную торговлю «от пределов восточных до столпов западных» — от Индии и Китая до Пиренейского полуострова. Об изобилии товаров на крупнейших рынках ромейской державы дает представление описание ярмарки в Фессалонике. Под пером анонимного автора XII в. как бы вновь оживает это «величайшее македонское торжество». Оно притягивало греков из разных областей Эллады, племена Мизии (Нижнего Подунавья), «италийцев», «кельтов из-за Альп» и даже жителей «прибрежья Океана». В течение 10 дней ярмарка наполняла город движением и шумом: в людском водовороте происходили церковные шествия в честь св. Димитрия, «дивную картину» являли блестящие выезды вельмож в окружении «строя верных» на горячих арабских иноходцах. Прилавки торжища заполняло «все на свете, что создается руками ткачей и прях, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса, все, что торговые корабли везут к эллинам из Италии. Немалую долю вносят также Финикия, Египет, Испания и Геракловы столпы, славящиеся лучшими в мире коврами. Все это купцы привозят прямо в древнюю Македонию и Фессалонику, а города

Евксинского Понта сначала посылают свои товары в Византий и лишь затем обогащают ими ярмарку: множество выночных лошадей и мулов везут из Византия их дары»⁵.

Все пути скрещивались в Константинополе — этом «оке вселенной», «центре четырех стран света». Здесь, в области Боспора Фракийского (Босфора) и Пропонтиды (Мраморного моря) Европа и Азия здимо подступают друг к другу. Только в правление Мануила I Комнина Константинополь принимал в своих стенах германского императора, французского короля, султана Коньи, князей Антиохии и иерусалимского короля. В описаниях иностранцев столицы христианского Востока, пышно именуемая «гордостью христиан и грозой варваров», предстает как неповторимый город, «еще более богатый, чем говорят о нем». Обветшалый, но все еще великолепный, с фантастическим смешением рас и языков, он был одним из первых в мире по величине и многолюдству. Он славился прямизной осененных портиками и колоннадами улиц, просторами площадей с пористыми от времени статуями и обелисками, куполом своей св. Софии, множеством церквей со священными реликвиями и обширными монастырями с неоценимыми книгохранилищами. «Богохранимый град» знаменит был и царскими дворцами: они отмечены печатью несравненной «внешней красоты» и «красоты внутренней». Но бросалось в глаза и другое: неподалеку от утопающих в садах императорских резиденций и высоких палат сановников змеились по холмам узкие зловонные улицы, где в тесноте и грязи ютились бедняки и чужеземцы. «Этот город во всем превышает меру — ведь он превосходит другие города как богатством, так и пороком» (Одон Дейльский)⁶. Построенный треугольником «наподобие паруса корабля», Византий был хорошо защищен: с севера и юга его омывало море, а со стороны возделанных полей возвышалась двойная стена с башнями, сохранившаяся доныне. По подземным каналам жителям поступала пресная вода.

В перегороженном цепью узком и длинном заливе Золотой Рог бросали якоря суда дальних стран. Константинополь стягивал богатства со всего Средиземноморья и Ближнего Востока:

«Купцы стекаются сюда со всех сторон: из Вавилонии, земли сирийской [Месопотамии], Мидии, Персии, всего царства египет-

ского, земли ханаанской, царства русского, Венгрии, Пацинакии [земли печенегов], Будии [Болгарии], Ломбардии и Испании. Город очень шумный по причине множества торговцев, приезжающих сюда морем и сухим путем, так что подобного города, за исключением великого измаильского Багдада, нет на всем свете... Сюда свозятся подати, собираемые ежегодно со всей земли греческой, и потому целые башни наполняются шелковыми тканями, пурпуром и золотом. Подобных зданий и богатств нет ни в одной стране мира» (Вениамин Тудельский)?

Благодаря могучему притягательному воздействию византийской столицы ее население наполовину слагалось из восточных элементов.

В предместьях города на Босфоре обосновались колонии иностранных купцов: итальянцев, арабов, сирийцев, русских.

Несмотря на ожесточенные и длительные войны, между царством ромеев и арабским халифатом поддерживались культурные связи. В византийской эпической поэме «Дигенис Акрит» отсутствует религиозный и расовый фанатизм по отношению к иноверцам-саракинам. Она утверждала возможность сближения мусульманского и христианского миров. В столице империи, где функционировала мечеть, мусульмане открыто исповедовали ислам, а греческие ученые встречали дружелюбный прием в «городе чудес» — Багдаде. Мечети Дамаска украшали эллинистическими по духу мозаиками, а церкви Греции — сасанидскими по мотивам росписями. По арабским образцам строили дворцы и парковые павильоны Константинополя. Армянские, иранские, сирийские или сельджукские мастера, осевшие в Константинополе, не забывали формул своего декоративного стиля. Скупая драгоценности или сбывая свои изделия, нередко разъезжали по всей империи ювелиры. Художественное ремесло Ирана, Месопотамии, Малой Азии, Закавказья вдохновляло греческих, особенно царских серебряников: они имели возможность работать по образцам, привезенным со всех концов света.

Влияние культуры иноверного Востока стало особенно заметным при императорах Македонской династии, которые достигли крупных успехов в борьбе с арабами. Они считали себя преемниками Александра Македонского и царей Вавилона. Безудержная роскошь, окружавшая халифов и исламских князей, вызывала восхищение при

византийском дворе. Политический престиж василевсов требовал такого же внешнего блеска. Светское искусство Омейядов и Аббасидов давало примеры для подражания, так как игнорировало религиозный запрет представлять живые существа. Это аристократическое искусство демонстрировало парадные стороны придворной жизни и, особенно, увеселения халифов. Представляя государя на троне в кругу приближенных, во время пиршества с участием музыкантов и танцовщиц, на войне или охоте, оно прославляло знатность и богатство повелителя, героизировало его в глазах подданных. Та же «развлекательная» тематика перешла в дворцовое искусство Константинополя. На золотых с перегородчатой эмалью пластинах короны Константина Мономаха (исполнена между 1042 и 1050 гг.) представлены женские танцы в присутствии императорской семьи. Костюм и своеобразная поза сближают пляшущих девушки со стройными восточными танцовщицами, известными по мусульманским памятникам. На эмальевом медальоне алтарной иконы (Пала д'Оро) в соборе св. Марка в Венеции конный василевс с соколом и собакой охотится на зайцев и птиц. Вместо единоборства с хищниками — символа победоносной моши — император развлекается безопасной охотой на мелкую дичь. Сценки из частного быта государя без религиозного оттенка его почитания характерны для искусства мусульманского Востока.

При константинопольском дворе культивируют восточные обычай и декоративное искусство. В повседневный обиход вводят иранские парадные костюмы и формы этикета. По утверждению греческих авторов, восточные моды свидетельствовали о древности монархических традиций Византии — наследницы великих древневосточных империй. Орнамент шелковых материй из императорских мастерских (левы, слоны, орлы в медальонах) имитировал арабские шелка, сохранявшие «сасанидский» облик. Их использовали в придворном церемониале, в торжественных случаях развешивая во дворце. Одеждия из этих тканей шили для государей и высших чинов империи. «Ориентализация» вкусов сказалась и в произведениях царских ювелиров-агиропратов: они охотно подражали формам привозной металлической утвари и украшений, усваивали мотивы их орнаментики. В столичных рукописях, заказанных императором или высшими сановниками,

расцветает восточный декор: в заставках и инициалах комбинируются звери, птицы, пальметты и вьющиеся растения.

Ближневосточному влиянию подвергались и мастера провинциальных областей Византии, отразившие вкусы широких городских слоев. Поливная керамика из Коринфа и Афин генетически связана с посудой Ирана, Месопотамии, Египта. Ее украшают декоративные бордюры из псевдокуфических арабских надписей, «арабесковый» орнамент и геометрические ленточные плетения. Через сельджукское искусство Анатолии на западное побережье Эгейского моря проник эпиграфический мотив цветущего куфи⁸, популярный в резьбе греческих храмов. На рельефах церкви Малой Митрополии в Афинах вырезаны львы, сфинксы и грифоны по сторонам «древа жизни», сцены терзания хищниками травоядных животных. Два льва, охраняющие дерево, высечены на каменной плите с афинского Акрополя.

Львы и «древо жизни»

Сложный мир европейской скульптуры складывался под влиянием множества «образцов», среди которых видное место занимала утварь из золота и серебра. Быстрый рост числа церквей на христианизированных территориях, усиление феодализирующейся знати с ее стремлением запечатлеть свою власть во внешних атрибутах повышали спрос на предметы роскоши. Он удовлетворялся как изделиями местных ювелиров, так и привозными. Наряду с современными им вещами пришельцы с Востока доставляли и старые, чуждые воззрениям магометан: сасанидские, согдийские, хорезмийские. В храмовых ризницах, замках королей и баронов, княжеских сокровищницах Руси хранились произведения мастеров сасанидского и постсасанидского Ирана, Византии и Ближнего Востока, Армении и Средней Азии.

В кабинете монет и древностей парижской Национальной библиотеки можно увидеть иранский серебряный кувшин VII—VIII вв. с чеканными изображениями двух пар львов. Его нашли в прошлом веке где-то в пределах России. Декор кувшина — это единая система со взаимосвязанными частями. Львы по сторонам «древа жизни» —

традиционный древневосточный мотив, а «вихревые» розетки на их лопатках — указание на солнечную природу зверей. В сасанидском Иране лев, зодиакальный знак июля, был связан с культурами божества солнца Митры и великих азиатских богинь плодородия — Иштар, Кибелы, иранской Артемиды.

Деревья между животными выглядят по-разному. Одно из них с шестью ветвями и пальметтovидной вершиной покрыто листьями, тогда как два других вовсе лишены листьев. Деревья вырастают из воды, показанной волютообразными⁹ линиями. Так воплощена идея сезонности: весенне-летний цикл сменяется осенью и зимой — сезоном дождей. Две пары львов — символы четырех фаз солнца и четырех времен года.

Возможно, орнамент на сосуде посвящен двум главным праздникам земледельческого Ирана. Это Новый год — Ноуруз, день весеннего равноденствия и обновления природы (около 21 марта), и Михриджан — праздник осеннего равноденствия в седьмом месяце древнеиранского календаря (около 23 сентября). Тогда две пары львов могут также обозначать день и ночь, равные дважды в году. Бируни писал: «Ноуруз с Михриджаном — это два ока времени, как Солнце и Луна — очи неба... Что же касается толкователей из персов, то они... сделали Михриджан вестником дня воскресения и конца мира, ибо в этот день [все, что] растет, достигает предела, и вещество роста иссыхает, и животные перестают плодиться». Отсюда изображение голых деревьев. «Точно так же они объявили Ноуруз вестником о начале мира, так как в [день Ноуруза] имеют место противоположные [Михриджану] обстоятельства»¹⁰. К почитанию солнца относится обычай раскладывать на улицах огонь за несколько дней до Ноуруза. В праздничный день поздравители подносили царю обрядовый стол с приношениями. Дары включали семь чаш, семь ветвей или колосьев и семь зерен различных хлебных злаков. Каждую ветвь посвящали одной из семи областей, на которые, согласно «Авесте»¹¹, делилась земная суша. Полагали, что и все мироздание состоит из семи сфер. Астрономы той эпохи знали семь «блуждающих» светил: пять планет, луну и солнце. Следовательно, растение с семью ветвями (за седьмую ветвь считаем верхушку) — это «мировое дерево» Хом, охватывающее вселенную. Оно организует мифологическое про-

странство, объединяя верх и низ, небо и землю. Земная твердь показана на кувшине семью полукруглыми выступами с растениями внутри — параллель авестийскому учению о семи частях земли — крашварах. Названия крашваров обозначали секторы горизонта, ветры и связанную с ними погоду, часы дня и, наконец, сезоны. Согласно «Шахнаме», изображения семи светил и семи крашваров украшали ковер сасанидского царя царей Хосрова, который ткали в течение семи лет.

В декоре кувшина воплощены не только представления о круговороте времени (смена дня и ночи, чередование времен года) и извечной повторяемости природных явлений, но и принятное Зороастром (Заратуштрой) учение о семичастном делении земного пространства. В основе композиций лежат священные числа 4 и 7 в их смысловой многозначности. «Управляется мир Четырьмя и Семью» (Омар Хайям)¹².

«Восточное серебро», уводящее нас в архаическую космологию зороастриского Ирана, помогает проследить истоки некоторых мотивов в романской и древнерусской скульптуре. Усвоение камнерезами пришлых сюжетов — причина формальных совпадений с образами сасанидского репертуара. Но в местной художественной среде иноземные прототипы коренным образом перерабатывали как со стороны формы, так и содержания. Средневековый художник никогда не ограничивался пассивным копированием или эклектическим сочетанием разнородных элементов. Рельеф со львами, которые переплелись своими шеями, расположен слева от центрального окна на северной стенае Димитриевского собора Владимира. Но и стилистически, и идеологически он имеет мало общего со своими древними «двойниками». Во владимирской феодальной эмблематике царственные хищники — символы власти и силы, знаки сословного отличия. Они включены в общую систему «коврового» убранства здания, где отдельные рельефы подчинены ритму целого. Чтобы вписать композицию в прямоугольник плиты, туловища животных пришлось сжать, а шеи чрезмерно вытянуть, это придало «царям зверей» причудливый гротескный облик.

Для романской пластики еще более типична «тирания» обрамления: позы, жесты и пропорции фигур, их число и взаимное расположение зависят от архитектурных форм — капителей, архивольта, карнизов, тимпанов,

Лев и солнце. Медная позолоченная бляшка из Новгорода, XII в. Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник

колонн, консольей¹³. Три пары сдвоенных львиц со страшными «дракоными» мордами, композиционно близкие львам на кувшине, изваяны на центральном столбе портала церкви Сен Пьер в Миассаке. Статуи чутких стражей входа в храм, призванные внушать суеверный трепет, полны безудержной и беспокойной динамики. В сочетании с фигурами пророка Исаии и апостола Петра на боковых выступах портала они олицетворяли идею духовной бдительности и борьбы с демоническими силами в преддверии «дома бога». Чудовищные львицы неотделимы от грандиозного сверхземного действия — того «апокалиптического видения», которое развернуто на огромном тимпане портала.

Воссоздание «сасанидских» мотивов в искусстве Европы — не прямое отражение иранских источников времен шахиншахов. Во-первых, они передавались через посредство произведений мастеров-мусульман: найденная при раскопках в Новгороде бляшка с гравированным изображением льва и трех лучистых дисков — не что иное, как подражание зодиакальному знаку «лев и солнце», известному по сельджукским монетам и иранским сосудам с инкрустацией серебром. Во-вторых, моделями нередко служили византийские изделия, впитавшие переднеазиатские традиции. В-третьих, в роли посредника могло выступать и романское искусство, которое сформировалось под сильным влиянием восточных образцов.

Монстры романских капителей

«Монстры романских капителей нам кажутся удивительно поэтичными, ибо они впитали мечты четырех или пяти народов, которые передавали их друг другу в течение ты-

сячелетий. Они вводят в романскую церковь Халдею и Ассирию, Персию Ахеменидов и Персию Сасанидов, Восток греческий и Восток арабский. Вся Азия приносит свои дары христианству, как некогда волхвы младенцу Христу»¹⁴. Так писал Эмиль Маль, тонкий исследователь средневековой скульптуры Франции. Мифологические звери, восходящие к образотворчеству древних цивилизаций Месопотамии и Ирана: симметричные львы и грифоны у «древа жизни», монстры с двойным туловищем и общей головой, крылатые кони и загадочные сфинксы с женскими лицами, двухглавые орлы и переплетенные шеями птицы — появляются на капителях и порталах французских церквей. Они проникли и в святыни алтарей, и в темные подземные крипты, где в вечном сне почивали праведники и святые.

Среди «странных-бездобразных образов» диковинной фауны, приводившей в недоумение даже изощренных в иносказаниях теологов, нередки осевые композиции из двух противопоставленных друг другу животных или птиц. Наука проникла в тайну «миграции» этих декоративных мотивов: при создании их ваятели имитировали полихромные шелковые ткани, изготовленные в мастерских Константинона и Александрии, Дамаска и Багдада, Мерва и Бухары, Сицилии и арабской Испании. Узоры ближневосточного текстиля, следуя сасанидским образцам, в свою очередь вдохновляли христианских скульпторов и художников — так «звериные» сюжеты передавали от народа к народу, из поколения в поколение.

В Галлии со времен Меровингов драгоценные завесы вешали у входа в базилику, между ее колоннами или перед алтарем. Многоцветными шелками драпировали саркофаги с мощами мучеников и украшали переплеты богослужебных книг. У священных покровов испрашивали чудес, верили в их целебную силу, ибо на них перешла частица добродетелей погребенного. В ткани заворачивали реликвии и останки святых: так до нашего времени дошли поблекшие шелка, которые хранятся в ризницах соборов и музеях Франции, Италии, Англии. В золототканые материи рядились епископы и аббаты каролингской эпохи, хотя церковь и боролась с этой непристойной роскошью. Их высоко ценила и светская знать: истлевшие обрывки некогда великолепных одеяний обнаруживают в княжеских гробницах. В цветном платье из чуже-

земных тканей — «шелка шемаханского», «хрущатой камки» — щеголяют русские былинные богатыри:

Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка — узор хитер:
Хитрости были Царя-града
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре — не погнется¹⁵.

В «Песни о нибелунгах» наряды владетельных дэв и дам, отороченные горностаевыми и соболиными мехами, спилены из аравийского феррандина¹⁶ с золотыми узорами и шелков сказочных стран Востока — Цацаманки и Агадоука.

Каменъя понашили искусницы сперва
На шелк из Цацаманки, зеленый, как трава,
И аравийский, белый, как первый снег зимой,
А ткань пришлось раскраивать красавице самой...
Кримхильде привозили не раз издалека
Ливийский и мароккский тончайшие шелка.
Нашлось их в Вормсе больше, чем при любом дворе...¹⁷

По словам поэтов, заморские ткани цвета «золота и огня» словно сотканы руками фей с таинственных островов. Феи прядут в платьях из белоснежного шелка, созданные ими чудесные изделия обладают магическими свойствами. В средневековой Европе иноземные шелка высоко ценили: их пепельные тона сливались в нежной гармонии заката неба, в их узорах необыкновенные звери шествовали друг за другом неспешно и важно.

В восточной торговле шелковые ткани, в том числе парча, стояли на первом месте. Их везли в своих обозах и царственные невесты и женихи; хитроумные дипломаты знали, чем угодить правителям франков. Халифское посольство 807 г. доставило в Ахенский дворец палатку, 12 пестро раскрашенных занавесей для преддверия «необычайной величины и красоты» и множество драгоценных шелковых одежд. Непрерывный поток тканей хлынул на Запад во времена крестовых походов. При взятии Антиохии и Иерусалима завоеватели овладели огромной добычей, в том числе материями из шелка. Как свидетельство своей доблести в схватках с сарацинами рыцари привозили эти почетные трофеи на родину. Захваченные в боях

знамена подвешивали под сводами церквей; со временем они превращались в бережно хранимые реликвии. Шедевры ткачей Востока никогда не переставали изумлять своей нерукотворной красотой. Бывалый венецианский купец Марко Поло счел нужным отметить: в Багдаде изготавливают шелковые и золотые материи с вытканными на них зверями и птицами, а в восточноиранском городе Кермане женщины и девушки «славно вышивают зверей и птиц и всякие другие фигуры по шелковым, разноцветным тканям. Работают для князей и знатных людей занавески так хорошо и искусно, что не надивишься...»¹⁸.

На Херефордской карте 1280 г. (Англия) читаем: «*Seres (китайцы)* первые люди, которые встречаются после пустыни; от них шлют китайские ткани»¹⁹.

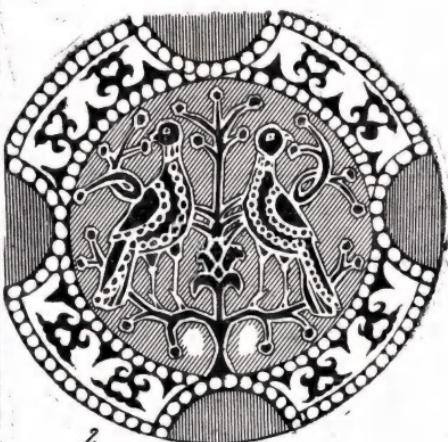
Европейские мастера смутно чувствовали глубокую внутреннюю значимость неизъяснимого мира сказочных существ, вышедших из глубин Азии и признанных достойными украсить христианский храм. Текстильный орнамент вдохновлял создателей мозаичных полов в церквях: львы, слоны, грифоны, драконы, как и на тканях, вписывались в круглые медальоны. Воспроизведя его, резчики по камню удовлетворяли свою страсть к «звериному» декору. На латинском Западе баснословная фауна Востока получает новое осмысление, проникаясь дуалистической богословской мыслью. Отныне представители «божьего зверинца» символизируют Христа или Сатану, райские кущи или адские бездны, олицетворяют христианские добродетели или пороки. Так, две птицы по сторонам дерева приобрели значение благочестивых душ, которые кормятся плодами «вечной истины».

Изобилие образцов не подавляло творческий дух романских скульпторов. Их неисчерпаемая фантазия на много превосходила требования клира. При воспроизведении в камне изображения получали трехмерность и по-новому компоновались в пространстве. «Жесткость» архитектурного обрамления регулировала композиции и вела к деформации фигур: на вытянутых по горизонтали плитах тела животных растягивались, на вытянутых по вертикали — сжимались; в медальоне сворачивались; во фризах — удлинялись; в тимpanах фигуры уменьшены от центра к краям и т. д. Их иное размещение в системе целого вытекало и из смысловой переориентации. По мере развития скульптуры готического стиля влияние привоз-

ных моделей становится все менее заметным. Заимствованные некогда мотивы множили и варьировали беспрепрепдельно, местная стилистика придавала им национальный отпечаток. Сквозь эти преобразования прототипы изображений распознаются с большим трудом. Преувеличенная экспрессия и «демонизм» романских чудовищ, как будто живших в доисторическую эпоху, все более отдаляла их от восточных прообразов. Восточные текстильные мотивы усваивали и русские мастера.

Шелковые материи — «паволоки», «оксамиты», «оловиригрецкий» — на русский рынок поступали в таком количестве, что частично реэкспортировались в Польшу, Чехию, Южную Германию, Скандинавию. В кафтанах, обшитых византийскими шелками с изображениями орлов, павлинов, грифонов по сторонам ваз, щеголяли половецкие конные воины. О шелковых тканях из Руси упоминают французские эпические поэмы. Когда в 1075 г. к великому князю киевскому Святославу Ярославичу прибыли послы от немцев, он с гордостью «показал им богатство свое».

Раскапывая курганы X—XIII вв., археологи нередко обнаруживают фрагменты шелковых тканей. Изучение способа переплетения нитей и качества использованной пряжи позволяет выявить центры шелкоткачества, которые поставляли продукцию восточным славянам. Оказалось, что в ассортименте импортных тканей преобладали изделия византийских и среднеазиатских мастерских. Шелковыми лентами, вышитыми золотными нитками, деревенские жители украшали верхнюю одежду: ими обшивали головные уборы, ворот и обшлага рукавов. Золотной тесьмой декорировали края княжеских и боярских одеяний: в малиновом плаще (корзно) с золототканым бордюром показан князь Ярослав Владимирович на фреске новгородской церкви Спаса-Нередицы. Костюм Даниила Галицкого представлял собой «коуж же оловира гречьского и круживы златыми плоскими ошит». Из безузорного одноцветного шелка и самых дорогих материй с цветными узорами шили мужские и женские наряды для феодальной знати. Русские художники любовно выписывали облачения из шелка и парчи, украшенные жемчугом и драгоценными камнями. Корзно Ярослава в нередицкой росписи заткано большими кругами, в один из которых (на плече) включен орел. Подобные «паволоки» и «окса-

Птицы

1 — византийская ткань, XI—XII вв; 2 — роспись смоленской церкви XII в. по мотивам византийского текстиля

миты» посыпали в дар русским князьям греческие василевсы.

Когда во владимирском Успенском соборе вскрыли гробницу Андрея Боголюбского, в ней обнаружили остатки облачения, в котором «с честью и песнями благохвальными» похоронили убиенного князя, в том числе замечательную шелковую ткань: на красном фоне по сторонам фантастических растений расположились львы с золототкаными мордами и золотые попугаи. Анализ технологии изготовления, цветовая гамма и детали орнамента позволяют отнести ее к изделиям шелкоткацких мастерских Испании. Красочные материи Малаги, Мурсии, Севильи расходились по всей Европе. В кладе на территории Михайловского монастыря в Киеве нашли остатки парадного женского костюма — налобного венчика-очелья, платка-повоя, стоячих воротников. Среди 11 сортов червленых (красных) и багряных тканей выделяются византийские с вышитыми золотом птицами и растениями в кругах, шелка Ирана и Средней Азии.

Хранившиеся в церквях узорчатые пелены и завесы в торжественные дни вывешивали на всенародное обозрение. Такие «выставки» устраивали во Владимире, когда в престольный праздник Успенского собора несчетные толпы богомольцев стекались на поклон «чудотворной»

иконе богородицы. В интерьере храма с двух пятиянутых «верней чудных» свисали шитые золотом и жемчугом «порты» (дорогие княжеские одежды, которые жертвовали храмам). На всем пути медленного шествия — от «владычных сеней» к чтимой иконе у царских врат алтаря и отсюда к южным «златым вратам» — шуршали и переливались красками заморские шелка.

По мотивам иноземного текстильного декора работали владимирские «каменодельцы», населившие экзотическими зверями и птицами фасады белокаменных храмов. Красоту заморских тканей живо ощущали художники-фресксты. В 1962—1963 гг. на окраине Смоленска за речкой Рачевкой раскопали руины большого безымянного храма XII в. Когда разобрали груды слежавшегося щебня и расчистили низ стен, глазам археологов открылись удивительные росписи, палитра которых отличалась яркими, мажорными красками. В переплетающиеся узорчатые круги вписаны парные птицы и львы у «древа жизни». Сходство с текстильным орнаментом столь велико, что кажется, будто смоленский художник, расписывая стену, имел перед глазами византийскую шелковую ткань. Другой эффектный «птичий орнамент» — ярусы коричневых птиц по сторонам плодоносящего дерева — подражает арабским материям. Головы птиц киноварно-красные, в клюве зажата ветка с ягодкой.

Эти примеры из области средневекового искусства заслуживают особого внимания. С одной стороны, они показывают, как происходил процесс взаимопроникновения и взаимообогащения культур различных народов Европы и Азии, культур, которым при всем их своеобразии было присущее единое стремление передать в каждой вещи «высшую истину», «мысленную красоту». С другой стороны, эти примеры дают представление о взглядах и вкусах местных мастеров, об их стремлении связать и объединить все увиденное в цельном и оригинальном художественном произведении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В те дни, когда так трудно было побороть пространство и путешествие растягивалось на месяцы и годы, отправлявшийся в дорогу чувствовал себя почти изгнаником. Неизбывная тоска по родине и надежда на возвращение не покидали странника; временами он ощущал полное одиночество в огромном неприятном мире.

Все брожу и мечтаю о милой своей отчизне.
О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына.
Если ты над собой не видал зарубежного неба,
Никогда не понять тебе, друг, и моей кручины.
Незнакомый язык... Непонятное пение птицы...
Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина...
Я чужой. Я брожу и мечтаю о родине милой.
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина! ¹

Камал Худжанди

В каменистой Палестине игумен Даниил с грустью вспоминал светлую речку Снов на родной Черниговщине.

Отчизна греет сердце нам,
А на чужбине сердце стынет...
Тот, кто родину покинет,
Найти обратный должен путь!..
Прекрасна *возвращенья* суть!.. ²
Вольфрам фон Эшенбах

Но вернуться удавалось далеко не всем: ведь средневековые аргонавты прокладывали пути по суровой и не полностью обжитой планете. Велики мера трудов и нравственная сила этих безвестных людей, оставивших свой след в летописи человеческих свершений. Мы не всегда

отчетливо сознаем, сколь многим современная цивилизация обязана скитальцам отошедших времен, которые вели корабли в нелюдимых морях, уходили к «варварам» в глухие края, блуждали в бесконечных пустынях, где, казалось, нету пути человеку. В воодушевлявших их побуждениях они — дети своей эпохи, разделявшие все ее заблуждения. Их вели жажда наживы и долг службы, стремление припасть к святыням и мечты о «земле обетованной», где каждый страждущий будет радостен и богат, наконец, еще только нарождающийся дух исследования. Но с дистанции в несколько столетий ясно видно и то, что объединяло всех: средневековые землепроходцы открывали и осваивали «земли незнаемые», осуществляли связи между народами и культурами, способствуя преемственности человеческих знаний. От них тянутся нити к Колумбу и Магеллану.

Среди путешественников Средневековья много ярких фигур, людей с примечательными судьбами, талантливых и ищущих. Эти «блудные сыновья» смело нарушали обычный ход вещей, не внимая предостережениям «мудрецов» и обывательского здравого смысла. Пионеры и первооткрыватели, они пускали корни на неизученных землях. Их неотступно влекла дорога. Желание видеть путь впереди побеждало усталость иnostальгию. Неутомимые и зоркие странники могли сказать о себе словами бродячего гамбургского мастера: «Ведь мы всегда были!», ибо порыв вдаль в человечестве неизменен и неискореним. Прекрасный миф о золотом руне и скитаниях корабля «Арго» вдохновлял все новые и новые поколения искателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Ирано-таджикская поэзия. М., 1974, с. 82.
- ² Цит. по кн.: Литература Востока в Средние века, ч. II. М., 1970, с. 154.
- ³ Ирано-таджикская поэзия, с. 94.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 54.
- ⁵ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973, с. 22.
- ⁶ Мастера искусства об искусстве, т. 1. М., 1965, с. 233.

Глава 1. Средневековые путешествия

- ¹ Исповедь блаженного Августина, епископа Иппонийского. М., 1914, с. 258.
- ² Средневековье в его памятниках. М., 1913, с. 77.
- ³ Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, с. 121.
- ⁴ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972, с. 455.
- ⁵ Надпись на полях карты, составленной в Люнебурге около 1284 г.— В кн.: Средневековье в его памятниках, с. 276.
- ⁶ Там же, с. 285.
- ⁷ Там же, с. 288.
- ⁸ Книга Марко Поло. М., 1955, с. 177—178.
- ⁹ Конунг — военный вождь, высший представитель родовой знати у скандинавов.
- ¹⁰ Лен — наследственные земельные пожалования в эпоху феодализма.
- ¹¹ Альбигойцы — ветвь средневековой ереси в Лангедоке (Южная Франция); названы по городу Альби.
- ¹² Реконкиста (VIII—XV вв).— отвоевание народами Пиренейского полуострова территорий, захваченных арабами.
- ¹³ Чосер Джейффи. Кентерберийские рассказы. М., 1973, с. 154.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 475.
- ¹⁵ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков, с. 282—283.
- ¹⁶ Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974, с. 485.
- ¹⁷ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков, с. 492—493.

- ¹⁸ Чосер Джейфри. Указ. соч., с. 40—41.
- ¹⁹ Ленгленд Уильям. Видение Уильяма о Петре Пахаре. Пер. Д. М. Петрушевского. М.—Л., 1941, с. 259.
- ²⁰ Средневековый роман и повесть. М., 1974, с. 443.
- ²¹ Гаминцы А. С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889, с. 38.
- ²² Блок Марк. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 120.
- ²³ Илья Муромец. М.—Л., 1958, с. 32.
- ²⁴ Онежские былины. Подбор и научн. ред. Ю. М. Соколова. М., 1948, с. 560.
- ²⁵ «Иностранный литература», 1968, № 10, с. 50—51.
- ²⁶ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков, с. 212.
- ²⁷ Клюнийская реформа — совокупность преобразований, осуществленных в конце X—XI в. в католической церкви и направленных на ее укрепление. Центром движения являлось бенедиктинское аббатство Клюни в Бургундии.
- ²⁸ Цит. по кн.: Всеобщая история архитектуры, т. 4. М., 1966, с. 86.
- ²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 476.
- ³⁰ Цит. по кн.: Декс П. Семь веков романа. М., 1962, с. 88.
- ³¹ Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов, с. 52.
- ³² Данте Алигьери. Божественная Комедия. Пер. М. Лозинского. М., 1968, с. 119 («Ад», XXVI, 112—120).
- ³³ Цит. по кн.: Хенниг Р. Неведомые земли, т. II. М., 1961, с. 183.
- ³⁴ Поэзия народов СССР IV—XVIII веков. М., 1972, с. 195.
- ³⁵ Там же, с. 255—256.
- ³⁶ Мушрифаддин Саади. Гулистан. М., 1957, с. 168.
- ³⁷ Цит. по кн.: Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966, с. 219.
- ³⁸ Мушрифаддин Саади. Указ. соч., с. 168.
- ³⁹ Там же, с. 161—162.
- ⁴⁰ Кабус-намэ. Пер. Е. Э. Бертельса. М., 1953, с. 137.
- ⁴¹ Цит. по кн.: Шумовский Т. А. Арабы и море. М., 1964, с. 123.
- ⁴² Цит по кн.: Мец А. Указ соч., с. 393—394. «Хазарское» море — одно из средневековых названий Каспия, «Русское» — Черное море или восточная часть Средиземного, «Арабское» — Аравийское море. «Африканским» морем ал-Масуди называет западную часть Индийского океана.

Глава 2. Великий шелковый путь

- ¹ Стратиг — титул византийского правителя области.
- ² Крачковский И. Ю. Сасанидская чаша в стихах Абу Нуваса. — «Seminarium Kondakovianum», II. Prague, 1928, с. 124.
- ³ Бичурин [Пакинф] Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 310.
- ⁴ Там же, с. 311.
- ⁵ Кабус-намэ, с. 134.
- ⁶ Цит. по ст.: Якубовский А. Ю. Хозяйственная жизнь туркмен и караванная торговля Средней Азии с Поволжьем и древней Русью в IX—XI вв.— В кн.: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, с. 45.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 475.
- ⁸ Фирдоуси. Шахнаме, т. IV. М., 1969, с. 187.

- ⁹ Цит. по кн.: *Хенниг Р.* Указ соч., с. 436.
- ¹⁰ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М.—Л., 1939, с. 197.
- ¹¹ Цит. по кн.: *Хенниг Р.* Указ. соч., с. 100.
- ¹² *Медресе* — мусульманское духовное учебное заведение.
- ¹³ Алпамыш. Узбекский эпос.— В кн.: *Пеньковский Лев.* Чанг. Из восточной поэзии. М., 1971, с. 42—45.
- ¹⁴ *Абу-Райхан Мухаммед Ибн-Ахмед Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. Л., 1963, с. 65.
- ¹⁵ Там же, с. 212.
- ¹⁶ *Селадон* — разновидность китайской керамики с глазурью бледно-зеленого цвета.
- ¹⁷ *Чжао Е.* Жизнеописание девицы из У по прозванию Пурпурный Нефрит.— В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 365.
- ¹⁸ *Бодхисаттва* — по представлениям буддистов, наставник, ведущий людей по пути внутреннего совершенствования.
- ¹⁹ *Крачковский И. Ю.* Указ. соч., с. 125.
- ²⁰ *Пальметта* — орнаментальный мотив в виде стилизованного веерообразного листа.
- ²¹ *Вергилий.* Сельские поэмы. Буколики и Георгики. Пер. С. Шервинского. М.—Л., 1933, с. 45.
- ²² *Еврипид.* Вакханки. Пер. И. Анненского.— В кн.: *Еврипид.* Трагедии, т. 2. М., 1969, с. 429—430.
- ²³ *Лукиан.* Собр. соч., т. 2. М.—Л., 1935, с. 691.
- ²⁴ *Торевтика* — искусство рельефной обработки художественных изделий из металла.
- ²⁵ *Гемма* — резной камень, употреблявшийся как печать или вставка для перстня.
- ²⁶ Цит. по кн.: *Хенниг Р.* Указ. соч., с. 105.
- ²⁷ *Зороастризм* — древняя религия народов Востока, названа по имени ее основателя Зороастра (Заратушты). Ее приверженцы поклонялись стихиям, главным образом огню.
- ²⁸ *Манихейство* — религиозное учение, зародившееся в III в. н. э. в Месопотамии, названо по имени его основоположника Мани. В основе манихейства лежит принцип дуализма — извечной борьбы двух богов, воплотивших добро и зло, свет и тьму.
- ²⁹ Книга Марко Поло, с. 77.
- ³⁰ Цит. по кн.: *Хенниг Р.* Указ. соч., с. 443.
- ³¹ Там же, с. 64—65.
- ³² Материалы по истории туркмен и Туркмении, с. 174.
- ³³ *Карпини Джованни дель Плано.* История монголов. *Рубрук Гильом де.* Путешествие в восточные страны. М., 1957, с. 150.
- ³⁴ Там же, с. 127—128.
- ³⁵ *Литургия* — праздничная церковная служба.
- ³⁶ *Карпини Джованни дель Плано.* История монголов. *Рубрук Гильом де.* Путешествие в восточные страны, с. 132.

Глава 3. К «Морю мраков»

- ¹ *Фирдоуси*. Шах-намэ. М., 1972, с. 770—771.
- ² *Штук* — быстро твердеющая смесь извести, гипса и песка.
- ³ *Пехлеви* — алфавит ряда иранских языков (ок. III в. до н. э. — VII в. н. э.); название среднеперсидского языка.
- ⁴ *Мимбар* — кафедра проповедника в мечети.
- ⁵ *Крачковский И. Ю.* Указ. соч., с. 120—121.
- ⁶ Цит. по кн.: *Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. Памятники культуры сасанидского Ирана*. Л., 1960, с. 12.
- ⁷ *Фирдоуси*. Шах-намэ, 1972, с. 730—731.
- ⁸ *Абу-р-Райхан Мухаммед Ибн-Ахмед Бируни*. Указ. соч., с. 30.
- ⁹ *Низами*. Искендер-намэ. Пер. К. Липскерова. М., 1953, с. 419—420.
- ¹⁰ *Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе*, т. II. М., 1967, с. 29.
- ¹¹ *Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков*. М., 1963, с. 197.
- ¹² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). Публикация О. Г. Больщакова, А. Л. Монгайта. М., 1971, с. 33.
- ¹³ Там же, с. 32—33.
- ¹⁴ *Заходер Б. Н. Указ. соч.*, с. 66.
- ¹⁵ Повесть временных лет, ч. I. Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.—Л., 1950, с. 368—369.
- ¹⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. I. М.—Л., 1949, с 101.
- ¹⁷ Печорские былины. Записал Н. Очуков. СПб., 1904, с. 360.
- ¹⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, с. 645.
- ¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 232.
- ²⁰ *Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772)*. М.—Л., 1947, с. 49.
- ²¹ *Носилов К. Д. У ног уловов*. СПб., 1904, с. 15, 91.
- ²² Цит. по кн.: *Бадер О. Н. и Смирнов А. П. Серебро закамского первых веков нашей эры*. М., 1954, с. 24.
- ²³ *Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*. СПб., 1870, с. 264.
- ²⁴ Повесть временных лет, ч. I, с. 207—208.
- ²⁵ *Заходер Б. Н. Указ. соч.*, с. 34—35.
- ²⁶ Цит. по ст.: *Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.—В кн.: Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965, с. 413.
- ²⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, с. 648.
- ²⁸ Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973, с. 281.
- ²⁹ Там же, с. 285.
- ³⁰ Исландские саги, с. 537.
- ³¹ *Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков*, 1956, с. 141.
- ³² Материалы по истории туркмен и Туркмении, с. 180.
- ³³ *Люстр* — способ украшения восточных керамических изделий.
- ³⁴ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков, с. 139—140.
- ³⁵ Цит. по кн.: *Дживелегов А. К. Торговля на Западе в средние*

- века. СПб., 1904, с. 169. *Фаблио* — стихотворная новелла Северной Франции.
- ³⁶ Поэзия народов СССР IV—XVIII веков, с. 167.
- ³⁷ Цит. по ст.: Марковин В. И. Сердолик — «камень счастья». — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 272—273.
- ³⁸ Абу-р-Райхан Мухаммед Ибн-Ахмед Бируни. Указ. соч., с. 154.
- ³⁹ Там же, с. 157.

Глава 4. Погоны и сумы

- ¹ Толстой С. Л. Очерки былого. М., 1956, с. 77—78.
- ² Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. Пг., 1924, с. 64.
- ³ Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968, с. 51.
- ⁴ Исландские саги, с. 83.
- ⁵ Путешествие Зеевульфа в Святую Землю (1102—1103). — В кн.: Православный Палестинский сборник, т. III, вып. 3(9). СПб., 1885, с. 271.
- ⁶ Лошиц Ю. Пальмовая ветвь.— «Вокруг света», 1971, № 4, с. 31.
- ⁷ Хенниг Р. Указ. соч., с. 142.
- ⁸ Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. Составили Б. И. Пуришев, Р. О. Шор. М., 1953, с. 584.
- ⁹ Данте Алигьери. Малые произведения, с. 51.
- ¹⁰ Исландские саги, с. 137.
- ¹¹ «Золотая легенда» — собрание житий святых, составленное в середине XIII в. генуэзским монахом Иаковом Ворагинским.
- ¹² Bottineau Y. Les chemins de Saint-Jacques. Paris, 1964, р. 72—73.
- ¹³ Там же, с. 109.
- ¹⁴ Неф, или корабль, — вытянутая в длину, обычно прямоугольная в плане часть храма.
- ¹⁵ Клуатр — крытая галерея-обход, обрамляющая прямоугольный двор монастыря.
- ¹⁶ Тромпы — треугольные нишебразные своды, которые помешаются в углах сходящихся стен.
- ¹⁷ Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков, с. 588—589.
- ¹⁸ Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. Пер. С. Маркиша. М., 1969, с. 334.
- ¹⁹ Крипта — часовня под алтарной частью храма, место для почетных погребений.
- ²⁰ Себастиан Брант. Корабль дураков. Пер. Льва Пеньковского. М., 1965, с. 170.
- ²¹ Цит. по ст.: Тихонравов Н. С. Паломничество на Руси. — В кн.: Житие и хоженье Даниила русьская земли игумена (1106—1108). СПб., 1896.
- ²² Житие и хоженье Даниила, с. 1 и сл.
- ²³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, с. 671.
- ²⁴ Данциг Б. М. Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953, с. 191.
- ²⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, с. 671.
- ²⁶ Савваитов П. И. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872, с. 142.

- ²⁷ Бунин И. А. Черный камень Каабы.— Собр. соч., т. 1. М., 1965, с. 234.
- ²⁸ Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.— «Материалы по истории народов СССР», вып. 3, ч. 1. Л., 1932, с. 32.
- ²⁹ Карматы — приверженцы секты, не соблюдавшей общепринятых предписаний мусульманского культа. В начале X в. создали государство на аравийском побережье Персидского залива (Бахрейн).
- ³⁰ Мец А. Указ. соч., с. 254.
- ³¹ Там же, с. 224.

Глава 5. «Из всех земель мастера»

- ¹ См.: Дружинин В. Гамбургский плотник.— «Вокруг света», 1971, № 6.
- ² Скворцов В. Как жили и работали западноевропейские ремесленники в Средние века.— Средневековье в эпизодах и лицах. Научно-популярный сборник. М., 1941, с. 45.
- ³ Мушрифаддин Саади. Указ. соч., с. 170.
- ⁴ Лазарев В. Н. Живопись XI—XII веков в Македонии.— В кн.: Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971, с. 173.
- ⁵ Фирдоуси. Шахнаме, т. IV, с. 9.
- ⁶ Госпитальеры (иоанниты) — члены духовно-рыцарского ордена.
- ⁷ Донжон — главная башня феодального замка.
- ⁸ Пандус — пологая наклонная площадка для въезда.
- ⁹ Апсиса — алтарный выступ, ориентированный обычно на восток.
- ¹⁰ За сообщение этих сведений приношу глубокую благодарность П. А. Рашионпорту.
- ¹¹ Гюго Виктор. Собор Парижской Богоматери. М., 1947, с. 158—159.
- ¹² Мастера искусства об искусстве, с. 232.
- ¹³ Там же, с. 242.
- ¹⁴ Там же, с. 248.
- ¹⁵ Darcel A. Album de Villard de Honnecourt architecte du XIII siècle. Paris, 1958, p. 93.
- ¹⁶ Аркбугтан — каменная наружная арка, передающая распор сводов опорным столбам — контрфорсам.
- ¹⁷ Меандры — геометрический орнамент в виде линии, ломанной под прямым углом.
- ¹⁸ Мастера искусства об искусстве, с. 248.
- ¹⁹ Татищев В. Н. История Российской, т. III. М.—Л., 1964, с. 105.
- ²⁰ Полное собрание русских летописей, т. II, 1962, стб. 591.
- ²¹ Полное собрание русских летописей, т. I, 1926, стб. 351.
- ²² Татищев В. Н. Указ. соч., с. 72, 244, 246.
- ²³ Пилasters — плоский вертикальный выступ, членящий стену здания.
- ²⁴ Закомара — полуциркульное или килевидное завершение части наружной стены.
- ²⁵ Архивольт — архитектурная деталь, составляющая обрамление арочного проема.
- ²⁶ Полное собрание русских летописей, т. II, стб. 582.
- ²⁷ Минориты — монахи католического нищенствующего ордена францисканцев, основанного в XIII в.
- ²⁸ Карпини Джованни дель Плано. История монголов. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны, с. 58.

- ²⁹ См.: *Olschki Leonardo. Guillaume Boucher. A French Artist at the Court of the Khans*. Baltimore, 1946.
- ³⁰ *Карпини Джованни дель Плано. История монголов. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны*, с. 162.
- ³¹ Там же, с. 165.
- ³² Там же, с. 159.
- ³³ Там же, с. 158—159.
- ³⁴ *Фирдоуси. Шахнаме*, т. III. М., 1965, с. 159.
- ³⁵ *Логофет — начальник управления внешних сношений Византии*.
- ³⁶ Цит. по кн.: *Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века*. М.—Л., 1961, с. 365.

Глава 6. «Мы ушли навстречу пляске и смеху»

- ¹ Средневековый роман и повесть, с. 82—83.
- ² *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле*. М., 1965, с. 12.
- ³ Хрестоматия по истории западноевропейского театра, т. I. М., 1953, с. 51.
- ⁴ *Календы* — название первого дня месяца в древнеримском календаре.
- ⁵ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков, с. 65.
- ⁶ Три еврейских путешественника XI и XII ст. (Эльдад Данит, Вениамин Тудельский и Петахий Регенсбургский). Изд. П. В. Марголин. СПб., 1881, с. 28.
- ⁷ Римская история Никифора Григоры (Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии, т. 6). СПб., 1862, с. 342—345.
- ⁸ *Эразм Роттердамский*. Указ. соч., с. 447.
- ⁹ *Цзяофань* — школа при императорском дворе, где красивые девочки обучались музыке, пению и танцам. Воспитанницы Цзяофана впоследствии своими выступлениями развлекали гостей на пирах императора.
- ¹⁰ *Чи* — мера длины, равная 32 см.
- ¹¹ Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (Х—ХIII вв.). М., 1972, с. 20.
- ¹² *Гудок* — старинный русский смычковый инструмент.
- ¹³ *Фаминцын А. С. Указ. соч.*, с. 134.
- ¹⁴ Дигенис Акрит. Пер., статьи и комментарии А. Я. Сыркина. М., 1960, с. 66.
- ¹⁵ *Тамбурин* — ударный музыкальный инструмент, род небольшого барабана. *Кимвалы* — древний восточный ударный инструмент типа современных тарелок.
- ¹⁶ *Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.—VIII в. н. э.)* — «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, с. 130.
- ¹⁷ Поэзия трубадуров. Поэзия миннеингеров. Поэзия вагантов, с. 365—367.
- ¹⁸ *Мутриб* — певец, сопровождающий свое пение игрой на музыкальных инструментах.
- ¹⁹ *Газель* — вид лирического стихотворения в поэзии Ближнего и Среднего Востока.
- ²⁰ Кабус-намә, с. 156—157.

- ²¹ Ситара — струнный щипковый инструмент.
- ²² Рерих Н. К. Сердце Азии.— «Вокруг света», 1972, № 3, с. 46.
- ²³ Русская сказка. Избранные мастера, т. 1. Вступ. статья М. К. Азировского. М.—Л., 1931, с. 68.
- ²⁴ Хрестоматия по истории западноевропейского театра, т. I, с. 50.
- ²⁵ Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков, с. 583.
- ²⁶ Сага о Волсунгах. Пер., предисл. и прим. Б. И. Ярхо. М.—Л., 1934, с. 136.
- ²⁷ Старшая Эdda. Пер. А. И. Корсунна. М.—Л., 1963, с. 102.
- ²⁸ Сага о Волсунгах, с. 151.
- ²⁹ Там же, с. 143.
- ³⁰ Там же, с. 191.
- ³¹ Старшая Эdda, с. 107.
- ³² Сага о Волсунгах, с. 229—230.
- ³³ Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. В. В. Бартольда. М.—Л., 1962, с. 35.
- ³⁴ Там же, с. 41.

Глава 7. Запад и Восток

- ¹ Средневековые в его памятниках, с. 268.
- ² Цит. по кн.: Всеобщая история архитектуры, т. 4, с. 169.
- ³ Mâle E. L'art religieux du XII-e siècle en France. Paris. 1922, р. 359, 362.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 240.
- ⁵ Византийская сатира «Тимарион». Пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской.— «Византийский временник», VI, 1953, с. 367—368.
- ⁶ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков, с. 372—373.
- ⁷ Три еврейских путешественника XI и XII ст., с. 27, 28, 30.
- ⁸ Куфи — одна из древних разновидностей арабского письма.
- ⁹ Волюта — архитектурный мотив в форме спиралевидного завитка с кружком в центре.
- ¹⁰ Абурейхан Бируни. Избранные произведения, т. 1. Ташкент, 1957, с. 224, 234.
- ¹¹ «Авеста»— священная книга зороастрийской религии древнего Ирана.
- ¹² Омар Хайям. Рубайат. Пер. Г. Плисецкого. М., 1972, с. 8.
- ¹³ Тимпан — углубленное пространство над дверью или окном, имеющее треугольное, полуциркульное или стрельчатое очертание; консоль — несущая конструкция, жестко закрепленная одним концом при свободном другом.
- ¹⁴ Mâle E. Op. cit., р. 363.
- ¹⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршем Даниловым. М.—Л., 1958, с. 11.
- ¹⁶ Феррандин — дорогая восточная ткань.
- ¹⁷ Песнь о нивелунгах. Л., 1972, с. 45—46.
- ¹⁸ Книга Марко Поло, с. 66.
- ¹⁹ Средневековые в его памятниках, с. 283.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Поэзия народов СССР IV—XVIII веков, с. 269—270.
- ² Средневековый роман и повесть, с. 529.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. 1. М., 1961.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.
- Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (Х—XIV вв.). М., 1966.
- Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975.
- Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.
- Даркевич В. П., Маршак Б. И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области.—«Советская археология», 1974, № 2.
- Егоров Д. Н. Культурная история Средних веков. М., 1918.
- Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.
- Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1966.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.—Избр. соч., т. IV. М.—Л., 1957.
- Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале.— В кн.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.
- Лясковская О. А. Французская готика. М., 1973.
- Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971.
- Негматов Н. Н., Соколовский В. М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии.—В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1975.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951.
- Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
- Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье.—«Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 1, 1947.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Arbman H. Birka. Die Gräber. I—II. Stockholm, 1940—1943.
- Ebersolt J. Orient et Occident. Paris, 1954.

- Ellis H. R.* Sigurd in the art of the Viking Age.—«Antiquity», 1942; vol. 16.
- Grabar A.* Le succès des arts orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens.—«Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst», 1951, Folge 3, Bd. 2.
- Grabar A.* Ampoules de Terre Sainte. Paris, 1958.
- Haskins C. H.* The Renaissance of the XII-th century. Cambridge, 1927.
- Le Goff J.* Kultura średniowiecznej Europy. Warszawa, 1970.
- Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. 1. Wrocław—Kraków, 1956.
- Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. 2. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.
- Mazahéri Aly.* Życie codzienne muzułmanów w średniowieczu (wiek X—XIII). Warszawa, 1972.
- Olschki L.* Guillaume Boucher. A french artist at the court of the khans. Baltimore, 1946.
- Oursel K.* Les pèlerins du Moyen Age. Paris, 1963.
- Oxenstierna E.* Sa levde vikingarna. Stockholm, 1959.
- Skudiszewski P.* Czara włocławska. Poznań, 1965.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббасиды (750—1258), династия арабских халифов, возводивших свое происхождение к Аббасу — дяде пророка Мухаммеда 47, 74, 172

Абу-л-Фида (1273—1331), арабский энциклопедист, историк и географ 50, 78

Абу Нувас (762—813), арабский поэт, основоположник жанра застольной поэзии 70
Абу Хамид ал-Гарнати (1080—1169), испано-арабский путешественник, побывал в Восточной Европе 77, 78

Августин (354—430), епископ города Гиппона (Северная Африка), христианский богослов, церковный писатель, на авторитет которого в средние века опиралась католическая церковь 13

Авхеди Мерагай (1275—1338), азербайджанский поэт 35

Адам Бременский (ум. после 1081), северогерманский хронист 103

Архиепископ Кельнский (XII в.), классик вагантской поэзии 20

Ахемениды (558—330 гг. до н. э.), династия царей древне-персидской державы 177

Беда Достопочтенный (672—735), англо-саксонский летописец 102

Бернарт де Вентадорн (ок. 1140—1195), провансальский трубадур 32

ал-Бируни (973—1048), великий среднеазиатский ученый-энциклопедист 54, 71, 74, 78, 94, 95, 97, 174

Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1170 — ок. 1230), немецко-австрийский поэт, представитель придворно-рыцарской поэзии 156

Вальтер Шатильонский (ок. 1135 — первые годы XIII в.), поэт-клирик, автор поэмы «Александрида» 14

Вениамин Тудельский (XII в.), еврейский путешественник 107, 151, 171

Вильям Ленгленд (1332 — ок. 1377), английский поэт, автор аллегорической поэмы «Видение о Петре-Пахаре» 22, 104, 109, 159

Вольфрам фон Эшебах (ок. 1170—1220), немецкий лирический поэт 23, 183

Гай Юлий Солин (III в. н. э.), римский писатель, автор сочинения «Собрание достойных упоминания вещей», популярного в средние века 17

Ганс Сакс (1494—1576), немецкий поэт периода Реформации 124

Гильом Рубрук (между 1215 и 1220 — ок. 1270), фламандский путешественник, монах, в 1253—1255 гг. совершил поездку в Монголию во гла-

- ве посланной Людовиком IX дипломатической миссии 34, 65, 66, 67, 142, 143, 145
- ал-Джахиз (775—868), выдающийся арабский прозаик и ученый-энциклопедист 57
- Джеффри Чосер (ок. 1340—1400), крупнейший английский писатель, автор «Кентерберийских рассказов» 19, 22, 98.
- Джованни да Плано Карпини (1182—1252), итальянский путешественник, в 1245 г. был направлен во главе дипломатической миссии в Монголию, оставил ценное описание своей поездки 34, 143
- Ибн ал-Джаузи (ум. 1200), арабский писатель и проповедник 119
- Ибн-Баттута (1304—1377), арабский путешественник 79
- Ибн-Джу拜р (1145—1217), испано-арабский литератор и путешественник 121
- Ибн-Русте (вторая половина IX — начало X в.), арабский географ 75, 87, 88
- Ибн-Фадлан (X в.), арабский путешественник, побывал в Восточной Европе в составе посольства халифа Муктадира, оставил знаменитое описание своей поездки 49, 75, 92, 95
- Ибн-Хаукаль (X в.), арабский географ и путешественник 48, 93
- Ибн-Хордадбех (ок. 820 — ок. 912), арабский географ 90
- ал-Идриси (1100—1165), арабский ученый-географ 89
- Имруультайс (ок. 500 — середина VI в.), выдающийся древнеарабский поэт 119
- Исидор Севильский (ум. 636), испанский епископ, энциклопедист, автор сочинения «Этимология» 17
- Истахри (ок. 849—934), арабский географ и путешественник 66, 92
- Камал Худжанди (ум. между 1390—1405), таджикский поэт-лирик 183
- Каролинги — франкская королевская династия, сменившая Меровингов в 751 г., название «Каролинги» происходит от имени Карла Великого (ок. 742—814), при котором государство франков достигло вершины своего могущества 110, 168
- Константий VII Багрянородный (913—959), византийский император, автор сочинения «О церемониях константинопольского двора» и др. 146, 150
- Косьма Индикоплов (VI в.), византийский купец. Совершил путешествия по Красному морю и Индийскому океану, посетил Южную Аравию, Африку 64, 65
- Кретьен де Труа (вторая половина XII в.), виднейший французский куртуазный эпик, создатель так называемого артуровского романа 31, 148
- Лукиан (ок. 120 — после 180), древнегреческий сатирик 59
- Людовик IX Святой (1226—1270), французский король 111, 127, 142, 145
- Македонская династия (867—1056), династия византийских императоров 171
- Мануил I Комнина (1143—1180), византийский император 65, 151, 170
- ал-Масуди (ум. 956), арабский литератор, историк и географ 34, 40, 48, 76
- Менандр Протектор (вторая половина VI в.), византийский историк 43
- Меровинги, первая королевская династия во Франкском государстве (окончилась в 751), в период правления которой у франков зарождаются феодальные отношения 169, 177

- Мукауддаси (вторая половина X в.), арабский ученый и литератор 47, 50
- Наршахи (899—959), среднеазиатский историк, написал «Историю Бухары» 46
- Носир Хисроу (1003—1088), персидский поэт и прозаик 6, 7
- Одон Дейльский (XII в.), французский историограф 170
- Омейяды (661—750), династия арабских халифов в Дамаскском (Омейядском) халифате 71, 155, 172
- Прокопий Кесарийский (VI в.), византийский писатель, автор «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» 56
- Сабир Термези (убит в 1151 г.), таджикский поэт 35
- Саманиды (874—999), династия, правившая государством, которое занимало большую часть Средней Азии, Хорасан и Северный Афганистан 88, 92
- Сасаниды (III—VII вв.), иранская династия, возглавлявшая государство на Ближнем и Среднем Востоке 43, 47, 56, 63, 69, 71, 74, 155, 173, 174, 177
- Себастиан Брант (1458—1511), выдающийся немецкий гуманист, автор сатирико-дидактической поэмы «Корабль дураков» 112
- Сюань Цзан (VII в.), пилигрим-буддист из Китая, совершивший паломничество в Индию 45, 48, 51
- Тан (618—907), китайская императорская династия 42, 47, 62, 153, 155
- Тангейзер (XIII в.), немецкий поэт, певец любви 156
- Татищев В. Н. (1686—1750), русский государственный деятель, историк 136
- Усама Ибн-Мункыз (1095—1188), сирийский эмир-поэт, автор мемуаров 168
- Фатимиды (909—1171), династия арабских халифов, правила в Северной Африке, а затем в Египте 96
- Фирдоуси (между 934 и 941—ок. 1020), великий поэт, классик таджикской и персидской литературы, автор эпопеи «Шахнаме» («Книга о царях») 42, 49, 69, 73, 126, 146
- Фридрих I Барбаросса (ок. 1125—1190), император (из династии Гогенштауфенов) так называемой Священной Римской империи 65, 137
- Харун ар-Рашид (766—809), халиф из династии Аббасидов, в период его правления расцвела культура Багдадского халифата 110, 168
- Хильдеберт Лаварденский (1056—1133), писатель, епископ Манса, выдающийся стилист своего времени 28
- Шариф ар-Ради (970—1016), мусульманский правовед и литератор 120
- Эразм Роттердамский (1466 или 1469—1536), великий нидерландский гуманист, ученый и писатель 109, 153
- Юстиниан I (527—565), византийский император 60, 62

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Адыги, общее наименование для родственных по происхождению племен Северного Кавказа; из современных народов к ним относятся адыгейцы, кабардинцы и черкесы 42
- Аланы, ираноязычные племена сарматского происхождения; представление об аланской культуре VIII—XI вв. дают городища и могильники на Северном Кавказе 42, 44, 144
- Бактрия, древняя область в Средней Азии по среднему и верхнему течению Амуударьи 58, 59, 60, 65, 87
- Булгария Волжско-Камская, первое государственное образование народов Среднего Поволжья и Прикамья; сформировалось в X в. 48, 75, 76, 87, 88, 90
- Византий, античное название Константинополя 170
- Гадир (Гадес, совр. Кадис), финикийская колония в устье р. Бетис (совр. Гвадалкивир) 152
- Геракловы (Геркулесовы) столпы, Гибралтар 33, 169
- Греко-Бактрийское царство (ок. 250 — ок. 140 до н. э.), рабовладельческое государство на территории Средней Азии 59
- Гузы (огузы), тюркоязычные кочевые племена 165, 166
- Джурджан (Гурган), область к юго-востоку от Каспийского моря 50, 93
- Джурджания (Ургенч), столица средневекового Хорезма 49
- Иверия (Иберия), древнее название Восточной Грузии (Картли) 152
- Карлуки, тюркское племя, возникшее после распада Тюркского каганата 50, 55, 66
- Керман, область и город на юго-востоке Ирана, 50, 179
- Конья (Иконий), столица Конийского султаната, феодального государства в Малой Азии (XI—XIV вв.) 170
- Кушанская царство (I в. до н. э.—IV в. н. э.), рабовладельческое государство, включавшее значительную часть Средней Азии, Афганистана, Северной Индии 59
- Левант, общее название стран восточной части Средиземного моря 31, 167
- Лидия, область в западной части Малой Азии 58, 59
- Мавераннахр, средневековое название областей по правому берегу Амуударьи 88, 90, 92
- Магриб (Арабский Запад), наименование района Северной Африки, охватывающего Марокко, Алжир и Тунис 36
- Мидия, историческая область в северо-западных областях Иранского нагорья 58, 65, 152, 170
- Миср (Мысир), Египет 42
- Нимруз, «полдень», «полуденная страна»; древнее название Систана — области на севере Иранского нагорья 125
- Оман, прибрежная область в Восточной Аравии 38, 39

- Парфянское царство (III в. до н. э.—III в. н. э.), рабовладельческое государство, возникшее на юго-востоке от Каспийского моря 59
- Понт Евксинский, древнегреческое название Черного моря 170
- Рей, древний город Ирана, развалины которого находятся вблизи Тегерана 49, 50, 54, 71, 87, 90, 93, 94
- Ромейское государство (Рум), так называли Византию, счи-тавшуюся преемницей императорского Рима; слова «ромей», «ромейский» употреблялись в качестве синонимов слов «византийский», «греческий» 37, 39, 43, 44, 60, 90, 126, 171
- Самоеды («самоядь»), пенцы 80, 82
- Сарацины, так европейские авторы называли арабов, позже — всех мусульман 106, 109, 114, 168, 171, 178
- «Священная Римская империя», средневековая империя, включавшая королевство Германию и другие земли (часть Италии, Чехию, Бургундию, Нидерланды); основана в 962 г. германским королем Оттоном I 30
- Сельджуки, одна из ветвей кочевых тюрк-огузов, названных по имени стоявшей во главе ее династии Сельджукидов; в XI—XII вв. образовали феодальное государство в Иране и на Ближнем Востоке 122, 165, 171
- Семиречье, историко-географическая область Средней Азии; название происходит от семи главных рек этого района, впадающих в оз. Балхаш 46, 55, 66, 68
- Синд (Хиндустан, Хинд), область в Индостане, чаще — синоним Индии 29, 36, 38, 50, 126
- Синьцзян, Синьцзян-Уйгурский автономный район в КНР; административный центр — г. Урумчи 44, 46, 56, 155
- Согдийцы, древняя восточно-иранская народность Средней Азии, населявшая Согд 43, 45, 46, 47
- Табаристан (Мазандеран), область в северо-западном Иране, 70, 71, 93
- Тараз (Талас), древнее название города Аулие-Ата в Казахстане (ныне Джамбул) 49, 55, 92
- Турфан, город в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР 54, 155
- Тюркский каганат (552—745), государство, основанное в Центральной Азии племенным союзом тюрок 44, 165
- Фарс, область на юге Ирана 50
- Франки, общее наименование европейцев у мусульман 96, 168
- Фригия, область в северо-западной части Малой Азии 58
- Фрисландия, приморская провинция Нидерландов 93
- Хазарский каганат (VII—X вв.), государственное образование раннефеодального типа в Прикаспийских и Причерноморских степях 75, 92, 93, 164, 166
- Хазары, союз тюркоязычных, в основном кочевых племен 92, 166
- Хакасы енисейские, древний тюркоязычный народ Южной Сибири 55
- Халdea, Вавилония 152, 177
- Хорасан, область на северо-востоке Ирана 37, 48, 70, 71, 88, 92, 93, 96, 97
- Хорезм, историко-географическая область в Средней Азии, расположенная в низовьях Амударьи 44, 49, 50, 60, 75, 76, 92, 93, 95
- Чач, древнее название Ташкента 49, 155
- Чин (Син), Китай 29, 42, 44, 126
- Шираз, город на юге Ирана, родина Саади и Хафиза 36

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	5
Глава 1. Средневековые путешествия	12
Глава 2. Великий шелковый путь	42
Глава 3. К «Морю мраков»	69
Глава 4. Полоса и сумма	98
Глава 5. «Из всех земель мастера»	124
Глава 6. «Мы ушли навстречу пляске и смеху»	148
Глава 7. Запад и Восток	167
Заключение	183
Примечания	185
Литература	193
Указатель имен	195
Указатель географических и этнических названий	198

Владислав Петрович Даркевич

АРГОНАВТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор Н. В. Шевелева. Художественный редактор Ю. П. Трапаков
Технические редакторы Л. И. Куприянова, Т. В. Полякова
Корректоры Л. А. Надеждина, Б. И. Рывин

Сдано в набор 16/VIII 1976 г. Подписано к печати 13/XII 1976 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 11,3.
Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 90 000. Т-21637. Тип. зак. 1075. Цена 74 коп.
Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

74 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

КНИГА:

КУЗЬМИНА Е. Е.

В стране Афрасиаба и Кавата.

7 л. 50 к.

В книге рассказывается о развитии культуры и изобразительного творчества ираноязычных народов Евразийских степей и Средней Азии с III тысячелетия до н. э. и до эпохи Александра Македонского. Сопоставляя данные археологии и памятников мифологии и фольклора ираноязычных народов, автор раскрывает идеальное содержание произведений сако-скифского и бактрийского искусства. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петровско-Заводская ул., 7, магазин «Книга —

почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97.
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13.
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24. 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95. 375009 Ереван, ул. Туманяна, 31. 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303. 252030 Киев, ул. Ленина, 42. 277012 Кинешев, ул. Пушкина, 31. 433900 Краматорск, ул. Марата, 1. 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2. 192104 Ленинград, Дул20, Литейный проспект, 57. 199164 Ленинград, Университетская наб., 5. 199004 Ленинград, 9 линия, 16. 103009 Москва, ул. Горького, 8. 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7. 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22. 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51. 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137. 700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11. 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73. 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43. 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18. 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49. 456075 Уфа, проспект Октября, 129. 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42. 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

